

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2014
(№ 89)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 5 **К. А. Чернышев.** Идентификация депрессивных регионов в современной России
- 14 **Т. С. Преснякова.** Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: российский и зарубежный опыт

Региональные проблемы науки и образования

- 22 **А. М. Носонов.** Особенности инновационного развития регионов России
- 32 **И. А. Иванова.** Моделирование региональной инновационной деятельности в России
- 40 **Н. Д. Куликов.** Методы исследования инновационной активности регионов Приволжского федерального округа
- 48 **Г. Г. Зейналов, Л. В. Стародубцева.** Анализ потребности региона в образовательных услугах Мордовского педагогического института
- 55 **Н. И. Наумкин, Н. Н. Шекшаева, В. Ф. Купряшкин, Е. Н. Панюшкина.** Практическое обучение инновационной инженерной деятельности в региональных летних научных школах
- 63 **Н. А. Кожурина.** Социальная адаптация младших школьников региона в процессе физического воспитания

Экономика региона

- 73 **Д. В. Мельников.** Экономическая политика реализации прав собственности в регионах России
- 79 **Д. Ф. Салькаева.** Основные фонды в оценке инфраструктурного потенциала в развитии регионов Приволжского федерального округа
- 86 **О. С. Ноговицына, О. Н. Соболева.** Методы исследования факторов инновационной активности предприятий агропромышленного комплекса региона
- 94 **А. В. Кучеров, В. П. Шегурова, О. В. Шибилева.** Мероприятия по улучшению финансового состояния предприятий агропромышленного комплекса региона

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНОВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

100 Д. В. Окунев, С. Э. Майкова, И. В. Гвоздецкая. Потребительские предпочтения на региональном рынке молочной продукции

110 О. И. Аверина, А. Д. Королева. Проблемы предприятий хлебопекарной отрасли и их рейтинговая оценка

Социология региона

119 А. Н. Ершов, А. А. Салатова. Социологические интерпретации феномена безработицы в условиях глобализации

130 К. В. Фофанова, А. А. Сычев, Д. М. Борисов. Факторы межэтнической консолидации в контексте миграционных процессов

141 В. В. Бобров. Социальная ответственность международной компании в регионах России

148 Н. Н. Королева. Развитие социальной инфраструктуры как условие воспроизводства человеческого капитала в регионе

157 Г. И. Щанкина. Влияние жилищного фактора на эволюцию социальных рисков в регионе

165 А. В. Якушкин. Демографический образ региона

172 Т. М. Дадаева, С. Г. Ушкин. Женщины в политике и общественной жизни: Pro et Contra

179 Е. В. Недосека, В. В. Волков. Ментальная репрезентация пространства молодежи г. Мурманска

190 В. М. Сидоркина, Н. С. Полутина. Ценности виртуального сообщества

196 В. Е. Пулов. Роль физической культуры в социализации личности

205 Т. В. Фогель. Контент-анализ предлагаемых социально-помогающих практик газетой «Мурманская правда»

Философия в регионе

210 А. Н. Чекушкин, Е. Н. Чекушкина. Роль социальной рефлексии в формировании гражданской идентичности финно-угорских народов России

Региональная история и историография

219 Т. Л. Бихтемиров. Основные тенденции становления силовых структур в Российской Федерации в 1990-е гг.

227 С. В. Митин. Изменение политики региональных партийных и советских органов на селе в начале Великой Отечественной войны

Провинциальная культура

233 Е. А. Трофимова. Образ странника в русской культуре Серебряного века

REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder:

Federal State-Funded
Educational Institution
of Higher Professional
Education "Ogarev Mordovia
State University"

The journal has been
published since October 1992

The journal is
published quarterly

4/2014
(№ 89)

CONTENTS**Political Space of a Region
and Territorial Administration**

- 5 K. A. Chernyshev. Identification of the Depressed Regions in Modern Russia
14 T. S. Presnyakova. Assessment of Efficiency of Local Authorities' Activities: Russian and Foreign Experience

**Regional Issues
of Science and Education**

- 22 A. M. Nosonov. Features of Innovative Development of Russia's Regions
32 I. A. Ivanova. Modeling Regional Innovative Activity in Russia
40 N. D. Kulikov. Methods of Researching Innovative Activity in the Volga Federal District's Regions
48 G. G. Zeynalov, L. V. Starodubtseva. Analysis of the Region's Need for Educational Services Provided by the Mordovian Pedagogical Institute
55 N. I. Naumkin, N. N. Shekshaeva, V. F. Kupryashkin, E. N. Panyushkina. Practical Training in Innovative Engineering Activities in Regional Summer Science Schools
63 N. A. Kozhurina. Social Adaptation of the Junior Schoolchildren in a Region in the Process of Physical Education

Economy of a Region

- 73 D. V. Melnikov. Economic Policy of Property Rights Implementation in the Regions of Russia
79 D. F. Salkaeva. Fixed Assets in Assessment of the Infrastructure Potential in Developing the Regions of the Volga Federal District
86 O. S. Nogovitsyna, O. N. Soboleva. Methods of Researching Factors of Innovative Activity of Enterprises in the Regional Agro-Industrial Complex
94 A. V. Kucherov, V. P. Shegurova, O. V. Shibileva. Measures to Improve the Financial Condition of Enterprises in the Regional Agro-Industrial Complex
100 D. V. Okunev, S. E. Maikova, I. V. Gvozdetzkaya. Consumer Preferences on a Regional Market of Dairy Products

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor-in-chief)
N. M. ARSENTIEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy editor-in-chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESIEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

- 110 O. I. Averina, A. D. Korolyova. Problems of Enterprises in the Baking Industry and their Ratings

Sociology of a Region

- 119 A. N. Ershov, A. A. Salatova. Sociological Interpretation of the Phenomenon of Unemployment in the Context of Globalization
- 130 K. V. Fofanova, A. A. Sychev, D. M. Borisov. Factors of Interethnic Consolidation in the Context of Migration Processes
- 141 V. V. Bobrov. Social Responsibility of an International Company in the Regions of Russia
- 148 N. N. Korolyova. Development of Social Infrastructure as a Condition of Reproduction of Human Capital in a Region
- 157 G. I. Schankina. Impact of the Housing Factor on the Evolution of Social Risks in a Region
- 165 A. V. Yakushkin. Demographic Image of a Region
- 172 T. M. Dadaeva, S. G. Ushkin. Women in Politics and Public Life: Pro et Contra
- 179 E. V. Nedoseka, V. V. Volkov. Mental Representation of the Youth Space in the City of Murmansk
- 190 V. M. Sidorkina, N. S. Polutina. Virtual Community Values
- 196 V. E. Pulov. The Role of Physical Culture in Socialization
- 205 T. V. Fogel. Content Analysis of the Socio-Helping Practices Proposed by the 'Mariyskaya Pravda' Newspaper

Philosophy in a Region

- 210 A. N. Chekushkin, E. N. Chekushkina. The Role of Social Reflection in Formation of Civil Identity of the Finno-Ugric Peoples of Russia

Regional History and Historiography

- 219 T. L. Bikhtemirov. The Main Trends in Formation of the Power Structures in the Russian Federation in the 1990s
- 227 S. V. Mitin. Changes in the Policies of the Regional Party and Soviet Bodies in the Rural Areas at the Beginning of the Great Patriotic War

Provincial Culture

- 233 E. A. Trofimova. Image of the Wanderer in the Russian Culture of the Silver Age

К. А. ЧЕРНЫШЕВ

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

Ключевые слова: депрессивный регион, типология, переходный период, показатели социально-экономического развития, субъекты Российской Федерации

Key words: depressed region, typology, transitional period, indicators of socio-economic development, subjects of the Russian Federation

Рассматривается существующий опыт идентификации депрессивных регионов. Уделяется особое внимание такому понятию, как «депрессивные территории». Определяются критерии отнесения к таким территориям. Предложена типология регионов Российской Федерации по уровню их депрессивности.

The paper considers the current experience of identifying depressed regions; it focuses on the concept of 'depressed territories', defines the criteria for labeling them as such. The typology of Russia's regions according to their level of depression is proposed.

В последние годы отечественные ученые предложили много методик, направленных на выявление региональной депрессивности, в основу которых положены различные экономические, финансовые, социальные и другие параметры, характеризующие уровень развития регионов. Очевидно, что для страны с огромной территорией, имеющимися межрегиональными различиями в размерах природно-ресурсного потенциала, трудовых ресурсов, уровне освоения контрасты в уровне социально-экономического развития неизбежны. Если в советский период декларировалась идея выравнивания различий в уровне жизни, которая являлась одной из идеологических основ государственной

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета, кандидат географических наук.

CHERNYSHEV Konstantin Anatolievich, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of Public Administration, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation).

политики, то в рыночной экономике регулирующая функция государства существенно ослабла. На место идей по сглаживанию межрегиональных различий пришли планы по формированию опорного каркаса из отдельных регионов страны, созданию полюсов роста, организации территорий опережающего развития и пр. В постсоветское время социально-экономические различия между регионами России углубились, что привело к формированию разного рода проблемных территорий.

В настоящее время выделяют две основные категории проблемных регионов — отсталые (слаборазвитые) и депрессивные.

Депрессивные территории — при более низких (чем в среднем по стране) экономических показателях в прошлом развитые регионы, по некоторым характеристикам занимавшие видное место в стране². В результате кризиса в основных отраслях экономики такие территории оказались в состоянии существенного экономического упадка. Возникновение подобных образований есть территориальное проявление снижения конкурентоспособности и рентабельности ряда отраслей промышленности с соответствующим спадом производства (машиностроение, текстильная промышленность, добыча угля и др.). В Российской Федерации процессы депрессии осложнились, а часто были вызваны проблемами перехода от плановой экономики к рыночным отношениям.

В отличие от депрессивных, слаборазвитые районы никогда заметно не влияли на экономику страны. Они характеризуются сырьевой специализацией, слабым развитием инфраструктуры, низким образовательным и профессиональным уровнем рабочей силы, социально-экономической, политической и другой отсталостью³.

Предлагаются разнообразные, нередко связанные между собой критерии оценки и показатели, позволяющие отнести ту или иную территорию к числу депрессивных. В частности, среди критериев называются: спад производства в основных отраслях экономики⁴ или только в промышленности⁵, низкий уровень экономического развития, определяемый по душевому ВРП⁶, объем промышленного производства на душу населения⁷, высокий уровень безработицы⁸, соотношение денежных доходов и величины прожиточного минимума населения⁹, высокая дотационность бюджета¹⁰, преимущественно

аграрная занятость¹¹, низкая инвестиционная привлекательность¹², низкий уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы¹³, показатели смертности¹⁴, миграционной убыли¹⁵.

Таким образом, наиболее востребованными показателями при выделении депрессивных регионов выступают спад промышленного производства, уровень безработицы, размер ВРП на душу населения. С нашей точки зрения, использование таких социально-демографических показателей, как уровень (или рост) смертности, миграционной убыли, не в полной мере отражает суть региональной депрессии как экономического явления. Демографические проблемы являются следствием кардинальных изменений в экономике конкретных регионов, но часто бывают порождены и влиянием других факторов (возрастная структура населения, экологическая обстановка, стрессовые миграции).

Исходя из имеющегося представления о региональной депрессивности, для отбора депрессивных субъектов России мы использовали следующие показатели:

— *многолетнее снижение объемов промышленного производства, выраженное с помощью индекса промышленного производства за 1991—2012 гг.* Этот показатель является основным макроэкономическим индикатором развития производящего сектора экономики. В настоящее время он представляет собой агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Данный индекс отражает динамику объема промышленного производства, его подъема или спада и определяется в виде отношения текущего объема производства в денежном выражении к объему промышленного производства в базисном году. Использование этого индекса соответствует представлению о депрессивных регионах как о промышленно развитых, но характеризующихся многолетним снижением объемов промышленного производства. В качестве порогового значения показателя снижения промышленного производства для выявления субъектов Российской Федерации с выраженной региональной депрессивностью мы использовали показатель 50 % по отношению к 1991 г., а для полудепрессивных регионов — 80 %. Этот показатель является главным,

поскольку, с нашей точки зрения, если в регионе не зафиксировано значительное падение объема промышленного производства (в первую очередь обрабатывающих или добывающих отраслей), то депрессивным его считать вовсе нельзя;

— *валовой региональный продукт на душу населения, составляющий менее 70 % от среднероссийского уровня.* Этот показатель является основным параметром, отражающим уровень экономического развития регионов. Полагаем, что отнюдь не корректно относить регион к категории проблемных (в том числе депрессивных), если, несмотря на снижение объема промышленного производства, показатель ВРП на душу населения соответствует среднероссийскому уровню или превышает его. Сохранение высокого душевого ВРП при спаде в отраслях промышленности возможно в случае изменения отраслевой структуры экономики, когда снижение объемов промышленного производства сочетается с развитием сферы услуг и других секторов экономики (например, в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург). Такая ситуация характерна и для субъектов Российской Федерации, где, наряду со снижением объемов промышленного производства, отмечалось и значительное сокращение численности населения. Это Камчатский край, Магаданская и Мурманская области, Республика Коми, в которых душевой ВРП также выше среднего по стране;

— *показатель уровня безработицы за пять лет (2008—2012 гг.), рассчитываемый Росстатом по методологии международной организации труда.* Экономическая депрессия, спад производства в промышленных регионах сопровождаются ростом уровня безработицы. Анализ опыта выделения депрессивных территорий в странах Западной Европы свидетельствует, что высокий уровень безработицы первоначально являлся главным критерием отнесения региона к категории депрессивных¹⁶. Есть точка зрения, что в условиях Российской Федерации сильная напряженность на рынке труда характерна преимущественно для слаборазвитых территорий с незавершенным демографическим переходом, а в остальных регионах, включая депрессивные, основным регулятором рынка труда был не столько рост безработицы, сколько снижение и невыплата заработной платы¹⁷;

— *объем производства промышленной продукции на душу населения.* Пороговое значение принималось более 30 % по отношению к среднему в Российской Федерации уровню производства промышленной продукции на душу населения. Это позволило отсеять из соответствующих предыдущим критериям субъектов Российской Федерации такие регионы, которые вовсе нельзя охарактеризовать как индустриально развитые ни в прошлом, ни в настоящее время и отнесение которых к категории депрессивных некорректно. Так, менее 30 % от среднероссийского уровня составляет производство промышленной продукции в республиках Алтай, Северная Осетия — Алания, Калмыкия, Тыва, Ингушетия, Чечня, а также в Еврейской автономной области¹⁸. Большинство этих территорий отличается аграрной направленностью, высокой долей бюджетных услуг в структуре ВРП. Основная масса из них традиционно относится к группе слаборазвитых регионов. При этом для указанных субъектов Российской Федерации также характерен спад промышленного производства, часто не менее глубокий, чем в депрессивных регионах, низкий душевой ВРП и высокий уровень безработицы. Относительно низкий показатель душевого ВРП может обуславливаться высокой долей населения в нетрудоспособном возрасте, а высокий уровень безработицы может быть вызван большой долей молодежи или же занятостью в теневом секторе.

Таким образом, к категории регионов с разной степенью депрессивности, согласно предложенной методике, можно отнести 12 субъектов Российской Федерации. Регионы с выраженной региональной депрессивностью — Ивановская и Кировская области, Удмуртская Республика. Процессы депрессии в них имеют длительный, затяжной характер. Выявленные полудепрессивные субъекты Российской Федерации — Орловская, Рязанская, Смоленская, Псковская, Волгоградская, Ульяновская, Курганская области, Чувашская Республика, Алтайский край. Характеристики этих регионов представлены в таблице. Выделенные депрессивные территории сосредоточены в пределах Приволжского (4) и Центрального (4), Южного, Северо-Западного, Уральского, Сибирского (по 1) федеральных округов. В целом в депрессивных регионах Российской Федерации (с выраженной депрессией и полудепрессивных) проживает 11 % насе-

ния, или 15,8 млн чел. Большинство территорий (10 из 12) расположено в европейской части России.

Таблица

Социально-экономическое положение депрессивных регионов России

Субъект Российской Федерации	Численность населения в среднем за 2013 г., тыс. чел.	Уровень промышленного производства 2012 г. к уровню 1991 г., %	Валовой региональный продукт на душу населения в 2012 г., тыс. руб.	Уровень безработицы, в среднем за 2008—2012 г., %	Объем производства промышленной продукции на душу населения в 2012 г., тыс. руб.
Ивановская область	1 046	0,36	130	6,8	267
Орловская область	773	0,52	188	7,3	103
Рязанская область	1 143	0,78	216	7,3	109
Смоленская область	972	0,62	206	6,9	182
Псковская область	659	0,67	163	7,1	182
Волгоградская область	2 576	0,57	222	8,6	111
Удмуртская Республика	1 517	0,40	245	7,9	227
Чувашская Республика	1 242	0,57	174	7,8	213
Кировская область	1 315	0,49	160	8,6	123
Ульяновская область	1 271	0,55	191	8,4	121
Курганская область	881	0,54	163	7,4	148
Алтайский край	2 395	0,64	154	8,8	100

Идентификация приведенных субъектов Российской Федерации в качестве депрессивных вовсе не является окончательной ввиду постоянного изменения социально-экономической ситуации в стране и ее отдельных регионах, а также возможности дополнения перечня показателей, положенных в основу расчетов. Кроме того, можно согласиться с мнением, согласно которому все типологии в региональной науке субъективны и никакой (даже самый современный) инструментарий не даст возможность автоматически вынести окончательный диагноз относительной «прогрессивности» или «отсталости» отдельных территорий¹⁹.

Результаты идентификации депрессивных регионов могут быть учтены при определении размеров и вида поддержки со стороны федерального центра. Особое внимание для повышения уровня экономического развития и обеспечения достойного качества жизни необходимо регионам с выраженной

депрессивностью. Кроме того, неоднозначно само по себе отнесение целых субъектов к категории депрессивных, в связи с чем для разработки конкретных мероприятий по оздоровлению подобных территорий целесообразно сосредоточение внимания федеральных и региональных властей только на компактных территориальных образованиях. Следует добавить, что при этом комплекс мероприятий не должен ограничиваться экономической сферой, поскольку процесс депрессии, кроме спада производства, характеризуется ростом негативных социальных явлений, высокой смертностью, снижением уровня жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-3878.2014.6.

² См.: Селиверстов В.Е., Бандман М.К., Гузнер С.С. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам // Регион: экономика и социология. 1996. № 1. С. 14.

³ См.: Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Либроком, 2009. С. 84.

⁴ См.: Проект Федерального закона № 91010-3 «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=9018> (дата обращения: 01.09.2014).

⁵ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2012. С. 10; Леонов С.Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // Изв. РАН. Сер.: Географическая. 2005. № 2. С. 69; Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики социально-экономического развития проблемных регионов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Иркутск, 2011. С. 21.

⁶ См.: Агузарова Л.А. Формирование и развитие социально-трудового потенциала в депрессивных регионах: теория, методология, механизмы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Махачкала, 2011. 43 с.

⁷ См.: Леонов С.Н. Типология проблемных регионов ... С. 69; Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики ... С. 21.

⁸ См.: Агузарова Л.А. Формирование и развитие социально-трудового потенциала ...; Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики ... С. 21; Леонов С.Н. Типология проблемных регионов ... С. 69; Проект Федерального закона № 91010-3 «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации».

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Агузарова Л.А. Формирование и развитие социально-трудового потенциала ... С. 30; Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов ... С. 10.

¹¹ См.: Агузарова Л.А. Формирование и развитие социально-трудового потенциала ... С. 30.

¹² Там же. С. 30.

¹³ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов ... С. 10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Сафиуллин Р.Г., Сулейманова А.Б. Экономико-географические подходы к исследованию депрессивных территорий // Вестн. Башкир. ун-та. 2006. № 4. С. 67.

¹⁷ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов ... С. 10.

¹⁸ Данные по показателю индекса промышленного производства по Чеченской Республике представлены Росстатом с 2007 г., а по Республике Ингушетия — с 1994 г.

¹⁹ См.: Ермакова Н.А. Калоева А.Т. Типологии регионов для целей региональной политики: учеб. пособие по курсу «Региональная политика». СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 7; Бандман М.К., Гузнер С.С., Селиверстов В.Е. Федеральная помощь депрессивным и отсталым регионам России // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт: сб. науч. тр. / науч. ред. В.Е. Селиверстов; СибМЦРИ, ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: ЭКОР, 1996. Вып. 3. С. 188—231.

Поступила 06.10.2014.

K. A. Chernyshev. Identification of the Depressed Regions in Modern Russia

The scientific literature provides a large variety of techniques aimed at identifying regional depression. Territories having lower economic figures than on the average throughout the country, the territories that used to be developed and to occupy a prominent place in the country due to some indicators are referred to as the depressed ones. As a result of the crisis in the major sectors of the economy they are in the state of significant economic decline. On the basis of the existing ideas about regional depression, for monitoring the depressed subjects of the Russian Federation we used the following indicators: the level of industrial production (with the totals of 2012 being no more than 80 % of the 1991 level); the gross regional product per capita (less than 70 % of the average national level); the level of unemployment (being above the national average for 2008—2012);

the volume of industrial production per capita (not less than 30 % of the average in the country). The latter figure is needed to separate the regions traditionally attributed to the group of underdeveloped ones from the selected set of subjects of the Russian Federation. According to the method proposed, 12 subjects of the Russian Federation are considered regions with varying degrees of depression. The most depressed regions are the Ivanovo and the Kirov regions, the Udmurt Republic; pre-depressed are the following subjects of the Russian Federation: the Orel, Ryazan, Smolensk, Pskov, Volgograd, Ulyanovsk, Kurgan regions, the Chuvash Republic, and the Altai Territory.

Т. С. ПРЕСНЯКОВА **ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ:
РОССИЙСКИЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Ключевые слова: органы местного самоуправления, оценка эффективности, показатели эффективности, критерии оценки, мониторинг эффективности, бенчмаркинг, стратегические цели развития территории

Key words: local authorities, assessment of efficiency, efficiency indicators, assessment criteria, efficiency monitoring, benchmarking, strategic objectives of the territory development

В статье анализируются российская и зарубежные системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. На основе результатов анализа дается классификация систем оценки. Указываются недостатки официальной методики оценки эффективности, применяемой в России.

The paper analyzes the Russian and foreign systems of assessment of efficiency of local authorities' activities. Basing on the results of the analysis, it presents a classification of evaluation systems. It identifies the shortcomings in the official methods of efficiency assessment used in Russia.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. В. В. Путин сделал акцент на проблемах системы местного самоуправления¹. Заявления о необходимости создания условий для открытости и эффективности местной власти нельзя назвать новыми — осознание степени важности построения модели эффективных органов местного самоуправления пришло в 2007 г. Именно тогда в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Федеральным законом от 18 октября 2007 г. № 230-ФЗ) была введена ст. 18.1 «Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления».

ПРЕСНЯКОВА Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

PRESNYAKOVA Tatiana Sergeevna, Postgraduate at the Department of Public Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

В целях углубления административной реформы, направленной на модернизацию системы государственного и муниципального управления и исполнение требований упомянутого выше Федерального закона, 28 апреля 2008 г. Президентом Российской Федерации был издан Указ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Для конкретизации указа было принято Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2008 г. № 1313-р «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов”». Для обеспечения реализации Указа Президента Российской Федерации № 607 и Распоряжения Правительства Российской Федерации № 1313-р в каждом субъекте России был принят указ высшего должностного лица «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления».

В течение всего периода существования российской системы оценки эффективности в нее вносятся коррективы, касающиеся перечней показателей, методики расчета комплексного показателя, проведения опросов населения. Такой поиск оптимальной модели учета эффективности местной власти является свидетельством актуальности данной темы.

К основным характеристикам существующей в России системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления можно отнести то, что:

— все показатели для оценки эффективности (их 40) сгруппированы по таким сферам, как экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности;

— для оценки эффективности применяются абсолютные (например, среднегодовая численность постоянного населения) и относительные (объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного жителя) показатели;

— показатель комплексной оценки эффективности учитывает объем показателя и его темп роста;

— показатель комплексной оценки эффективности включает объективные данные и субъективную оценку населения деятельности органов местного самоуправления.

Цель официальной методики оценки эффективности — определение единых методических подходов к организации мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов для оценки динамики изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровень социально-экономического развития муниципального образования, степень внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

Результаты мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания органов местного самоуправления, сформировать перечень мероприятий по повышению результативности их деятельности, а также выявить внутренние ресурсы для повышения качества и объема предоставляемых населению услуг². Кроме того, по результатам мониторинга органам местного самоуправления, достигшим наилучших значений показателей эффективности, выделяются гранты на развитие территории.

Несмотря на постоянные нововведения, существующая система оценки эффективности имеет множество недостатков и самый главный — это «активизация феномена “работы на показатель”»³. Иными словами, органы местного самоуправления стремятся к формальному достижению показателей, а не к повышению эффективности своей работы.

Следующим недостатком официальной методики является отсутствие у органов местного самоуправления возможности выбора показателей для оценки своей деятельности с учетом специфики управляемой территории и стратегических целей ее развития. Также есть слабые стороны в процедуре расчета комплексного показателя эффективности. Во-первых, если органы местного самоуправления конкретного муниципального образования в течение нескольких лет имеют 100-процентное значение показателя, то по темпу роста они проигрывают тем органам муниципальной власти, которые только стремятся к 100-процентному результату. Во-вторых, улучшение значения конкретного показателя не всегда является следствием позитивного изменения положения в исследуемой сфере.

Необходимо отметить, что перечень обозначенных недостатков системы оценки эффективности не является исчерпывающим. В качестве основной причины их существования следует назвать то, что вопросами эффективности в сфере государственного и муниципального управления, как и в коммерческом секторе России, начали заниматься сравнительно недавно. Если обратиться к зарубежному опыту, то можно заключить, что исследования проблем повышения эффективности деятельности организаций получили распространение еще в начале XX в.

Американский исследователь Д. Уильямс указывает, что ранние попытки анализа эффективности местного самоуправления в США включали оценку затрат (inputs), промежуточных (outputs) и окончательных результатов (outcomes). Автор предоставляет убедительные доказательства в поддержку утверждения, что этот способ является ранним предшественником современных моделей оценки эффективности. В его рамках были не только разработаны критерии оценки, но и показана сложность установления причинно-следственной связи между деятельностью и результатами⁴.

Рассмотрим наиболее успешные методики, применяемые муниципалитетами США в настоящее время. Главным критерием системы оценки эффективности в г. Корал-Спрингс (штат Флорида) выступает качество обслуживания населения. В качестве интегрального показателя был разработан сводный индекс, зависящий от стратегических целей и задач развития территории и состоящий из десяти операционных и финансовых показателей. В расчет также берется уровень удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления. В администрации созданы рабочие группы для решения проблем эффективности управления, на всех его уровнях формируются ежеквартальные отчеты о деятельности, кроме того, используются механизмы каскадирования показателей эффективности⁵.

Система оценки эффективности деятельности местной администрации г. Остин (штат Техас) имеет сходство с системой, используемой в Корал-Спрингсе: программы и планы по достижению эффективности подразделений администрации были увязаны со стратегическими целями развития города. Система управления эффективностью деятельности администрации города представляет собой

систему каскадированных показателей. Каждое подразделение администрации имеет свой план развития, включающий планируемые результаты деятельности, цели и показатели оценки эффективности. Показатели оценки эффективности деятельности подразделений имеют тесную связь с показателями оценки эффективности деятельности отделов и конкретных муниципальных служащих⁶.

В г. Саннивейл (штат Калифорния) администрация формирует годовые отчеты, в которых отражены основные цели и показатели деятельности по сравнению с бюджетными нормами для муниципальных служб. Для каждого департамента город определяет задачи, критерии уровня обслуживания населения и получения ими благ, а также параметры выполнения поставленных задач. Если показатели качества и продуктивности превосходят запланированные, то руководитель получает премию до 10 %⁷.

В Великобритании оценкой деятельности должностных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих занимаются соответствующие региональные агентства, в обязанность которых вменяется стратегическое планирование. Показатели оценки ежегодно должны корректироваться и регулярно публиковаться. Выделяется несколько направлений оценки органов местного самоуправления: общее состояние жизнедеятельности граждан; система образования; система социального обеспечения и уровень здравоохранения детей; система социального обеспечения и здравоохранения взрослых; жилищная политика; деятельность по оказанию помощи бездомным гражданам; деятельность по предоставлению соответствующих льгот и установлению местных налогов; деятельность по защите окружающей среды; сфера культуры; общественная безопасность и благополучие населения; обеспечение мер противопожарной безопасности.

Важно учитывать, что оптимизация показателей эффективности местного самоуправления в Великобритании направлена не на сравнение деятельности муниципалитетов, а на совершенствование услуг, оказываемых населению, на повышение их эффективности, результативности и экономичности. Основной упор делается на достижение высоких стандартов качества услуг, а не низкую себестоимость⁸.

Для Германии характерно применение механизмов бенчмаркинга при оценке эффективности деятельности органов

местного самоуправления. Выявляются лучшие органы муниципальной власти, их деятельность оценивается для использования передового опыта. Основное назначение бенчмаркинга состоит не столько в том, чтобы определить, насколько другие органы местного самоуправления оказались эффективнее, сколько в том, чтобы выявить факторы и методы работы, которые позволили достичь более высоких результатов⁹.

Основной чертой формирования германской системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления является то, что эта процедура была внедрена по инициативе муниципалитетов и не служит инструментом контроля за деятельностью органов местного самоуправления со стороны правительства.

Подводя итог анализу российского и зарубежного опыта оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, можно сделать вывод о наличии двух способов формирования системы оценки: *активного* и *пассивного*. В первом случае инициатива о внедрении системы оценки исходит от муниципального уровня в целом или конкретного муниципалитета (США, Германия), во втором — регламентируется на государственном уровне (Великобритания, Россия).

Кроме того, можно классифицировать саму систему оценки в зависимости от входящих в ее состав показателей: *унифицированная система оценки*, при которой анализ уровня эффективности деятельности органов местного самоуправления осуществляется на основе единого для всех муниципальных образований набора показателей, особенности конкретного муниципалитета не учитываются (Россия, Германия, Великобритания); *оригинальная система оценки*, которая формируется на муниципальном или региональном уровне с учетом условий функционирования муниципалитета или стратегических целей его развития (США).

Самой результативной является та система оценки эффективности деятельности, которая формируется активным способом с учетом особенностей муниципального образования. Для нашей характерен пассивный способ формирования, а основной перечень показателей един для всех органов местного самоуправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=99072> (дата обращения: 10.06.2014).

² См.: Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов” и подпункта “и” пункта 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508 (дата обращения: 10.06.2014).

³ Дубровская Ю.В. Эффективные институты местного самоуправления как важнейшее условие развития региона. URL: <http://www.gosbook.ru/system/files/documents/2012/07/13/Dubrovskaya.pdf> (дата обращения: 12.06.2014).

⁴ См.: Williams D. Measuring Government in the Early Twentieth Century // *Publ. Administration Rev.* 2003. № 63. P. 643.

⁵ См.: Plant T., Agocs C., Brunet-Jailly E., Douglas J. From Measuring to Managing Performance: Recent Trends in the Development of Municipal Public Sector Accountability. Toronto: IPAC, 2005. P. 56—59.

⁶ См.: Plant T., Agocs C., Brunet-Jailly E., Douglas J. From Measuring to Managing Performance ... P. 53—54.

⁷ См.: Каплан Р., Хортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2003. С. 52.

⁸ См.: Малышевский А.Ф. Региональные органы и органы местного самоуправления на пути к созданию эффективной системы управления, ориентированной на конечный общественно значимый результат // *Мир человека.* 2007. № 4. С. 11—17.

⁹ См.: Kuhlman S. Performance Measurement and Performance Comparison in German Local Governments. 2004. URL: http://www.iopp.ru/pub/K_Performance.doc (дата обращения: 10.12.2012).

Поступила 19.06.2014.

**T. S. Presnyakova. Assessment of Efficiency
of Local Authorities' Activities: Russian and Foreign Experience**

Nowadays, the Russian system of municipal administration faces the necessity of constructing a model of effective local authorities. In this regard, during the last decade, the search for an optimal methodology of assessing the efficiency of local authorities has been conducted. The existing system of efficiency assessment has several disadvantages: the intensification of the phenomenon of “indicator-oriented work”, inability of the local authorities to choose the indicators for the assessment, imperfection of the complex index calculation procedure, etc.

The main reason for the existence of the disadvantages is the fact that issues of efficiency have not been dealt with until relatively recently in Russia. If we turn to the international experience, we can conclude that the study of issues of increasing efficiency of organizations have proliferated since the early twentieth century.

The results of the analysis of the Russian and foreign experience of assessment of efficiency of local authorities' activities suggest that there are two ways of formation of the evaluation system: the active and the passive ones. In the first case, the initiative to implement a system of assessment comes from the municipal level (USA, Germany), in the second one, it is regulated at the national level (UK, Russia).

Depending on the indicators of the assessment system we can single out: the uniform assessment system in which the analysis of the level of efficiency of local authorities' activities is based on the set of indicators universal for all municipalities, and the specific features of a particular municipality are not taken into account (Russia, Germany, UK); the original assessment system, which is formed at the municipal or the regional level, taking into account the conditions of functioning of a municipality or the strategic objectives of its development (USA).

А. М. НОСОНОВ

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Ключевые слова: инновация, регион, инфраструктура, технологии, развитие, наукоград

Key words: innovation, region, infrastructure, technology, development, science city

В статье рассматриваются особенности инновационного развития регионов России. Проанализированы основные показатели, характеризующие инновационную деятельность в регионах страны.

Изучены основные параметры инновационного развития федеральных округов России, динамика их изменения и территориальная дифференциация. На разных масштабных уровнях (федеральные округа, субъекты России) выявлены факторы, характеризующие неравномерность уровня инновационной деятельности.

The paper considers the features of innovative development of Russia's regions. It analyzes the main indicators of innovative activity in the regions of the country. It also studies the basic parameters of innovative development of the Federal Districts of Russia, the dynamics of their change and territorial differentiation. At different scale levels (Federal Districts, subjects of the Russian Federation) the factors that characterize the uneven level of innovative activity are identified.

Развитие инновационных процессов в России является в настоящее время приоритетным направлением государственной экономической политики. Это обусловлено тем, что в условиях глобализации и становления экономики, основанной на знаниях, успехи мировых научно-технических лидеров определяются, главным образом, эффективной интеграцией науки, образования и бизнеса. Модернизация экономики на основе инновационного развития приводит к существенным изменениям во всех сферах деятельности. Генерация знаний

НОСОНОВ Артур Модестович, профессор кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета, доктор географических наук.

NOSONOV Artur Modestovich, Doctor of Geographic Sciences, Professor at the Department of Economic and Social Geography, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

и научно-исследовательская деятельность из общественного блага трансформируются в часть рыночного механизма, в инструмент конкурентной борьбы страны за лидерство в сфере высоких технологий. В то же время в России инновационные механизмы все еще не стали основной движущей силой экономики.

Преодоление сложившейся ситуации возможно на основе трех вероятных вариантов инновационного развития: 1) вариант инерционного (ориентированного на импорт) технологического развития направлен на поддержание макроэкономической стабильности при низких бюджетных расходах на науку, инновации и инвестиции в развитие человеческого капитала; 2) вариант догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности основан на модернизации экономики за счет импортной техники и технологий, а также на выборочное стимулирование развития отечественных НИОКР. Этот вариант успешно реализуется в Японии, Южной Корее, Малайзии, Сингапуре, Китае и приносит ощутимые результаты; 3) вариант достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях характеризуется существенными усилиями государства по модернизации сектора исследований и разработок, концентрацией усилий на наиболее перспективных научно-технологических направлениях, позволяющих существенно расширить применение российских разработок и улучшить позиции страны на мировом рынке высокотехнологичной продукции и услуг².

Очевидно, что более предпочтительным, особенно в условиях санкций, является третий вариант, но он наиболее затратный и имеет ограниченное применение. В России он может быть реализован только в тех отраслях, где страна претендует на лидирующие позиции в мире. Это производство продукции военно-промышленного комплекса, авиакосмической техники, композитных материалов, разработка и применение нанотехнологий, биомедицинских технологий жизнеобеспечения и защиты человека и животных, программного обеспечения, а также в атомной и водородной энергетике, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии, ряде других сфер деятельности. Поэтому при реализации инновационной стратегии будут использованы все варианты при доминировании на первом этапе догоняющего развития.

Инновационное развитие России определяется инновационной деятельностью в регионах, т. е. их способностью к самообновлению, адаптации к изменениям, генерированию и коммерциализации продуктов научно-технического прогресса. На развитие региональной инновационной системы решающее влияние оказывает ряд факторов, таких как величина научно-технического и производственного потенциалов регионов, кадровое обеспечение и уровень квалификации работников, предпосылки социальных инноваций, а также существующие и создаваемые элементы инновационной инфраструктуры, формирование его инновационной среды и др. В целом развитие региона на основе инноваций является важнейшим фактором его конкурентоспособности.

Важное место занимает региональная инновационная инфраструктура, которая представляет собой систему, состоящую из научно-технической и инновационной подсистемы, обеспечивающей научное сопровождение управленческих процессов; инвестиционно-финансовых институтов, в том числе предприятий венчурной индустрии; хозяйствующих предприятий и организаций; информационной сети; специализированных инновационных структур (наукограды, иннограды, бизнес-парки и бизнес-инкубаторы, инновационные центры и др.); сферы инвестиционно-инновационного обслуживания; специализированных фондов³.

Одна из особенностей формирования национальной инновационной системы России — неравномерность протекания инновационных процессов в различных регионах страны. Для выявления региональных различий инновационного развития экспертами национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» была разработана система рейтинговых оценок и проведен анализ инновационного развития 83 российских регионов⁴. В исследовании использованы следующие показатели: результативность инновационной деятельности (удельный вес организаций, оценивших сокращение материальных и энергетических затрат как основной результат инновационной деятельности; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка); затраты на технологические инновации (интенсивность затрат на технологические инновации); малый инновационный бизнес (удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации); активность в сфере техноло-

гических и нетехнологических инноваций (удельный вес организаций, имеющих готовые технологические инновации; удельный вес организаций, осуществляющих нетехнологические инновации; удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации).

На рис. 1 и 2 даны основные показатели, характеризующие инновационное развитие регионов России: используемые передовые технологии и объем произведенных инновационных товаров в 2012 г.⁵ Среди регионов, активно использующих инновационные технологии (более 2 700 ед.), выделяются Москва и Санкт-Петербург, регионы Центральной России (Московская, Калужская, Владимирская, Нижегородская области), Юга (Волгоградская, Ростовская области), Поволжья (Самарская область, Республика Татарстан), Урала (республики Удмуртия и Башкортостан, Пермский край, Свердловская и Челябинская области) и Западной Сибири (Тюменская область и Ямало-Ненецкий автономный округ) (рис. 1).

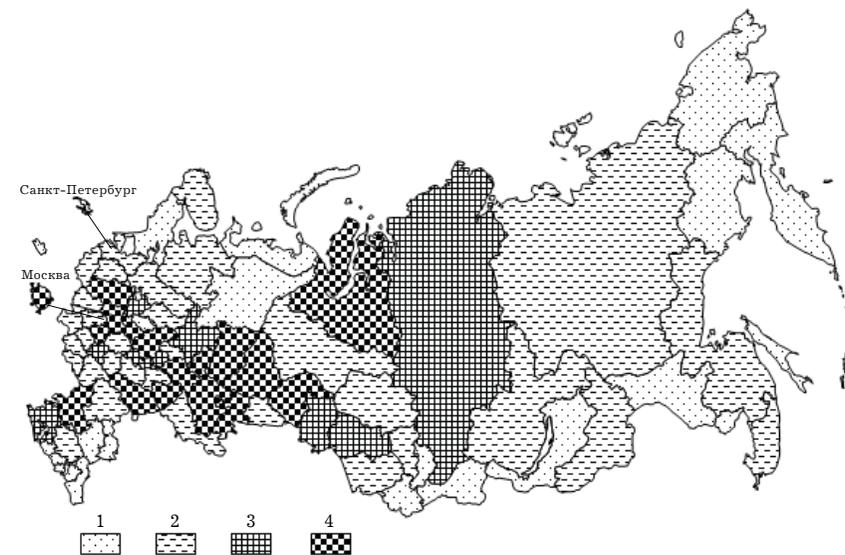

Рис. 1. Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации, 2012 г., ед. (1 — менее 700; 2 — 700—2 200; 3 — 2 201—2 700; 4 — более 2 700)

Средние значения показателя использования инновационных технологий (700—2 700 ед.) характерны для многих регионов России. Минимум (менее 700 ед.) отмечается в регионах Восточной Сибири, Дальнего Востока, республиках Северного Кавказа, Астраханской области и Калмыкии.

Более наглядное представление об уровне инновационного развития регионов дает стоимостной показатель объема инновационных товаров, работ, услуг (рис. 2). Наибольший объем инновационной продукции в 2012 г. отмечен в регионах, активно использующих передовые технологии — более 25 000 млн руб. (рис. 1). К ним добавляются республики Мордовия и Чувашия, Орловская, Ярославская, Сахалинская области, Красноярский край. Несколько меньший объем инновационной продукции (15 001—25 000 млн руб.) производится на севере европейской России и на юге Западной Сибири. Средний и низкий уровень производства инновационных товаров и услуг характерен для большинства регионов Сибири и Дальнего Востока, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (менее 15 000 млн руб.).

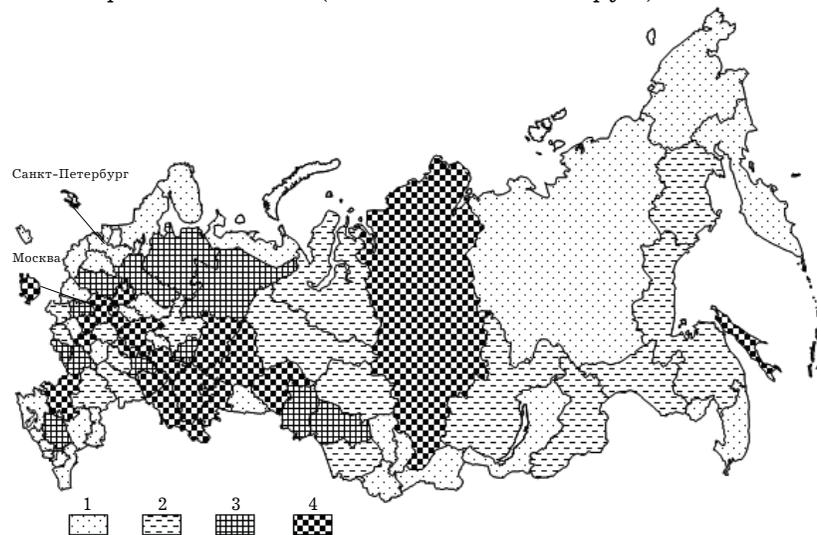

Рис. 2. Объем инновационных товаров, работ, услуг по субъектам Российской Федерации, 2012 г., млн руб. (1 — менее 5 000; 2 — 5 000—15 000; 3 — 15 001—25 000; 4 — более 25 000)

По федеральным округам (ФО) территориальные различия в дифференциации инновационной деятельности выражены еще контрастнее (таблица).

Таблица

Основные показатели инновационного развития по ФО России⁶

Год	Федеральный округ								Россия
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	
<i>Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.</i>									
2000	241,6	77,4	66,4	17,5	398,1	86,9	33,3	13,4	934,6
2012	938,1	298,0	51,8	27,0	950,6	148,7	117,1	341,5	2 872,9
2012 к 2000, %	388	385	78	154	239	171	352	2546	307
<i>Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %</i>									
2000	4,4	3,1	6,1	6,9	9,3	2,1	1,5	1,6	4,5
2009	10,2	7,3	3,0	7,8	12,7	2,1	2,7	22,6	8,0
2012 к 2009, %	231	235	49	113	137	100,0	180	1 412	178
<i>Затраты на технологические инновации организаций, млрд руб.</i>									
2000	97,0	36,1	8,7	3,0	81,2	81,7	26,7	64,8	399,1
2009	304,9	82,8	38,5	2,9	244,1	106,3	83,6	41,6	904,6
2012 к 2009, %	314	229	442	97	301	130	313	64	227
<i>Созданные (разработанные) передовые производственные технологии, ед.</i>									
2000	259	92	17	2	165	91	52	10	688
2012	382	320	38	8	256	144	151	25	1 324
2012 к 2000, %	148	348	224	400	155	158	290	250	192
<i>Используемые передовые производственные технологии, ед.</i>									
2000	22 632	4 708	3 758	740	24 649	6 370	6 434	778	70 069
2009	62 796	17 473	7 848	1 852	54 976	24 720	15 897	5 810	191 372
2012 к 2009, %	277	371	209	250	223	388	241	747	273

По уровню инновационности заметно выделяются Центральный и Приволжский ФО, которые занимают около 10 % площади территории и имеют 48 % численности населения России. При этом в них производится 66 % инновационных товаров, работ и услуг, высоки затраты на технологические инновации организаций — 61 %, применяется 62 % передовых технологий и создано около 48 % инновационных производ-

ственных технологий. Подобная ситуация сложилась здесь в результате благоприятного сочетания факторов инновационного развития: высококвалифицированного научно-технического потенциала, развитой инновационной инфраструктуры, более эффективной социально-экономической политики, высоких затрат на технологические инновации и др. Здесь находятся крупнейшие специализированные инновационные структуры: инновационный центр «Сколково», наукограды и ЗАТО (закрытые территориальные образования): Саров, Обнинск, Дубна, Жуковский, Королев, Пущино, Реутов, Черноголовка, Протвино и др. Широко представлены инвестиционно-финансовые институты, в частности предприятия венчурной индустрии, а также сформированы развитые информационно-сетевые коммуникации.

Средние показатели инновационного развития характерны для Северо-Западного и Уральского ФО (таблица). В 2012 г. здесь было произведено инновационной продукции соответственно на 298 и 149 млрд руб., создано 320 и 144 ед. передовых производственных технологий, использовано 17 473 и 24 720 ед. инновационных технологий. Эти регионы обладают высоким научно-техническим потенциалом, здесь сконцентрированы крупнейшие предприятия ВПК, традиционно использующие самые передовые технологии (ОАО «Адмиралтейские верфи», ОАО «НПК «Уралвагон-завод», ОАО «Ижевский машиностроительный завод», ОАО «Мотовилихинские заводы», ОАО «Воткинский завод», ОАО «ПО «Уральский оптико-механический завод им. Э. С. Яламова» и др.). Имеется ряд крупных наукоградов и ЗАТО преимущественно ядерного профиля: Озерск, Снежинск, Трехгорный, Лесной, Новоуральск и др.

Самым низким уровнем инновационного развития отличаются регионы Южного и Северо-Кавказского ФО. В них в 2012 г. произведено лишь 2,7 % от российского уровня инновационной продукции, создано 3,5 % и используется 5,1 % передовых производственных технологий. Это обусловлено прежде всего низким уровнем социально-экономического развития регионов этих округов и недостаточно сформированной инновационной инфраструктурной системой.

Динамика развития инновационной деятельности также существенно варьирует по ФО. С 2000 по 2012 г. объем производимых инновационных товаров, работ и услуг

вырос выше общероссийского уровня в Центральном, Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном ФО (более чем в 3 раза). За этот же период количество созданных передовых производственных технологий в России увеличилось в 1,9 раза, наиболее значительными темпами этот показатель возрос в Северо-Кавказском, Северо-Западном, Дальневосточном и Сибирском ФО — в 2,5—4,0 раза, однако по абсолютным значениям они существенно уступали Центральному и Приволжскому ФО.

За 3-летний период (2009—2012 гг.) затраты на технологические инновации выросли в России на 227 %. Наибольший прирост отмечался в Южном, Центральном, Приволжском и Сибирском ФО — на 300—443 %. За тот же период количество используемых передовых технологий повысилось на 747 % в Дальневосточном, 388 — в Уральском, 371 — в Северо-Западном ФО при общероссийском росте 273 %.

Таким образом, регионы России по уровню инновационного развития можно сгруппировать следующим образом:

— *регионы — генераторы (доноры) инноваций, в которых нововведений создается намного больше, чем потребляется.* Это ядра инноваций, где имеется высокая концентрация научно-технического потенциала, инновационно-активных предприятий и достаточно развита сеть объектов инновационной инфраструктуры. К этой группе относятся ряд регионов Центрального и Приволжского и отдельные регионы Северо-Западного, Уральского и Сибирского ФО. Здесь прослеживается эффект двух столиц (Москва и Санкт-Петербург) и прилегающих территорий (Московская, Ленинградская, Калужская, Владимирская и Ярославская области). В других регионах этой группы выделяются локальные инновационные ядра: в Приволжском ФО — Казань, Нижний Новгород, Самара, Ульяновск; в Уральском ФО — Екатеринбург, Уфа, Челябинск с окружением; в Сибирском ФО — Новосибирск и Томск;

— *регионы-«акцепторы», в которых инноваций потребляется больше, чем создается.* Они нуждаются в модернизации экономики, но не имеют достаточных для этого ресурсов, потенциала и соответствующей инфраструктуры. Это большинство регионов Северо-Кавказского и Южного ФО (за исключением Ростовской области), большая часть регионов Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного ФО;

— перспективные регионы, экономика которых занимает промежуточное положение между первыми двумя группами. Они имеют достаточный научно-технический потенциал и ресурсы, созданную первоначальную инновационную инфраструктуру, но по объему производимой инновационной продукции отстают от регионов — генераторов инноваций. Это некоторые регионы Дальневосточного (Приморский и Хабаровский края), Уральского (Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Тюменская область), Сибирского (Алтайский и Красноярский края, Омская область), Приволжского (Саратовская и Пензенская области, Чувашская Республика и Республика Мордовия) и Южного (Волгоградская и Воронежская области, Краснодарский край) ФО. В этих регионах есть все необходимые предпосылки для ускоренного развития инновационной деятельности: выгодное экономико-географическое положение, значительный научно-технический потенциал, наличие крупных локальных инновационных ядер и др.

Таким образом, особенности инновационного развития России связаны с неравномерностью этого процесса по регионам, которая в дальнейшем будет сглаживаться в результате диффузии инноваций из инновационных центров в регионы — «акцепторы» нововведений. Все это будет возможно при активном участии государства в управлении инновационной деятельностью и увеличении количества частных инвесторов инновационных проектов. Однако в ближайшие десятилетия сохранится существенный разрыв между регионами — лидерами инновационного развития и отстающими регионами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00200-а).

² См.: Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 16.02.2014).

³ См.: Козырев В.В. Проблемы инновационного развития региона // Инновационное развитие: материалы I Молодеж. экон. форума. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2009. С. 112—116.

⁴ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ: аналит. докл. / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. 104 с.

⁵ См.: Индикаторы инновационной деятельности: 2013: стат. сб. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2013. 472 с.

⁶ Там же.

⁷ См.: Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: КРАСАНД, 2010. 216 с.

Поступила 18.02.2014.

A. M. Nosonov. Features of Innovative Development of Russia's Regions

The paper considers the features of innovative development of Russia's regions. It presents three possible options for innovative development of the country's economy: the option of inertial (import-oriented) technological development; the option of catch-up development and of local technological competitiveness; the option to achieve leadership in leading scientific and technical sectors and in fundamental research. The factors that have a decisive influence on the development of the regional innovation system are identified. These include the value of scientific and technical and production potentials of the regions, staffing and qualifications, prerequisites for social innovations, as well as existing and newly created elements of the innovation infrastructure, formation of the innovation environment, etc.

The main indicators characterizing the innovative development of Russian regions are analyzed: the advanced technology used and the volume of innovative goods production in 2012. The basic parameters of the innovative development of the Federal Districts of Russia and the dynamics of their changes and territorial differentiation are studied. The factors that characterize the uneven level of innovative activity at different scale levels (Federal Districts, subjects of the Russian Federation) are identified. Regions of Russia are grouped in terms of innovative development as follows: the generator-regions (donors) which create much more innovations than consume; the acceptor-regions which consume more innovations than create: their economy needs modernization but they do not have sufficient resources, capacity and infrastructure; promising regions whose economy occupies an intermediate position between the first two groups.

И. А. ИВАНОВА

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ¹

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, регион, модель, система рекурсивных уравнений, эконометрическая модель

Key words: innovations, innovative activity, region, model, system of recursive equations, econometric model

Статья посвящена проблемам анализа и эконометрического моделирования инновационной деятельности регионов Российской Федерации с использованием многомерных статистических методов и построением рекурсивной системы регрессионных уравнений.

The paper is devoted to a analysis and econometric modeling of innovative activity of the regions of the Russian Federation with the use of multivariate statistical methods and building a recursive system of regression equations.

При исследовании научно-исследовательской и инновационной деятельности регионов Российской Федерации для принятия управленческих решений по регулированию и повышению ее эффективности необходимо использование современного инструментария математико-статистического моделирования и прогнозирования, позволяющего не только выявить важнейшие факторы, влияющие на инновационную деятельность и анализ современных тенденций ее развития, но и количественно оценить их взаимовлияние.

В условиях глобализации и возрастающей международной конкуренции инновационный вариант развития российской экономики является безальтернативным. Вместе с тем в практике управления еще не до конца выработаны подходы

ИВАНОВА Ирина Анатольевна, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

IVANOVA Irina Anatolievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

к единой оценке инновационного уровня развития регионов России, что препятствует анализу результативности государственной инновационной политики на федеральном и региональном уровнях².

Методы многомерного анализа — наиболее действенный количественный инструмент исследования социально-экономических процессов, описываемых большим числом характеристик. К ним относятся кластерный, факторный, корреляционный, регрессионный методы анализа. Кластерный анализ наиболее ярко отражает черты многомерного анализа в классификации. Для качественного анализа территориальных различий в инновационной деятельности регионов России дадим их типологизацию на его основе³.

Кластерный анализ — многомерная статистическая процедура, выполняющая сбор данных, содержащих информацию о выборке объектов, и затем упорядочивающая объекты в сравнительно однородные группы. Большое достоинство кластерного анализа в том, что он позволяет производить разбивку объектов не по одному параметру, а по набору признаков. Кроме того, в отличие от большинства математико-статистических методов он не накладывает ограничений на вид рассматриваемых объектов и позволяет анализировать множество исходных данных. Это имеет большое значение, например, для прогнозирования конъюнктуры, когда показатели имеют разнообразный вид, затрудняющий применение традиционных эконометрических подходов.

Целью кластерного анализа является образование групп схожих между собой (однородных) объектов, которые принято называть кластерами (класс, таксон, сгущение). Методы кластерного анализа позволяют решать ряд задач: классификацию объектов с учетом признаков, отражающих сущность, природу объектов для углубления знаний о совокупности классифицируемых объектов; проверку выдвигаемых предположений о наличии некоторой структуры в изучаемой совокупности объектов; построение новых классификаций для слабоизученных явлений с целью установления наличия связей внутри совокупности.

Решением кластерного анализа являются разбиения, удовлетворяющие некоторому критерию оптимальности. Этот критерий может представлять собой некоторый функционал (целевую функцию), выражающий уровни желательности

различных разбиений и группировок. Иерархические (древобразные) процедуры являются наиболее распространенными для реализации на ЭВМ алгоритмами кластерного анализа.

Иерархические процедуры бывают агломеративными (начальным является разбиение, состоящее из n одноэлементных классов, а конечным — из одного класса); дивизимными (начальным является разбиение, состоящее из одного класса, а конечным — из n одноэлементных классов).

Для моделирования основных индикаторов, оказывающих непосредственное влияние на эффективность инновационной деятельности региона, мы использовали пространственную статистическую информацию по 76 регионам России в 2012 г.⁴

В качестве основных факторов, характеризующих эффективность инновационной деятельности российских регионов, можно выделить следующие показатели: X_1 — инновационная активность организаций, %; X_2 — удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций, %; X_3 — удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %; X_4 — используемые передовые производственные технологии, ед.; X_5 — затраты на технологические инновации, тыс. руб.; X_6 — численность экономически активного населения, в среднем за год, тыс. чел.; X_7 — численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.; X_8 — численность исследователей, имеющих ученую степень, чел.; X_9 — удельный вес организаций, использовавших персональные компьютеры, от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта России, %; X_{10} — среднегодовая численность населения, тыс. чел.; X_{11} — ВРП, млн руб.; X_{12} — ВРП на душу населения, руб.; X_{13} — количество компьютеров с выходом в Интернет на 100 работников; X_{14} — удельный вес организаций, использующих специальные программные средства для научных исследований, в общем числе обследованных организаций, %; X_{15} — удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме ВРП, %; X_{16} — численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 1 000 чел. экономически активного населения; X_{17} — численность исследователей, имеющих ученую степень, на 100 чел. населения; X_{18} — созданные (разработанные) передовые производственные

технологии на 10 000 используемых передовых производственных технологий, ед.

Для определения количества групп воспользуемся иерархическим агломеративным методом, наиболее наглядным из которых является метод Уорда (Ward's method).

Согласно данному методу в качестве целевой функции используют внутригрупповую сумму квадратов отклонений (сумму квадратов расстояний между каждой точкой (объектом) и средней по кластеру, содержащему этот объект). На каждом шаге объединяются такие два кластера, которые приводят к минимальному увеличению целевой функции, т. е. внутригрупповой суммы квадратов. Этот метод направлен на объединение близко расположенных кластеров.

Наиболее распространенным среди неиерархических методов является алгоритм k -средних, также называемый быстрым кластерным анализом. В отличие от иерархических методов, которые не требуют предварительных предположений относительно числа кластеров, для возможности использования этого метода необходимо иметь гипотезу о наиболее вероятном количестве кластеров. Алгоритм k -средних строит k кластеров, расположенных на возможно больших расстояниях друг от друга. Основной тип задач, которые решает алгоритм k -средних, — это наличие предположений (гипотез) относительно числа кластеров, при этом они должны быть различны настолько, насколько это возможно. Выбор числа k может базироваться на результатах предшествующих исследований, теоретических соображениях или интуиции.

Общая идея алгоритма — заданное фиксированное число k кластеров наблюдения — сопоставляется кластером так, что средние в кластере (для всех переменных) максимально возможно отличаются друг от друга.

Используя метод k -средних, мы получили следующие кластеры регионов РФ с различным уровнем инновационной активности (таблица).

Таблица

Состав кластеров регионов России по уровню развития инновационной деятельности, полученных методом k -средних

Кластер	Регион
1	Воронежская область, Волгоградская область, Республика Дагестан, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Челябинская область, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область
2	Краснодарский край, Ростовская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Тюменская область
3	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Курская область, Липецкая область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Астраханская область, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Забайкальский край, Томская область, Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область
4	Костромская область, Орловская область, Республика Карелия, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Камчатский край, Амурская область, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ

В качестве модели основных индикаторов инновационной деятельности регионов России мы выбрали рекурсивную систему эконометрических уравнений вида:

$$\begin{cases} Y_1 = a_{11}X_1 + a_{12}X_2 + \dots + a_{1m}X_m + \varepsilon_1; \\ Y_2 = b_{21}Y_1 + a_{21}X_1 + a_{22}X_2 + \dots + a_{2m}X_m + \varepsilon_2; \\ Y_3 = b_{31}Y_1 + b_{32}Y_2 + a_{31}X_1 + a_{32}X_2 + \dots + a_{3m}X_m + \varepsilon_3. \end{cases} \quad (1)$$

Рекурсивная система регрессионных уравнений строилась исходя из причинно-следственных связей эндогенных $Y_i (i = 1, 2, 3)$ и экзогенных переменных $X_j (j = 1, \dots, 18)$.

Число выданных патентов (Y_1) включает проведение фундаментальных, прикладных исследований и разработок, определяет развитие и создание новых передовых технологий, использование которых повышает конкурентоспособность продукции и стимулирует инновационную активность. Появляются новые конструктивные идеи, которые дают импульс новым продуктным и процессным инновациям, существенно формируя создание новых передовых технологий (Y_2). Использование новых технологий, продуктивных и процессных инноваций в свою очередь приводит к увеличению производства и реализации инновационной продукции (Y_3). Кроме того, на каждый эндогенный показатель в отдельности влияют множество факторов $X_j (j = 1, \dots, 18)$.

Методом последовательного пошагового присоединения построим множественные уравнения регрессии зависимости Y_1, Y_2, Y_3 от представленных факторов, исключив из модели факторы, ответственные за мультиколлинеарность, а также факторы, статистически незначимые по критерию Стьюдента. Система построенных рекурсивных уравнений инновационного потенциала Российской Федерации имеет вид:

$$\begin{cases} Y_1 = -268,74 + 4,06X_9 + 0,29X_{18} + \varepsilon_1; \\ Y_2 = 70,71 + 0,07Y_1 + 0,64X_9 + 2,29X_{18} + 1,82X_{16} + \varepsilon_2; \\ Y_3 = -1,19 + 0,001Y_1 + 0,05Y_2 + 1,61X_1 + 1,73X_2 + 0,00002X_{12} + 2,62X_{15} + \varepsilon_3. \end{cases} \quad (2)$$

Фактические значения критерия Стьюдента (t -статистики) для каждого уравнения построенной системы (2) превышают по абсолютной величине критические значения:

$$\begin{aligned} t_{a_{19}} &= 1,91; t_{a_{118}} = 4,24; t_{kp_1}(0,1;73) = 1,667; \\ t_{b_{21}} &= 4,68; t_{a_{25}} = 2,06; t_{a_{215}} = 2,63; t_{a_{216}} = 5,88; t_{kp_2}(0,1;71) = 1,667; \\ t_{b_{31}} &= 1,91; t_{b_{32}} = 1,97; t_{a_{31}} = 1,69; t_{a_{32}} = 1,68; t_{a_{312}} = 4,11; t_{a_{315}} = 4,75; \\ t_{kp_3}(0,1;69) &= 1,667. \end{aligned} \quad (3)$$

Наблюдаемые значения критерия Фишера (F -статистики) превышают критические значения:

$$\begin{aligned} F_1 &= 10,55; F_{kp_1}(0,05; 2; 73) = 3,12; \\ F_2 &= 30,61; F_{kp_2}(0,05; 4; 71) = 2,50; \\ F_3 &= 8,77; F_{kp_3}(0,05; 6; 69) = 2,23. \end{aligned} \quad (4)$$

Таким образом, уравнения регрессии системы и их параметры являются достоверными (статистически значимыми) по критериям Фишера и Стьюдента при уровне значимости $\alpha = 0,1$ ($0,05$). Коэффициенты детерминации находятся в интервале от 0,6 до 0,7.

Анализируя полученные уравнения и, в частности, коэффициенты при переменных, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, количество выданных патентов зависит в большей степени от удельного веса организаций, использовавших персональные компьютеры, и созданных (разработанных) передовых производственных технологий. Во-вторых, разработка передовых производственных технологий зависит от числа выданных патентов, удельного веса организаций, использовавших персональные компьютеры, затрат на технологические инновации и численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. В-третьих, производство инновационных товаров, работ, услуг варьируется под влиянием изменения числа выданных патентов, созданных передовых технологий, инновационной активности предприятий и организаций, ВРП на душу населения и от размера затрат на технологические инновации.

Таким образом, систему рекурсивных уравнений можно применять для моделирования и прогнозирования инновационных процессов в регионе. Разработанные методологические подходы могут быть использованы региональными органами власти при корректировке инновационной политики, а также для анализа и прогнозирования факторов, влияющих на инновационный потенциал России и отдельных ее регионов, отраслей промышленности и видов экономической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00200 А «Математическое и геоинформационное моделирование инновационного развития сельского хозяйства».

² См.: Иванова И.А., Колантаева А.С. Анализ инновационной деятельности регионов России // Регионоведение. 2013. № 4. С. 47—56.

³ См.: Сажин Ю.В., Иванова И.А. Эконометрика: учебник. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 188—200.

⁴ См.: Регионы России: социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 786—828.

Поступила 11.07.2014.

I. A. Ivanova. Modeling Regional Innovative Activity in Russia

Development of theoretical propositions, elaboration of methodological tools and practical recommendations for modeling innovative development strategy of a region in the modern socio-economic conditions are doubtlessly relevant. This research deals with the issue of developing methodological and practical approaches to modeling innovative activity of a region, as well as with a comparative analysis of innovative development based on the cluster method, which allowed to propose a relevant innovation mode for each subject.

The spatial statistical information on 76 regions of the Russian Federation for 2012 was used to model the main indicators which directly influence the efficiency of innovation activity in a region.

Multiple regression equations of the recursive system were made basing on the method of consecutive stepped attachment; hypotheses on their statistical significance and model parameters were tested according to the Fisher's exact test and the Student's t-test criteria.

This study allows to conclude that there is strong regional differentiation in the assessment of investment attractiveness. In order to reduce economic risks and to promote introduction of new techniques, methods, forms of work organization and methods of production management at the regional level, it is necessary to develop and implement special state and regional policies in support of scientific and technical activity and innovative entrepreneurship.

Н. Д. КУЛИКОВ

**МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹**

Ключевые слова: инновация, инновационная активность, кластерный анализ, регион, инфраструктура, технологии, развитие

Key words: innovation, innovative activity, cluster analysis, region, infrastructure, technology, development

В статье рассматриваются особенности инновационного развития регионов Приволжского федерального округа. Подробно описаны возможности использования методов многомерной математической статистики при исследовании инновационной деятельности в регионах. При помощи кластерного анализа проведена типология регионов федерального округа по инновационной активности. Дана характеристика выделенных типов регионов ПФО по уровню инновационной активности. Выявлены факторы, характеризующие неравномерность уровня инновационной деятельности.

The paper discusses the features of innovative development of the regions of the Volga Federal District. It considers the possibility of using methods of multivariate statistics in the study of innovative activities in the regions. Basing on the cluster analysis, a typology of the regions of the Volga Federal District according to their innovative activity is presented. Description of the singled out types of the regions of the Volga Federal District according to the level of innovative activity is given. The factors characterizing the uneven level of innovative activity are revealed.

Экономическое развитие ведущих стран мира в значительной мере обусловлено внедрением инноваций и активной государственной политикой поддержки предпринимательства. Инновационная деятельность выступает эффективным инструментом коммерциализации достижений НТП, становится

КУЛИКОВ Николай Дмитриевич, профессор кафедры экономики и организации производства Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

KULIKOV Nikolay Dmitrievich, Candidate of Economic Sciences, Professor at the Department of Economics and Production Management, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

определяющим элементом международной конкурентоспособности стран и регионов. Усиление взаимосвязи науки, техники и технологий — одна из важных предпосылок устойчивого экономического роста. Генерация знаний и научно-исследовательская деятельность из общественного блага трансформируются в часть рыночного механизма, в инструмент конкурентной борьбы страны за лидерство в сфере высоких технологий.

Переход экономики России в новое качественное состояние сделал еще более значимой активизацию инновационной деятельности, обострил проблемы формирования инновационного потенциала регионов и страны в целом, позволяющего реорганизовать экономику, ускоренно развивать наукоемкое производство. Это является важнейшим фактором выхода из экономического кризиса и обеспечения условий для экономического роста. Актуальность решения проблем инновационного развития регионов определяется объективной потребностью выработки и проведения активной инновационной политики, механизмов и инструментов ее реализации. Инновационное функционирование экономики регионов России базируется на усилиях государства как создателя инновационной среды, бизнеса для коммерциализации знаний и возможностях человеческого капитала в освоении принципиально новых, конкурентоспособных технологий, обновлении устаревших средств производства и выпуске инновационной продукции с большой добавленной стоимостью. Лишь на этой основе можно обеспечить высокие темпы экономического роста и социального развития регионов².

При анализе и прогнозировании социально-экономических явлений исследователь довольно часто сталкивается с многомерностью их описания. Это происходит при решении задач сегментирования рынка, построении типологии регионов по инновационному развитию, прогнозировании конъюнктуры рынка отдельных товаров, изучении и прогнозировании экономической депрессии и многих других проблем. Методы многомерного анализа — наиболее действенный количественный инструмент исследования социально-экономических процессов, описываемых большим числом характеристик. К ним относятся: кластерный анализ, таксономия, распознавание образов, факторный анализ.

Методы кластерного анализа позволяют решать задачи проведения классификации объектов с учетом признаков, отражающих сущность, природу объектов для углубления знаний о совокупности классифицируемых объектов; проверки выдвигаемых предположений о наличии некоторой структуры в изучаемой совокупности объектов; построения новых классификаций для слабоизученных явлений с целью установления наличия связей внутри совокупности.

Большое достоинство кластерного анализа в том, что он позволяет производить разбиение объектов не по одному параметру, а по набору признаков, рассматривать достаточно большой объем информации и резко сокращать большие массивы социально-экономической информации, делать их компактными и наглядными.

В данной работе изучалась инновационная активность 14 регионов Приволжского федерального округа (ПФО) по 8 показателям: X_1 — инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации); X_2 — объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.; X_3 — затраты на технологические инновации организаций по видам инновационной деятельности; тыс. руб.; X_4 — количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.; X_5 — численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.; X_6 — число исследователей, имеющих ученую степень, чел.; X_7 — число аспирантов, чел.; X_8 — внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб. (табл. 1).

Каждый из регионов выступает как объект, характеризуемый определенными значениями 8 показателей. Соответственно, они могут быть представлены в качестве точек в 8-мерном пространстве. Такое пространство обычно называется пространством свойств изучаемых объектов. Сравнение расстояния между этими точками будет отражать степень близости рассматриваемых регионов, их сходство друг с другом. Социально-экономический смысл подобного понимания сходства означает, что страны считаются тем более похожими, чем меньше различия между одноименными показателями, с помощью которых они описываются. Информационной основой применения метода являются официальные статистические данные по факторам Росстата за 2012 г. по регионам ПФО³.

Таблица 1

Показатели инновационной активности регионов ПФО

Регион	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Республика Башкортостан	13	1037360	12750299	69	8166	1166	2867	7014
Республика Марий Эл	10	79173	935056	8	164	44	387	136
Республика Мордовия	13	119546	3621306	15	902	87	950	671
Республика Татарстан	19	1483074	38100968	117	13730	1615	4032	10447
Удмуртская Республика	13	304836	3940849	31	1464	253	741	843
Чувашская Республика	20	142885	5712975	20	1292	85	699	1206
Пермский край	14	1086844	22762011	60	10034	702	1458	9489
Кировская область	8	140042	3090465	25	1795	199	636	1095
Нижегородская область	14	894263	59006752	87	40882	2369	2940	44524
Оренбургская область	12	580736	5077515	20	906	241	790	565
Пензенская область	11	104473	3927568	24	5927	403	996	3987
Самарская область	6	988336	74095086	61	17306	512	3147	17601
Саратовская область	7	308826	8887493	48	4653	741	2796	3020
Ульяновская область	6	187878	2195308	24	6983	281	909	8551

Обобщенные результаты анализа матрицы можно представить в виде дерева сходства (дендрограммы). Для наиболее четкого разделения регионов на группы мы использовали метод одиночной связи, метод полной связи, невзвешенное попарное среднее, взвешенное попарное среднее, метод Варда (Уорда), метод k -средних⁴. С помощью пакета прикладных программ «Statistica 6.0» мы сделали все необходимые процедуры и получили различные варианты кластеризации, соответствующие каждому из перечисленных методов.

В первом варианте расстояние между двумя кластерами определяется расстоянием между двумя наиболее близкими объектами (ближайшими соседями) в различных кластерах. Этот метод позволяет выделять кластеры сколь угодно сложной формы при условии, что различные части таких кластеров соединены цепочками близких друг к другу элементов. В результате кластеры представляются длинными «цепочками» или «волокнистыми» кластерами, «сцепленными вместе» только отдельными элементами, которые случайно оказались ближе остальных друг к другу. С помощью этого метода при таком объеме данных сложно выявить отчетливые кластеры.

Наиболее наглядным для кластеризации является метод Варда. На дендрограмме представлено четкое разделение совокупности регионов на три кластера. В качестве расстояния между кластерами берется прирост суммы квадратов

типом. Однако в них довольно развита инновационная инфраструктура и они динамично развиваются. Такая ситуация обусловлена формированием инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий), а также значительным научно-техническим потенциалом.

Большая часть регионов ПФО относится к третьему типу (умеренный уровень инновационной активности). Они имеют достаточный научно-технический потенциал и ресурсы, первоначальную инновационную инфраструктуру. Большинство этих регионов можно считать перспективными. В целом в них есть все необходимые предпосылки для ускоренного развития инновационной деятельности: выгодное экономико-географическое положение, значительный научно-технический потенциал, наличие крупных локальных инновационных ядер и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00200-а).

² См.: Носонов А.М. Моделирование экономических и инновационных циклов в сельском хозяйстве // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 1. С. 24—33.

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2012 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/region/soc-pok.rar (дата обращения: 15.06.2014).

⁴ См.: Сажин Ю.В., Иванова И.А. Эконометрика: учебник. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 318 с.; Иванова И.А., Колантаева А.С. Анализ инновационной деятельности регионов России // Регионология. 2013. № 4. С. 47—57.

Поступила 08.07.2014.

N. D. Kulikov. Methods of Researching Innovative Activity in the Volga Federal District's Regions

The paper discusses features of innovative development of the regions of the Volga Federal District (VFD). Possibility of using methods of multivariate statistics in the study of innovative activities in the regions is considered in detail. The application of cluster analysis allowed to single out the following three groups of the VFD with different levels of innovative activity: regions with a high level of innovation activity; regions with a noticeable level of innovation activity; regions with a moderate level of innovation activity. The factors having a decisive influence on the development of the regional innovation system are identified. These are: the scale of the

scientific, technical and production potential of the regions; staffing and qualifications; prerequisites for social innovation as well as the existing and new elements of the innovative infrastructure; formation of the innovative environment in a region, etc. The main indicators of the innovative activity in the regions of the VFD in 2012 are analyzed: the advanced technologies used; the volume of innovative production; the organizations' spending on technological innovations by type of innovative activity; the number of organizations carrying out scientific research and development; the number of personnel engaged in research and development, etc. It was found that most of the innovative activity is characteristic for the District's regions with high amounts of spending on technological innovations and innovative production. The regions of this type have a high level of all components of the innovative infrastructure. There is a high concentration of scientific centers and technology parks in the regions of this type. Investment and financial institutions, particularly companies of the venture capital industry, are widely represented, and the developed information and network communications are formed.

Г. Г. ЗЕЙНАЛОВ, АНАЛИЗ ПОТРЕБНОСТИ
Л. В. СТАРОДУБЦЕВА РЕГИОНА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УСЛУГАХ МОРДОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА¹

Ключевые слова: образовательные услуги, образовательные учреждения, региональный рынок образовательных услуг

Key words: educational services, educational institutions, regional market of educational services

В статье анализируются результаты социологического исследования потребностей в образовательных услугах Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. По данным анкетного опроса можно отметить, что этот вуз является активным субъектом взаимодействия на рынке образовательных услуг в регионе. В свою очередь у многих образовательных учреждений есть необходимость в образовательных услугах этого учреждения.

The paper analyzes the results of a sociological research of the region's need for educational services provided by the Evseviev Mordovian State Pedagogical Institute. Basing on the analysis of the results of a survey, it can be noted that this institution of higher education is an active participant in interaction in the regional market of educational services. In turn, many educational institutions need educational services provided by this educational institution.

В настоящее время изучение проблем и тенденций развития рыночных отношений в сфере образования является одной из актуальных задач. В области профессионального образования организация систематического наблюдения за ходом и характером рыночных тенденций особенно важна.

ЗЕЙНАЛОВ Гусейн Гардаш оглы, профессор кафедры философии Мордовского государственного педагогического института, доктор философских наук.

СТАРОДУБЦЕВА Любовь Викторовна, доцент кафедры менеджмента и экономики образования Мордовского государственного педагогического института, кандидат социологических наук.

ZEYNALOV Gusein Gardash Ogli, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Philosophy, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

STARODUBTSEVA Lyubov Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Economy of Education, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

Особенности и направления развития рынка образовательных услуг, обусловленные влиянием широкого круга разнообразных факторов, являются предметом постоянного интереса субъектов этого рынка. Вместо оценки качества образовательной услуги потребители могут использовать экспертные оценки уровня и качества знаний учащихся или результаты экзаменов и тестовых испытаний².

Рынок образовательных услуг стремительно развивается и, как любой другой рынок, подчиняется определенным закономерностям развития. Образовательные учреждения получили возможность выбора программ, форм, средств, методов обучения и воспитания. В силу того что многие образовательные услуги предоставляются потребителям бесплатно, деятельность производителей этих услуг не имеет стоимостной оценки. Одной из причин такой ситуации является отсутствие субъекта, готового оплачивать подобные услуги. Это обстоятельство порождает значительные трудности в мотивации к предоставлению услуг высокого качества³.

Рынок образовательных услуг подвержен влиянию тех же факторов, которые воздействуют на любой другой. Однако его специфика заключается в сочетании рыночных и нерыночных механизмов функционирования. Такое сочетание вытекает из особенностей образовательной деятельности как услуги, направленной на удовлетворение не только частной потребности, но и общественной⁴.

Одна из важных проблем современного образования — установление соответствия между интересами и возможностями различных субъектов, действующих в системе образования. Дальнейшее развитие рыночных отношений, усиление конкуренции на рынке образовательных услуг вызывают необходимость изучения состояния этого рынка, оценок и ожиданий потребителей образовательных услуг. Для исследования потребностей в образовательных услугах Мордовского государственного педагогического института (далее — институт) в регионе в апреле 2013 г. проведен анкетный опрос руководителей образовательных учреждений Республики Мордовия.

В опросе участвовали все районы (21 район) Республики Мордовия и г. Саранск (всего 263 учебных заведения). Территориальное расположение вуза повлияло на состав респондентов и определило то, что больше всего их (81 уч-

реждение, или 30 %) из г. Саранска. В составе участников опроса преобладают школы (166 школ, или 62 %), что можно объяснить более налаженными связями института с данным видом образовательных учреждений. Вторые по численности — дошкольные образовательные учреждения (73, или 27 %). Также представлены лицеи (8, или 3 %), техникумы (5, или 2 %), колледжи (4, или 2 %) и гимназии (3, или 1 %).

По результатам опроса, средний возраст педагогов составил до 45 лет, в основном от 40 до 50 лет (116 учреждений, или 44 %). Это возраст, когда люди строят свою профессиональную карьеру и способны повышать квалификацию. Только в трех учреждениях (1 %) средний возраст педагогов 30 лет. В то же время имеются образовательные учреждения, в которых средний возраст педагогов приближается к пенсионному (5 %), следовательно, в перспективе возникнет потребность в педагогических кадрах.

Основная часть анкеты содержит вопросы, направленные на определение потребностей региона в дополнительных образовательных услугах института.

В вариантах ответа на вопрос «В педагогических кадрах каких специальностей нуждается учреждение на 2013/16 учебные годы?» предложено 29 специальностей (табл. 1).

Можно сказать, что образовательные учреждения региона ощущают потребность в педагогах различного профиля. На основе анализа распределения выбора в таблице можно сделать вывод, что наибольшую потребность в кадрах, подготовкой которых занимается институт, испытывают дошкольные образовательные учреждения. Следующие по количеству выборов учителя английского языка (35, или 15 %) и физической культуры (27, или 11 %).

По результатам ответов на вопрос «В каких из указанных программ профессиональной переподготовки нуждается Ваше образовательное учреждение на 2013/16 учебные годы?» можно отметить, что больше интереса вызвали переподготовка в области менеджмента образования и педагогики (53 образовательных учреждения, или 22 %). В вариантах ответа на вопрос «Какие программы необходимы педагогам образовательного учреждения для краткосрочного повышения квалификации на 2013/16 учебные годы?» предложено 39 специальностей, из которых выбраны все.

Таблица 1

Ответы на вопрос «В педагогических кадрах каких специальностей нуждается Ваше учреждение на 2013/16 учебные годы?»

Специальность	Количество учреждений	Специальность	Количество учреждений
Дошкольное образование	60 (25 %)	Обществознание	9 (4 %)
Английский язык	35 (15 %)	Художественное образование	8 (3 %)
Физическая культура	27 (11 %)	Логопедия	7 (3 %)
Математика	26 (11 %)	Технология	5 (2 %)
Информатика	26 (11 %)	Психология и социальная педагогика	5 (2 %)
Химия	25 (11 %)	Родной язык (мордовский) и литература	3 (1 %)
Физика	24 (10 %)	Технология и организация спортивно-оздоровительных услуг	3 (1 %)
Музыкальное образование	23 (10 %)	Менеджмент организации	2 (1 %)
Начальное образование	18 (8 %)	Психология образования	2 (1 %)
История	17 (7 %)	Родной язык (татарский) и литература	1 (0 %)
Психология	16 (7 %)	Психология и педагогика инклюзивного образования	1 (0 %)
Биология	15 (6 %)	Олигофренопедагогика	1 (0 %)
Русский язык и литература	12 (5 %)	Сурдопедагогика	1 (0 %)
Немецкий язык	10 (4 %)		

В вариантах ответа на вопрос «Интересуют ли Вас следующие направления работы института на 2013/16 учебные годы?» всего предложено 11 направлений диагностики и тренингов. Многие респонденты (62 учреждения, или 26 %) не понимают значимость этой работы, 15 %, или 35 учреждений, вообще не нуждаются в данном направлении. Больше интереса вызвали «Диагностика организаторских и коммуникативных способностей сотрудников» (40 учреждений, или 17 %) и «Диагностика профессиональной мотивации кадров» (36 учреждений, или 15 %).

По результатам ответа на вопрос о наиболее предпочтительных формах повышения квалификации для педагогов образовательного учреждения на 2013/16 учебные годы можно сделать вывод, что наиболее востребованы семинары-практикумы (131 учреждение, или 55 %) и мастер-классы (129 учреждений, или 54 %).

Следует отметить, что интерес вызвали практически все предлагаемые МГПИ образовательные и иные услуги. Но особо выделяются «Переподготовка и повышение квалификации» (68 учреждений, или 29 %) и «Оказание юридических консультаций» (62 учреждения, или 26 %). Только 8 учреждений (3 %) не нуждаются в подобной помощи.

На основе анализа результатов основной части анкеты можно отметить, что на территории Мордовии функционирует рынок образовательных услуг и институт является активным участником этого процесса. Хотя этот рынок находится на стадии формирования и складывается практически стихийно, у многих образовательных учреждений есть необходимость в образовательных услугах института. Следует отметить, что институт не является законодателем на этом рынке и многое зависит от умелых управленческих решений.

Дополнительная часть анкеты охватывала вопросы, выясняющие условия существования рынка образовательных услуг.

Результаты опроса показали, что при принятии решения об обучении сотрудников именно в институте, значительное влияние оказывает тот фактор, что вуз зарекомендовал себя как предлагающий качественное образование (119 учреждений, или 51 %) и обладающий квалифицированным профессорско-преподавательским составом (82 учреждения, или 35 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас особенно важно при принятии решения об обучении Ваших сотрудников в институте?»

Вариант ответа	Количество учреждений
Знания, дающие возможность сотрудникам стать хорошими специалистами	119 (51 %)
Квалифицированные преподаватели	82 (35 %)
Стоимость обучения	78 (34 %)
Наличие нужной специальности	66 (28 %)
Длительность курса	44 (19 %)
Местоположение вуза	24 (10 %)

В ответах на вопрос «Что подталкивает к налаживанию связей с институтом?» на первое место респонденты ставят качество преподавания (84 респондента, или 36 %). Востребованность предлагаемых специальностей занимает

второе место, затем следуют инновационная деятельность и политика вуза.

Сотрудничать с институтом руководители образовательных учреждений готовы в основном на безвозмездной основе (149 респондентов, или 64 %).

Каждый из предложенных вопросов заслуживает отдельного внимания, так как определяет условия достижения поставленных задач на региональном рынке образовательных услуг. По результатам исследования можно сделать вывод, что кадровое обеспечение образовательных услуг обусловлено качеством профессорско-преподавательского, научно-исследовательского и административно-управленческого персонала всех уровней (профессиональными, деловыми и личностными характеристиками, способностью к образованию и развитию, обладание современными знаниями и навыками, практическим опытом в профессиональной области и пр.); качеством учебно-вспомогательного персонала. Материально-техническая база вуза, соответствующая современным требованиям рынка, и информационная компетентность персонала в значительной степени влияют на успех⁵.

Таким образом, на основе анализа потребностей рынка региона в образовательных услугах института можно сделать вывод, что рынок образовательных услуг региона только формируется. Еще полностью не установлены правила и нормы взаимодействия. Формируются локально замкнутые участки и участники рынка. Многие учреждения (около 41 %) стараются решать свои проблемы самостоятельно. Более половины опрошенных (64 %) пытаются получить услугу на безвозмездной основе, что не соответствует принципам функционирования рынка. Вертикальные связи более развиты, чем горизонтальные. В процессе формирования рынка образовательных услуг (для развития конкурентоспособности института и реализации принципов рыночного взаимодействия) необходимо достаточное количество квалифицированных специалистов и хорошо организованная система управления процессами для реализации образовательных программ, проведения современных научных и научно-методических исследований, управления процессами в вузе и регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств мероприятия 2.1.1 «Решение комплексных проблем по разработке и внедрению гуманитарных технологий в образовательную практику на базе НОЦ и НИЛ» Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» на 2012—2017 гг. «Педагогические кадры для инновационной России».

² См.: Анисовец Т.А. Экономика образования и образовательного учреждения: учеб.-метод. пособие (компендиум). СПб.: Отд. оператив. полигр. НИУ ВШЭ, 2012. С 18.

³ См.: Винокурова Н.В. О возможности инновационного развития педагогических вузов // Гуманит. науки и образование. 2011. № 2. С. 9.

⁴ См.: Листвина Е.В. Риски образовательного пространства // Там же. 2012. № 1. С. 42.

⁵ См.: Кадакин В.В. Инновационные процессы в высшем образовании // Там же. № 2. С. 9—12.

Поступила 02.09.2014.

G. G. Zeynalov, L. V. Starodubtseva. Analysis of the Region's Need for Educational Services Provided by the Mordovian Pedagogical Institute

The paper presents an analysis of the results of a sociological research of the region's need for educational services provided by the Mordovian State Pedagogical Institute. Study of the problems and trends of the market relations development in the education market is one of the most urgent tasks now. In vocational education, the problem of organization of systematic observation of the development and the nature of qualitative market changes is particularly important.

One of the most important tasks of modern education is to establish correspondence between the interests and capabilities of different actors in the education system. Further development of market relations, strengthening of competition in the market of educational services make it necessary to study this market's condition, estimates and expectations of consumers of educational services. To study the region's need for educational services provided by the Mordovian State Pedagogical Institute, a questionnaire survey of heads of educational institutions of the Republic of Mordovia was conducted. The survey involved all the districts (21 districts) of Mordovia and Saransk — 263 educational institutions altogether. Basing on the analysis of the results of the main part of the questionnaire, it can be noted, that there is a market for educational services on the territory of Mordovia and the Mordovian State Pedagogical Institute is its active participant. Although this market is at a formative stage and it develops almost spontaneously, most educational institutions need additional educational services provided by the Mordovian State Pedagogical Institute. It should be noted, that the Mordovian State Pedagogical Institute is not the trend setter in this market and a lot depends on skillful management decisions.

**Н. И. НАУМКИН,
Н. Н. ШЕКШАЕВА,
В. Ф. КУПРЯШКИН,
Е. Н. ПАНЮШКИНА**
**ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ
ИННОВАЦИОННОЙ
ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ
ЛЕТНИХ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ**

Ключевые слова: инновационная инженерная деятельность, компетентность, компетенция, компоненты компетентности, национальный исследовательский университет, летние научные школы, материальный инновационный продукт, нематериальный инновационный продукт

Key words: innovative engineering, competence, competency, components of competence, national research university, summer science schools, material innovative product, intangible innovative product

Раскрывается содержание практического обучения инновационной инженерной деятельности в условиях летних научных студенческих школ как обучения получению материальных инновационных продуктов. В качестве материальных инновационных продуктов выступают изделия цифрового производства (распечатка на 3D-принтере), а нематериальных инновационных

НАУМКИН Николай Иванович, заведующий кафедрой основ конструирования механизмов и машин Мордовского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент.

ШЕКШАЕВА Наталья Николаевна, преподаватель кафедры основ конструирования механизмов и машин Мордовского государственного университета.

КУПРЯШКИН Владимир Федорович, доцент кафедры основ конструирования механизмов и машин Мордовского государственного университета, кандидат технических наук.

ПАНЮШКИНА Елена Николаевна, преподаватель кафедры прикладной математики Мордовского государственного университета.

NAUMKIN Nikolay Ivanovich, Doctor of Pedagogic Sciences, Docent, Head of the Department of Mechanisms and Machine Building, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SHEKSHAIEVA Natalia Nikolaevna, Lecturer at the Department of Mechanisms and Machine Building, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KUPRYASHKIN Vladimir Fyodorovich, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Mechanisms and Machine Building, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

PANYUSHKINA Elena Nikolaevna, Lecturer at the Department of Applied Mathematics, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

продуктов — заявочные документы на патенты. Обучение организовано в форме деловой игры «Фирма-2», включающей следующие этапы: формирование команды, распределение ролей; создание фирмы, выбор рода деятельности фирмы и фирменного наименования; формулирование решаемой проблемы; получение технического решения; разработка 3D-модели детали; разработка изделия на 3D-принтере; оформление заявительских материалов на РИД; защита проекта. Экспериментально подтвержден рост эффективности такого обучения на 16 %.

The paper reveals the content of practical training in innovative engineering activities in summer science schools for students as training in obtaining material innovative products. As the material innovative products, digitally manufactured products (printed with a 3D-printer) were used, and as intangible innovative products — the application documents for patents. The training was organized in the form of a business game 'Firm 2' including the following steps: forming a team, casting roles; setting up a firm, choosing activities for the firm and the brand name; formulating the problem to be solved; obtaining technical solutions; developing a 3D-model of a part; developing a product with a 3D-printer; registering applicant patent documents; defending the project. The experiment confirmed the increase in the effectiveness of such training by 16 %.

Продекларированные модернизация промышленности России и ее новый этап индустриализации, основанные на инновационном подходе, невозможны без развития и совершенствования инженерного образования, перед которым стоит задача повышения уровня подготовки специалистов, готовых к инновационной инженерной деятельности (ИИД). Для большей эффективности такой подготовки Правительством России было предложено создание особых вузов — национальных исследовательских университетов (НИУ). Они позволяют формализовать, укрепить и объединить научный, технический и образовательный потенциал университета и ориентировать его на создание комплексной стратегии инновационного развития страны. С одной стороны, такие университеты создают новые возможности для эффективного обучения, с другой — предъявляют повышенные требования к студентам, преподавателям и научным работникам университета¹.

ИИД включает определенные этапы полного инновационного цикла: анализ существующего технического уровня, синтез нового технического решения, разработку, создание новой техники и технологий, доведенных до вида товарной продукции, представленной нематериальными инновацион-

ными продуктами (НИП) в виде охранных документов на результаты интеллектуальной деятельности, научно-технической и технологической документации и материальными (МИП) — в виде товара, работы, услуги, обеспечивающими экономический, социальный или другой эффект и, следовательно, являющимися конкурентоспособными². Таким образом, и подготовка студентов к ИИД должна быть основана на вовлечении их во время обучения во все перечисленные этапы инновационного цикла.

На наш взгляд, для практического обучения ИИД и получения материальных инновационных продуктов целесообразно использовать обучение в рамках летних научных школ. Такие школы проводятся кафедрой основ конструирования механизмов и машин Мордовского государственного университета с 2001 г.³, и накопленный опыт их реализации позволяет заключить, что «1) на этапе обучения в летних научных школах наиболее полно можно сформировать компетентность в инновационной инженерной деятельности благодаря тому, что это форма активного обучения совмещает и активный отдых и интенсивное обучение; 2) создание образовательной среды для студентов летом эффективно не только для самих студентов, но и для региона в целом, так как молодежь — наиболее открытая и активная часть общества и привлечение ее к решению острых вопросов очень часто позволяет вырабатывать новые идеи и механизмы их претворения в реальность; 3) выбор в качестве второго (практического) этапа формирования КИИД региональных летних научных школ студентов, аспирантов и молодых ученых обеспечивает повышение эффективности подготовки студентов к ИИД; 4) повышение эффективности функционирования летних школ обеспечивается использованием при обучении в них интегрированной педагогической технологии, проникающей в которой является педагогика сотрудничества»⁴.

Инновационная инженерная деятельность реализуется в основном в рамках инновационного цикла. Поэтому наиболее успешно формирование КИИД у студентов в рамках летней научной школы будет осуществляться, если организовать обучение таким образом, чтобы студенты прошли все этапы практической работы в условиях моделирования ИИД с получением инновационного продукта в виде промышленного образца. На наш взгляд, такое обучение можно реализовать

на основе использования цифровых технологий изготовления инновационных продуктов⁵, которые начали интенсивно развиваться примерно с 80-х гг. XX в. и находят все большее применение во всем мире. Их основное отличие от существовавших до этого технологий формирования трехмерных объектов состоит в том, что они реализуются не за счет удаления материала (точение, фрезерование, электроэрозионная обработка и др.) или изменения формы заготовки (ковка, штамповка, прессовка), а за счет постепенного наращивания (добавления) материала или изменения фазового состояния вещества в заданной области пространства.

Учитывая большие возможности такой технологии в Институте механики и энергетики Мордовского государственного университета в соответствии с реализацией программы НИУ в рамках Центра цифрового производства создан сектор быстрого прототипирования⁶, в котором используется одна из названных технологических схем: 3D-модель — 3D-печать — прототип — тиражирование. Из всех имеющихся у нас средств цифрового производства для летней научной школы в качестве инновационного технического средства обучения был выбран 3D-принтер «BFB 3000», представляющий уникальную современную модель от компании «Bits From Bytes». Обучение ИИД реализуется в виде деловой игры «Фирма-2» — усовершенствованной игры «Фирма-1» за счет включения в ее состав второго практического этапа с дополнительными средствами обучения (3D-принтера, фондов сценариев творческих конкурсов и спортивных мероприятий) и расширенным содержанием (изготовление МИП), позволяющей моделировать все этапы инновационного цикла ИИД, вовлекая в них студентов. Как и «Фирма-1», эта игра проходит в несколько этапов: формирование команды, распределение ролей; создание фирмы, выбор рода ее деятельности и фирменного наименования; формулирование решаемой проблемы; получение технического решения; разработка 3D-модели детали; разработка изделия на 3D-принтере; оформление заявительских материалов на патент; защита проекта.

Из группы студентов (6—7 чел.) самостоятельно организуется «фирма», которая работает на протяжении обучения с проведением промежуточного контроля и заключительного, однако, в отличие от традиционной, командная работа

осуществляется не только во время учебы, но и в процессе участия во всех творческих конкурсах, спортивных и других мероприятиях. Члены группы выбирают лидера, который распределяет роли (директор, технический директор, главный конструктор, патентовед, экономист, маркетолог). Затем он проводит совещание, посвященное выбору рода деятельности вновь организуемой «фирмы», разработке «фирменного наименования» как объекта интеллектуальной собственности. Для выполнения основного этапа игры (получение нематериального и материального инновационного продукта [ИП]) команда самостоятельно выделяет проблему в выбранной сфере деятельности, формулирует задачу для ее разрешения, синтезирует технические решения (ТР). Из полученных ТР выбирается наиболее охраноспособное, оформляются заявительские документы на выдачу патента России на полученное решение.

Следующим заданием для «фирмы» является разработка товарного знака или знака обслуживания на предполагаемый к выпуску продукт (товар, услугу) и оформление заявительских материалов на регистрацию и выдачу свидетельства на товарный знак. Одновременно перед каждой командой слушателей школы ставилась задача разработать для полученного ею технического решения 3D-модель одной из его основных деталей и распечатать ее самостоятельно на 3D-принтере, а при защите проекта продемонстрировать ее. Это обеспечивает эффективное формирование у студентов умения синтезировать и проектировать изделие, использовать знания по компьютерному проектированию и хранению информации, способствует развитию творческого воображения. Получение готового изделия в свою очередь формирует умение коммерциализовать решение и владение технологиями производства, умение доводить решение до окончательного результата.

Все это формирует положительную мотивацию в получении ИП. Защита проекта, как и в игре «Фирма-1», проходит в форме презентации перед группой экспертов и участниками других команд. Каждый участник в соответствии с занимаемой должностью представляет РИД, разработанные и изготовленные ИП (фирменное наименование, товарный знак или знак обслуживания, изобретение, полезную модель, промышленный образец), раскрывает область использования

и ожидаемый эффект. Все присутствующие могут задавать вопросы и участвовать в обсуждении. По результатам защиты эксперты принимают окончательное решение (оформление заявки на патент, опубликование научной статьи, рекомендация к внедрению).

Дополнительное участие слушателей школы в конкурсах и спортивных мероприятиях было направлено на сплочение команды при решении поставленных задач, на выявление истинных лидеров, формирование умения быстро действовать и принимать решения и впоследствии нести за них ответственность. Кроме того, творческие конкурсы способствуют развитию творческого потенциала студентов — основы ИИД.

В ходе игры действовала накопительная система баллов (индивидуальная и командная), при этом каждый член команды нес ответственность за свои действия перед коллективом и за команду в целом в условиях необходимости обязательного принятия решения в экстремальных условиях (стрессовая ситуация, ограниченность времени, ответственность и т. п.). Для освещения количества накопленных баллов постоянно заполнялась настенная ведомость учета активности слушателей школы и команд. Это также было одним из основных мотивов активной, ответственной и результативной работы.

Таким образом, в рамках теоретического и практического обучения моделируются все этапы инновационного цикла, обеспечивающие эффективную подготовку к ИИД.

Для проверки эффективности формирования у студентов компетентности в инновационной инженерной деятельности при обучении в школе был проведен педагогический эксперимент по разработанной нами ранее методике⁷. Слушатели школы проходили тестирование до начала обучения и после него. В ходе эксперимента выявлялся уровень (низкий — 1, средний — 2, высокий — 3) владения ими компетенциями, определяющими их компетентность в ИИД. По результатам тестирования были построены диаграммы, из которых следует, что до начала обучения у студентов эти компетенции были сформированы в основном на среднем уровне (2,5), но они носили неравномерный характер.

После обучения этот уровень существенно повышался в среднем до значения 2,9. Это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на краткосрочность проведения мероприятия, оно достаточно эффективно для подготовки к ИИД.

Кроме качественных результатов педагогического эксперимента, эффективность проведения летних школ подтверждают и количественные показатели: с участием студентов осуществлено свыше 50 публикаций, в том числе в рецензируемых изданиях; получено 10 патентов на полезные модели, изобретения и сделаны рационализаторские предложения; только в период с 2012 по 2014 г. три студента Мордовского государственного университета стали лауреатами премии Президента Российской Федерации по программе поддержки талантливой молодежи; выигран грант в конкурсном отборе одно- и двухлетних проектов по разработке и реализации программ развития студенческих конструкторских бюро и аналогичных общественных объединений студентов в рамках мероприятия 2.4 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», на сумму 2 млн руб.; ежегодные победы студентов в международных и всероссийских студенческих олимпиадах по направлению «Агроинженерия»; 4 студента стали стипендиатами Президента и Правительства России.

Таким образом, высокая эффективность работы летних школ достигается за счет моделирования всех этапов инновационной деятельности, правильной организации режима ее работы, грамотного сочетания обучения и активного отдыха, рационального распределения времени занятий, направленных на плодотворную творческую работу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Наумкин Н.И., Грошева Е.П. и др. Особенности подготовки студентов национальных исследовательских университетов к инновационной инженерной деятельности // Интеграция образования. 2013. № 4. С. 4—14; Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Купряшкин В.Ф. Подготовка студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности в процессе обучения техническому творчеству / под ред. П.В. Сенина, Ю.Л. Хотунцева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 120 с.

² См.: Grosheva E.P., Naumkin N.I. Motivation of innovative activity. URL: www.Sience-sd.com/452-240441 (дата обращения: 16.08.2013); Grosheva E.P., Naumkin N.I., Kupryashkin V.F. The character and the novelty rate of engineering solution. URL: www.Sience-sd.com/455-24470 (дата обращения: 21.12.2013).

³ См.: Наумкин Н.И., Шекшаева Н.Н. и др. Педагогика сотрудничества как интегрирующая технология в методике обучения инновационной деятельности в региональных летних научных студенческих школах // Регионология. 2013. № 4. С. 74—86.

⁴ Наумкин Н.И., Грошева Е.П. и др. Летние научные школы — важный компонент подготовки студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности // *Фундам. исслед.* 2012. № 11. Ч. 1. С. 84—89.

⁵ См.: Наумкин Н.И., Купряшкин В.Ф. и др. Использование инновационных технологий быстрого прототипирования и вакуумного литья для сокращения времени на проектирование ИП // *Современные проблемы теории машин: материалы I Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новокузнецк: Издат. центр СибГИУ, 2013. С. 125—127.*

⁶ См.: Наумкин Н.И., Купряшкин В.Ф., Фирстов А.Ф. Практическое обучение студентов технических вузов инновационной деятельности в научных школах // *Современные проблемы теории машин: материалы II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новокузнецк: Издат. центр СибГИУ, 2014. С. 154—157.*

⁷ См.: Наумкин Н.И., Грошева Е.П. и др. Летние научные школы ...

Поступила 20.08.2014.

N. I. Naumkin, N. N. Shekshaeva, V. F. Kupryashkin, E. N. Panyushkina.
Practical Training in Innovative Engineering Activities
in Regional Summer Science Schools

The paper is devoted to one of the urgent problems of higher vocational education — students training for future innovative engineering activities (IEA). For this purpose, a methodical system of forming competence in such activities (CIEA) among the students of national research universities was developed. CIEA are considered in terms of such components as: knowledge, activity, psychology (abilities), psychology (motivation and reflection). It is shown that for efficient formation of CIEA, it is necessary to integrate the theoretical training of the students in IEA and the practical training to obtain material innovative products (MIP). Special attention is paid to the training of how to obtain MIP in the framework of the regional summer scientific schools for students, graduates and young scientists. To do this, the innovative technology of digital production of parts is used, in particular, prototyping — printing plastic products with 3D-printers. The training was organized in the form of a business game «Firm-2» including the following steps: forming a team, casting roles; setting up a firm, choosing activities for the firm and the brand name; formulating the problem to be solved; obtaining technical solutions; developing a 3D-model of a part; developing a product with a 3D-printer; registering applicant patent documents; defending the project. The pedagogical experiment conducted for this study showed a 16 % increase in efficiency of such training compared to the existing one.

N. A. КОЖУРИНА

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
РЕГИОНА В ПРОЦЕССЕ
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Ключевые слова: адаптация, младшие школьники, физическое воспитание, личностно ориентированный подход, компетентность, технология

Key words: adaptation, junior schoolchildren, physical education, person-oriented approach, competence, technology

В статье упор делается на личностно ориентированный процесс социальной адаптации младших школьников в процессе физического воспитания — создание воспитательной системы на принципах взаимной ответственности, взаимопомощи, взаимной заинтересованности учителей в достижении успехов учениками начальной школы по различным предметам.

The paper considers the main idea of the personality-oriented process of social adaptation of junior schoolchildren in the process of physical education which is the establishment of the educational system based on the principles of mutual responsibility, mutual aid and mutual interest of teachers in primary school pupils' success in various subjects.

Изменения, происходящие в личности младшего школьника, свидетельствуют о широких возможностях развития ребенка в этом возрасте. В течение этого периода на качественно новом уровне реализуется потенциал развития ребенка как активного субъекта, познающего окружающий мир и самого себя, приобретающего собственный опыт деятельности и поведения в этом мире. Желание взрослых развить умственные способности детей, их творческую активность за счет раннего начала обучения, интенсивности учебных программ и нагрузок не всегда сочетается с физическими и психическими возможностями младших школьников.

КОЖУРИНА Нина Александровна, доцент кафедры философии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

KOZHURINA Nina Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

На сложность и значимость периода, связанного с адаптацией ребенка к условиям школьной среды, указывают исследования, проведенные в области психологии, педагогики, медицины, физиологии, теории и методики физического воспитания, социологии и др.¹ У психологов и педагогов в последнее время вызывает тревогу то, что в категорию слабоуспевающих и неуспевающих детей попадают внешне благополучные дети, имеющие достаточно высокий уровень умственного и физического развития. К основными факторам, влияющим на негативное состояние психического здоровья ребенка, относятся его неспособность справиться с учебной нагрузкой, авторитарный стиль общения педагогов и, как следствие этого, неприятие ребенка детским коллективом.

Успешная социальная адаптация детей начальной школы к условиям школьной среды помогает сформировать систему их отношений со сверстниками и взрослыми, базовые учебные установки, которые в существенной мере определяют в средней школе успешность обучения, эффективность стиля общения с учениками и взрослыми людьми, возможность личностной самореализации.

Современная школа находится в поиске моделей учебно-воспитательного процесса, которые могли бы обеспечить всестороннее развитие личности школьников. В настоящее время многие авторы экспериментальных образовательных программ подтверждают необходимость преобразования педагогического процесса в школе с таким расчетом, чтобы любой урок независимо от учебного предмета был уроком, способствующим не только интеллектуальному развитию ребенка, повышению познавательной активности, но и сохранению его физического и психического здоровья².

По мнению ряда авторов, эффективная адаптация — одна из предпосылок успешной учебной деятельности, причем ведущая для детей младшего школьного возраста, так как представляет собой сложную систему мероприятий, направленных на овладение новыми формами деятельности, поведения, общения, и связана с изменением социального статуса младшего школьника.

С поступлением ребенка в школу происходит стандартизация условий его жизни, семья начинает по-новому контролировать ребенка в связи с необходимостью учиться в школе, выполнять домашние задания, строго организовы-

вать режим дня. Ужесточение требований к первокласснику даже в самой доброжелательной форме возлагает на него большую ответственность. Необходимое воздержание от импульсивных желаний и обязательная самоорганизация могут способствовать появлению чувства одиночества, отчужденности себя от близких. В результате могут появиться отклонения в развитии ребенка, гипертвзбудимость, гипердинамия, выраженная заторможенность и др. В свою очередь эти отклонения могут стать основой детских страхов, снизить волевую активность, вызвать угнетенные состояния. Результаты исследования говорят о том, что 50 % родителей испытывают тревогу по поводу адаптации ребенка к школе (статистические данные по семьям с детьми, попадающим под обслуживание отделов социальной защиты населения, на 1 января 2013 г. — сведения Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия), их беспокоит режим общения, количество задаваемых домашних заданий, затрачиваемое ребенком время на их выполнение, трудности, возникающие в учебной деятельности, взаимоотношения с одноклассниками, состояние здоровья. Родители детей, испытывающих дезадаптацию в школе, не знают, каким образом можно помочь своему ребенку преодолеть трудности начального периода обучения, и нуждаются в помощи педагогов. Поэтому главная цель родителей и педагогов в адаптационный период — создание педагогических и социально-психологических условий, позволяющих ребенку успешно функционировать и развиваться в новой педагогической среде³.

В педагогике школы физическая культура рассматривается как одно из средств решения проблемы социальной адаптации младших школьников. Значение роли физического воспитания в формировании и развитии социально активной личности признается специалистами педагогики физической культуры и спорта. Физкультурно-спортивная деятельность определяется ими как процесс, обеспечивающий удовлетворение потребности детей в активном движении, направленный на развитие физических и других сторон личности, в том числе, как показали результаты нашего исследования, и на социальное развитие учеников начальной школы. В процессе физкультурно-спортивной деятельности школьник вступает в большое количество социальных контактов, в результа-

те которых объективное богатство человеческой культуры трансформируется в субъективное богатство индивида. Адаптация к условиям физкультурно-спортивной деятельности оказывает воздействие и на адаптацию к правилам в процессе труда, структуру поведения, взгляды и отношения, необходимые в учебной деятельности.

Исследованиями доказано, что существует прямая зависимость между успехами учащихся на уроках физкультуры и социальным статусом младшего школьника. Физкультурно-спортивная деятельность, в частности на уроках в школе и во внеурочных формах занятий, включает учащихся во множество социальных отношений с учениками других классов и возрастов, создает возможность формирования запаса социально одобренных моделей поведения в школьной среде⁴. Однако современная система образования не в полной мере использует возможности физической культуры и спорта в процессе социальной адаптации и личностного развития детей младшего школьного возраста для преодоления сложной кризисной ситуации, связанной с переходом детей в среднюю школу. Это происходит из-за серьезных противоречий между целевой установкой, рассматривающей физическую культуру только как средство, оказывающее влияние на здоровье, и ее большими возможностями как способа социального развития школьников; между объективно возрастающими требованиями общества к педагогу как организатору процесса физического воспитания и уровнем его психолого-педагогической компетентности. Усвоение основных элементов образа жизни и деятельности происходит через социализацию личности, восприятие норм поведения, принятых в данной среде. Большинство учителей физической культуры считают проблему социальной адаптации детей младшего школьного возраста в условиях общеобразовательной школы актуальной. Анализ программ по физической культуре и методических пособий указывает на то, что существует достаточно объемный методический материал по организации и проведению урока, но психолого-педагогические аспекты руководства социальным развитием детей в процессе физического воспитания не конкретизируются. Молодые преподаватели в процессе решения воспитательных задач не выходят за рамки собственного педагогического опыта, в результате чего вопросы комплексного развития личности — труднорешаемые дилеммы.

Общей особенностью изученных нами программ по физической культуре является преобладание практической двигательной подготовки. Материал программы дается в основном в четырех разделах: основы знаний, общая физическая подготовка, специальная подготовка, контрольные нормативы. В некоторых программах авторы предлагают использовать элементы подвижных и народных игр, сюжетно-ролевых уроков для повышения мотивации при обучении двигательным действиям⁵.

В современных программах и методических пособиях по физическому воспитанию указывается на необходимость реализации нескольких принципов обучения: во-первых непрерывности процесса обучения, который обеспечивается механизмом преемственности между целями, содержанием отдельных звеньев программы, содержанием образовательно-развивающей практики на каждом из этапов, технологиями формирования физической культуры в системе общего образования учащихся во-вторых, целостности процесса обучения, предполагающего интеграцию основного и дополнительного образования, адаптацию в социокультурной среде; в-третьих, принципа личностно ориентированного обучения, реализуемого посредством индивидуализации содержания, форм, методов и педагогических средств в достижении цели обучения, перевода процесса развития учащихся в режим самоорганизации и саморазвития.

Авторы примерных программ предоставляют учителям физической культуры право самостоятельного построения учебного материала, в котором они могут изменять последовательность изучения вопросов в пределах темы, имеют возможность свободного выбора путей и организационных форм, методов и средств обучения, проявления творческой инициативы. Декларируется право дифференцированного подхода к учащимся, позволяющего избежать перегрузки, повысить мотивацию к занятиям физической культурой, способствующего более полной реализации возможностей каждого из них.

Анализируя общеобразовательные программы и учебники последнего десятилетия по физической культуре, можно отметить однозначную тенденцию к расширению и конкретизации задач, направленных на укрепление здоровья школьников, формирование их социальной активности,

повышение валеологической грамотности, использование учителем творческого подхода в учебно-воспитательном процессе. Однако авторы не выделяют в физическом воспитании содержательных элементов, имеющих отношение к адаптационной роли физического воспитания, а рассматривают только проблемы совершенствования средств, методов и форм физического воспитания, эффективность которых крайне низка из-за отсутствия комплексной программы психолого-педагогического сопровождения учебного процесса. Проведенный анализ особенностей содержания и методики осуществления физического воспитания детей в начальной школе показал, что традиционные формы обучения и современные методические подходы к процессу физкультурного образования не позволяют в полной мере осуществлять процесс социализации личности на уроках физической культуры. Необходимо рациональное сочетание форм, методов и средств традиционного и личностно ориентированного учебно-воспитательного процессов.

Технология педагогической поддержки социальной адаптации детей младшего школьного возраста в процессе занятий физической культурой включает личностно ориентированную концептуальную основу и процессуальную характеристику, предусматривающую опосредованную ориентацию педагогического коллектива школы на социальное развитие детей, определяющуюся индивидуально-личностным подходом в обучении и воспитании. В основе педагогической технологии лежит концептуальное положение современной гуманистической педагогики о тесной взаимосвязи социально-психологического, интеллектуального и физического воспитания. При этом все виды воспитания должны осуществляться в единстве (комплексе), так как личность школьника представляет собой целостность и многомерность. Единство воспитательных воздействий должно осуществляться в процессе как учебной, так и внеучебной деятельности⁶.

Исследователи выделяют основные компоненты, которые имеют непосредственное отношение к социализации личности школьника, формированию его культуры в процессе физического воспитания: физкультурно-спортивная деятельность — социальная адаптация — физическая культура школьников⁷.

К основным психолого-педагогическим условиям эффективности социальной адаптации младших школьников в процессе физического воспитания в рамках гуманистической концепции личностно ориентированного обучения можно отнести: преобразование традиционной классно-урочной системы в систему организации личностно ориентированного учебно-воспитательного процесса; достижение педагогом соответствия характера педагогического воздействия и внутренних (субъективных) особенностей развития личности младшего школьника; опору учебно-воспитательного воздействия педагога на «зону ближайшего развития» ребенка при формировании мотивации достижения успеха; формирование направленной мотивации различного рода отношений и деятельности в процессе физического воспитания; положительное воздействие педагога на эмоциональную сферу школьников; формирование адекватного самоанализа и самооценки школьников; наличие психолого-педагогической компетентности в деятельности педагога⁸.

Личностные особенности педагога младших классов, его культура, педагогические способности, отношение к детям и даже черты характера оказывают положительное или отрицательное воздействие на личность школьника, так как обучение и воспитание в начальной школе переплетаются особенно тесно. Результаты опроса учителей физической культуры показали, что уроки в начальных классах должны вести учителя, прошедшие специальную подготовку, имеющие необходимую личностную предрасположенность. Уточнены профессионально значимые характеристики личности учителя физической культуры, реализующего личностно ориентированный подход к учебно-воспитательному процессу в начальной школе: включенность в развивающее педагогическое пространство; направленность на успех ребенка; способность организовывать полисубъектные отношения; конгруэнтность личностного и профессионального в педагогической деятельности; личностная позиция педагога в профессиональной деятельности⁹.

В совершенствовании процесса социальной, психической и биологической адаптации детей ведущую роль играет целесообразно организованная и содержательно наполненная двигательная активность, реализуемая в физкультурно-спортивную деятельность, в ходе которой происходят фор-

мирование и развитие всех компонентов личности. В основу технологии адаптации младших школьников в процессе физического воспитания и результата этого процесса легла психолого-педагогическая концепция гармонизации взаимоотношений личности, среды, учеников и педагогического коллектива начальной школы, позволяющая обосновать концепцию личностно ориентированного образования младшего школьника, в том числе в условиях физкультурно-спортивной деятельности¹⁰.

Адаптация при таком подходе предполагает, что младший школьник имеет возможность развиваться в соответствующем темпе в зависимости от своих способностей и потребностей, становясь при этом субъектом образовательного процесса в школе. Существенно расширяется в рамках этой концепции и представление о развивающемся пространстве школьной среды.

Основная идея личностно ориентированного процесса социальной адаптации младших школьников в процессе физического воспитания — создание воспитательной системы на принципах взаимной ответственности, взаимопомощи, взаимной заинтересованности учителей в достижении успехов учениками начальной школы по различным предметам. Существенной особенностью формирования самооценки младшего школьника является возможность компенсации одних ее компонентов другими. Ребенок будет искать ту деятельность, то место, где он получит возможность самоутвердиться, обрести положительное эмоциональное самочувствие. Такой деятельностью, наряду с остальными дисциплинами, которые преподаются в начальной школе, может стать и физкультурная. Совместная педагогическая деятельность должна строиться на доверии, понимании и сотрудничестве, уважении друг друга и быть нацелена на решение общей задачи реализации психологических и социальных функций личности ребенка¹¹.

Реализация технологии педагогической поддержки процесса адаптации младших школьников в системе физического воспитания предусматривает дифференцированность программного материала: характера и объема нагрузки, средств педагогического воздействия и контроля в зависимости от возрастных и индивидуальных особенностей, уровня подготовленности детей класса.

К основным показателям, определяющим уровень личностного развития ребенка в условиях социальной адаптации, мы отнесли: социально-позиционный статус ученика в классе; характер мотивации и ее положительную направленность; адекватность самооценки; уровень физического развития и физической подготовленности; наличие продуктивных коммуникативно-целесообразных взаимодействий в формальной и неформальной сферах; соответствие уровня развития основных психических процессов (памяти, мышления, восприятия, внимания) возрастным особенностям школьника, психологической совместимости с учителями, в частности с учителем физической культуры.

Наиболее успешно технология педагогической поддержки детей в процессе социальной адаптации будет осуществляться за счет применения педагогом следующих методов и средств организации психолого-педагогического воздействия и стимулирования: игр, соревнований, проблемных педагогических ситуаций, опоры на личное мнение ребенка, активного включения каждого ученика во все виды деятельности на уроке, создания опережающих ситуаций, коммуникативных целесообразных отношений в процессе учебной деятельности, осуществляемых на основе педагогически управляемого моделирования детьми нравственно-ценностных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беличева С.А. Организация и содержание психосоциальной работы в учреждениях социального обслуживания детей и молодежи. М., 2002. С. 208.

² См.: Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1988.

³ См.: Кожурин Н.А., Савкин Н.С. Социальная адаптация: стадии и механизмы функционирования: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 194 с.

⁴ См.: Копылов Ю.А. Без простуд // Физ. культура в школе. 1994. № 3. С. 12—13.

⁵ См.: Глазырина Л.Д., Лопатик Т.А. Физическая культура: учеб. пособие для уч-ся 4 класса общеобраз. учреждений. М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 2003. 144 с.

⁶ См.: Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

⁷ См.: Менделевич В.Д., Казанцев С.Я., Менделевич Е.Г., Садыкова Р.Г. Психиатрия и наркология. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 368 с.

⁸ См.: Головина Л.Л., Копылов Ю.А., Валиев Н.М. Восточные системы оздоровления детей младшего школьного возраста: метод. разраб. для студентов академии. М.: РГАФК, 1995. 28 с.

⁹ См.: Копылов Ю.А. Без простуд.

¹⁰ См.: Кожурина Н.А., Савкин Н.С. Социальная адаптация ...

¹¹ См.: Глазырина Л.Д., Лопатик Т.А. Физическая культура ...

Поступила 03.09.2014.

N. A. Kozhurina. Social Adaptation of the Junior Schoolchildren in a Region in the Process of Physical Education

The modern school is searching for models of the educational process that would ensure comprehensive development of a schoolchild's personality. Currently, many authors of experimental educational programs acknowledge the need to transform the pedagogical process in school so that any lesson, regardless of the subject, would be a lesson promoting not only intellectual development of a child, improvement of cognitive activity, but also preservation of their physical and mental health.

In school pedagogy, physical education is seen as one means of solving the problem of social adaptation of junior schoolchildren. The role of physical education in formation and development of a socially active person is recognized by experts in pedagogy of physical culture and sports. Sports activity is defined as the process of satisfying children's needs for active movement aimed at development of physical and other aspects of personality, including, as the results of this study show, social development of junior schoolchildren. During sports activities, schoolchildren make a large number of social contacts; as a result, the objective richness of human culture transforms into subjective wealth of an individual. Adaptation to the conditions of the sports activity has an impact on the adaptation to the rules in the labor process, on the behavior structure, on the opinions and attitudes essential in the learning activity.

The main idea of the personality-oriented process of social adaptation of junior schoolchildren in the process of physical education is the establishment of the educational system based on the principles of mutual responsibility, mutual aid and mutual interest of teachers in primary school pupils' success in various subjects. A significant feature of a junior schoolchild's self-esteem development is the ability to compensate some of its components by other ones.

Д. В. МЕЛЬНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: региональная экономическая политика, право пользования в субъекте Федерации, право владения в субъекте Федерации, право распоряжения в субъекте Федерации

Key words: regional economic policy, right of use in a subject of the Federation, right of ownership in a subject of the Federation, right of disposal in a subject of the Federation

Исследуется влияние региональной экономической политики на специфику прав собственности: пользование, владение, распоряжение на уровне региона России. Право пользования на уровне региона рассматривается посредством максимизации регионального блага; право владения анализируется через идентификацию регионального актора и имущественного комплекса региона; право распоряжения исследуется и как региональное экономическое стимулирование, и как региональный экономический контроль.

The paper studies the impact of regional economic policy on the specification of property rights: use, possession, disposal at the regional level in Russia. The right of use at the regional level is considered through maximizing regional wealth; the right of ownership is analyzed through the identification of the regional actor and the property complex of a region; the right of disposition is examined both as regional economic incentives and as a regional economic control.

Региональная экономическая политика — важнейшая часть государственной политики страны. Методологической основой ее исследования служит гегелевская диалектика взаимосвязи общего, особенного и единичного. Общее предполагает, что исследование региональной экономической политики основывается на содержании экономической политики в целом.

Под содержанием экономической политики мы понимаем деятельность государства и степень его вмешательства в

МЕЛЬНИКОВ Дмитрий Владимирович, доцент кафедры управления предпринимательской деятельности Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук.

MELNIKOV Dmitry Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Administration of Entrepreneurial Activity, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation).

экономические процессы. Исходя из этого экономическая политика может быть активной и нейтральной¹. Активность экономической политики означает государственное вмешательство в процесс воспроизводства в народно-хозяйственном комплексе страны. Ее нейтральность подразумевает либеральное влияние на народное хозяйство. Со времен физиократов такая либеральная доктрина трактовалась как невмешательство государственного аппарата в национальную экономику. Это и есть тот знаменитый принцип «laissez faire, laissez passer» («пусть все течет своим чередом»). Главным финансовым плюсом либеральной доктрины считается уменьшение бюджетных расходов на содержание государственного аппарата и мотивирование частной инициативы и предприимчивости.

Региональное особенное означает нахождение закономерностей экономической политики посредством их проявления в каждом отдельном регионе. Единичное выражение региональной экономической политики говорит о ее сугубо индивидуальных признаках, имеющих только в одном регионе.

Если говорить о взаимодействии региональной экономической политики с отношениями собственности, то этот процесс наиболее системно проявляется на имущественном уровне отношений собственности. Объектом имущественных отношений собственности региона выступают четыре экономических элемента: региональные государственные предприятия; региональные государственные учреждения; предприятия, где региону принадлежат на правах собственности акции этого предприятия; региональная недвижимость. Здесь следует согласиться с положением С. Н. Максимова, когда он обосновывает, что, согласно закону соответствия производительных сил и производственных отношений, диалектически меняются и формы реализации отношений собственности².

Наглядный пример этого — сфера недвижимости, где наблюдается много субъектов собственности на один объект собственности: арендатор, субарендатор, иностранный приоритетный и неприоритетный инвестор и т. п. Тем самым политэкономически усложняется концепция форм собственности, которая порой дидактически упрощенно трактуется в ряде работ только как правовая реализация отношений общей, частной, государственной и муниципальной собственности³. Само же развитие имущественных отношений

собственности имеет два направления. Первое затрагивает процесс создания материально-вещественной базы региона, формирующей его относительную экономическую независимость. Суть последней состоит в том, чтобы регион самостоятельно производил те экономические блага, которые могут удовлетворить адресные потребности жителей данного региона. Второе направление касается формирования доходности, получаемой от имущественного комплекса региона. Имущественный комплекс региона должен принести ему доход как минимум для обеспечения регионального простого воспроизводства. В связи с этим региональная экономическая политика прав собственности характеризуется региональными особенностями в контексте прав пользования, владения и распоряжения.

На региональном уровне экономической политики отношения пользования выражаются посредством максимизации потребления тех региональных благ, которые производятся в силу территориально-отраслевой специализации имущественного комплекса региона. В качестве иллюстрации этого приведем пример с архивом Санкт-Петербурга. Этот город имеет богатейшее российское и международное историческое наследие. Поэтому понятно большое внимание профессиональных историков и просто лиц, интересующихся историей к особо ценным и уникальным документам, хранящимся в архиве города. По юридическому статусу питерский архив — это Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга» (ЦГА СПб). Собственниками имущества ЦГА СПб являются г. Санкт-Петербург и Архивный комитет Санкт-Петербурга. Учредителями ЦГА СПб выступают также г. Санкт-Петербург и Архивный комитет Санкт-Петербурга. Предметом деятельности архива Санкт-Петербурга являются: хранение, комплектование, учет и использование документов центрального государственного архивного фонда Санкт-Петербурга — архивных документов, образованных с 1917 г. в результате деятельности органов государственной власти Петрограда, Ленинграда и Санкт-Петербурга, предприятий, организаций, а также иных документов, подлежащих хранению в силу значимости содержащейся в них информации для граждан, общества и государства⁴.

Максимизация потребления такого регионального блага как архивное благо для собственника — субъекта Федерации Санкт-Петербург выражается посредством предоставления высоких тарифов за пользование архивным благом. Например, за исполнение архивной информации тематического запроса взимается плата 2 273 руб., за исполнение генеалогического запроса — 798 руб., за проведение лекций — 469 руб. По финансовому назначению эти суммы направляются в бюджет Санкт-Петербурга, и самое главное в их аудите — целевое назначение именно для архивного дела Санкт-Петербурга.

Региональный политический срез отношений владения собственностью раскрывается посредством идентификации регионального актора и имущественного комплекса региона. В хозяйственной жизни это означает, что региональный актор отражает, наряду с формальными юридическими правами, и социальное восприятие того регионального имущественного комплекса, который находится под его влиянием.

Для конкретного субъекта Федерации формальное юридическое регламентирование имущественного комплекса осуществляется с помощью законов субъектов Федерации, которые устанавливают общую процедуру отношений владения конкретным субъектом Федерации. Например, формальное юридическое владение собственностью Мурманской области происходит на основании Устава Мурманской области. Согласно ст. 36 этого устава, органы власти Мурманской области в рамках их компетенции реализуют своими действиями имущественные права и обязанности⁵. Тем самым законодательство подчеркивает, что отношения владения на уровне субъекта Федерации выражаются через конкретные действия органов государственной власти субъектов Федерации.

Социальное восприятие отношений владения собственностью субъекта Федерации означает, что население субъекта Федерации видит в собственности субъекта Федерации не столько предмет юриспруденции, сколько территориальное пространство или «акваторию», где реализуется свобода действий населения по отношению к имущественному комплексу субъекта Федерации. Социальное восприятие населением Мурманской области владения их областной собственностью проявляется в следующем. Исходя из п. 2 ст. 38 Устава Мурманской области, население области через

депутатов Мурманской областной думы имеет право внести предложения органам государственной власти России по владению ресурсами континентального шельфа и акватории морей, омывающих Мурманскую область, в интересах населения этого субъекта Федерации⁶.

Региональная политика распоряжения собственностью субъекта Федерации осуществляется через управление имуществом собственности субъекта Федерации как минимум по двум позициям: экономическому стимулированию на приращение собственности субъекта Федерации; экономическому контролю над собственностью субъекта Федерации.

Основной источник экономического стимулирования на приращение собственности субъекта Федерации — это созданный субъектом Федерации региональный валовой продукт (ВРП). В России величина этого показателя имеет очень большую вариацию. В среднем за период 2008—2010 гг. в России ВРП на душу населения составил 241,2 тыс. руб., максимальный (МАХ) ВРП на душу населения за указанный период отмечен в Тюменской области (919,3 тыс. руб.), а минимальный (MIN) — в Чечне (54 тыс. руб.)⁷. Таким образом, в России существует огромный размах вариации (R) по этому показателю (разница между МАХ ВРП на душу населения в Тюменской области и MIN ВРП на душу населения в Чечне составила 865,3 тыс. руб.), что не способствует выравниванию социально-экономических условий в российских регионах. В связи с этим объективен вопрос о централизованной координации крупных федеральных инвестиционных потоков для регионов страны. Такая постановка вопроса в региональной политике России трансформирует и отношения собственности в субъектах Федерации. В этом случае отношения распоряжения собственностью на региональном уровне следует координировать с отношениями распоряжения собственностью на уровне Российской Федерации в целом.

Что касается реального экономического контроля субъекта Федерации над зарегистрированной собственностью субъекта Федерации на его территории, то он возможен только при развитом региональном самоуправлении. Сегодня вопрос реального регионального самоуправления относится к дискурсу наших элит, а не к региональной форме проявления экономической природы собственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рыбаков Ф.Ф. Промышленная политика России: история и современность. СПб.: Наука, 2011. С. 17.

² См.: Максимов С.Н. Собственность в современной экономике: традиции и новации // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2013. Вып. 2. С. 17.

³ См.: Хозяйственное (предпринимательское) право: учебник / отв. ред. Ю.Е. Булатецкий, Н.А. Машкин. М.: Норма, 2008. С. 104—120.

⁴ См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. URL: <http://www.spbarchives.ru> (дата обращения: 18.06.2014).

⁵ См.: Устав Мурманской области (утв. Мурманской областной думой 26 ноября 1997 г. с последующими изменениями и дополнениями). URL: <http://www.constitution.garant.ru> (дата обращения: 18.06.2014).

⁶ Там же.

⁷ См.: Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2012. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.06.2014).

Поступила 02.07.2014.

D. V. Melnikov. Economic Policy of Property Rights Implementation in the Regions of Russia

Regional economic policy of property rights is characterized by regional features in the context of rights of use, ownership, and disposition. At the regional level, the economic policy the relations of use are expressed by maximizing consumption of those regional goods, which are produced due to territorial and sectoral specialization of the region's property complex. Regional political cross-section of relations of ownership is revealed through identification of a regional actor and the region's property complex. In economic life, this means that a regional actor reflects both the formal legal rights and social perception of the region's property complex under influence.

For a subject of the Federation, formal legal regulation of property complex located on its territory is enforced according to the laws of the subjects of the Federation, which establish the general procedure of relations of ownership in the subject of the Federation. Social perception of the ownership relations of a subject of the Federation means that the population see the property of a subject of the Federation not so much as the object of jurisprudence, but as a territorial space or water area where the freedom of the population's activities is implemented in relation to the property complex of the subject of the Federation.

Regional policy for the disposal of the property of a subject of the Federation is carried out through management of the region's property, at least in two ways: economic incentives aimed at accession of property by the subject of the Federation; economic control over the property of the subject of the Federation.

Д. Ф. САЛЬКАЕВА

ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ В ОЦЕНКЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: инфраструктурный потенциал, инфраструктура, Приволжский федеральный округ, инфраструктурная обеспеченность, региональное развитие

Key words: infrastructure potential, infrastructure, Volga Federal District, infrastructure provision, regional development

В статье рассматривается понятие «инфраструктурный потенциал» и его значение в региональном развитии. Дается классификация регионов Приволжского федерального округа по уровню инфраструктурной оснащенности с применением балльно-рейтинговой оценки.

The paper discusses the concept of infrastructure potential and its importance in regional development. A classification of the regions of the Volga Federal District according to the level of infrastructure equipment using a point rating evaluation is presented.

Исследование инфраструктурного потенциала (ИП) территории является одним из направлений в географии инфраструктуры. Существуют методологические и практические трудности его оценки. К ним относятся разработка методологической базы оценки ИП территории; отбор фактических и потенциальных показателей для расчета ИП; поиск эффективных направлений использования результатов исследования ИП в управлении социально-экономическим развитием региона.

Касаясь вопроса методологической основы оценки ИП региона, следует выделить следующие его аспекты: содержательный, территориальный и временной. Первый заключается

САЛЬКАЕВА Динара Фаилевна, аспирант кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета.

SALKAEVA Dinara Failievna, Postgraduate at the Department of Economic and Social Geography, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

в исследовании сущности ИП, второй — в качественном определении факторов и закономерностей территориальной дифференциации ИП. Временной аспект состоит в прогнозе вариантов комплексного использования инфраструктуры региона в будущем.

Инфраструктурный потенциал региона обуславливает возможности эффективного использования составных элементов его инфраструктурного комплекса для обеспечения устойчивого функционирования и улучшения качества жизни населения.

Трактовка инфраструктуры как части основных фондов территории в сравнении с другими ее определениями открывает для исследователя ряд новых возможностей в географическом анализе. Прежде всего основные фонды можно рассматривать как экономический ресурс. И. М. Маергойз отмечал, что они и мерило экономической мощи, и база текущего воспроизводственного процесса¹. Поэтому в качестве наиболее обобщающих показателей, которые можно применить для анализа и оценки инфраструктурного потенциала, будем использовать данные по основным фондам. Согласимся с мнением И. М. Маергойза о том, что основные фонды являются базой для хозяйственной деятельности на территории² и таким образом служат мерилем реально существующей инфраструктуры.

На примере регионов Приволжского федерального округа (ПФО) проведем сравнительную оценку оснащенности инфраструктурными объектами. Н. Н. Баранский писал: «Очень важным моментом в выработке географической характеристики региона является момент сравнения. Сравнить можно и по аналогии, и по контрасту. Сравнительный метод полезен прежде всего тем, что помогает самому исследователю глубже и точнее понять изучаемый объект»³.

Согласно типологии Министерства регионального развития Российской Федерации, регионы, входящие в ПФО, разделены по типам и представлены в табл. 1. Большинство регионов ПФО — 64 %, в том числе Республика Мордовия, относятся к депрессивным. Регионы — локомотивы роста ПФО составляют 22 %, опорные регионы — 14 %.

Один из этапов решения задачи оценки — отбор и обоснование оптимальных и доступных расчетных показателей оценки ИП. При этом важны их наличие и доступность.

Этим критериям отвечает система статистических показателей. Поэтому изначально был произведен сбор статистических показателей по основным фондам регионов. Затем проведен подсчет по показателям фондооснащенности и фондообеспеченности.

Таблица 1

Типы регионов ПФО⁴

Тип региона			Субъект РФ	Количество субъектов в типе	%
Регионы — локомотивы роста	Центры федерального значения	Республики	Башкортостан Татарстан	2	22
		Края	Пермский	1	
		<i>Всего</i>		3	
Опорные регионы	Старопромышленные	Области	Нижегородская Самарская	2	14
		<i>Всего</i>		2	
Депрессивные регионы	Фоновые	Республики	Марий Эл Мордовия Удмуртская Чувашская	4	64
		Области	Кировская Оренбургская Пензенская Саратовская	4	
	Кризисные	Области	Ульяновская	1	
<i>Всего</i>				9	

Чтобы дать оценку инфраструктурному потенциалу территории и выявить пространственные различия в уровне развития инфраструктуры, воспользуемся представлением о ней как о совокупности основных (производственных и непроизводственных) фондов территории. Тогда можно рассчитать показатель фондооснащенности (Φ_0) по формуле (1), отражающей величину стоимости основных фондов на единицу площади⁵:

$$\Phi_0 = \Phi / S, \quad (1)$$

где Φ — величина стоимости основных фондов территории, руб.; S — площадь территории, км².

Анализ показал, что регионами-лидерами по показателю фондооснащенности являются Республика Татарстан, Самарская область, Чувашская Республика и Нижегородская

область, где этот показатель выше 20 млрд руб./км², что говорит об относительно высокой стоимости и концентрации основных фондов на единицу площади территории. Так называемыми регионами-аутсайдерами являются Кировская, Оренбургская области и Республика Марий Эл (менее 10 млрд руб./км²). Остальные регионы, такие как Саратовская, Ульяновская, Пензенская области, республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и Пермский край, имеют показатель, колеблющийся от 10 до 20 млрд руб./км².

По нашему мнению, для более объективной оценки необходимо рассчитать показатель фондонасыщенности (Φ_n) по формуле (2), отражающей величину стоимости основных фондов на единицу площади и душу населения (млрд руб./км² × чел.)⁶:

$$\Phi_n = \Phi / \sqrt{SP}, \quad (2)$$

где Φ — величина стоимости основных фондов территории, млрд руб.; S — площадь территории, км²; P — численность населения территории, чел.

При определении фондонасыщенности на единицу площади и душу населения выделяются 4 группы регионов. Лидерами являются два региона с относительно высокими показателями — Республика Татарстан и Самарская область (более 4 млрд руб. соответствуют стоимости фондов, приходящихся на 1 км² территории и 1 чел.). Самые низкие показатели фондонасыщенности в Кировской области и Республике Марий Эл (менее 2 млрд руб./км² × чел.). Остальные регионы можно отнести к группе с показателем от 3 до 4 млрд руб./км² × чел. (Нижегородская область и Чувашская Республика) и от 2 до 3 млрд руб./км² × чел. (Оренбургская, Ульяновская, Саратовская, Пензенская области, республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и Пермский край).

Осуществление балльной оценки регионов ПФО по уровню инфраструктурной обеспеченности позволило выявить регионы, являющиеся наиболее и наименее оснащенными основными фондами с учетом их стоимости, площади и численности населения (табл. 2).

В результате проведенных расчетов были выделены группы регионов по уровню инфраструктурной обеспеченности: невысокий уровень (Кировская область, Республика Марий

Эл); средний (Пермский край, Оренбургская, Саратовская, Ульяновская, Пензенская области, Республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия); выше среднего (Чувашская Республика, Нижегородская область); относительно высокий (Самарская область, Республика Татарстан).

Таблица 2
Сумма баллов по показателям фондооснащенности и фондонасыщенности регионов ПФО

Регион	Баллы фондооснащенности	Баллы фондонасыщенности	Сумма баллов
Кировская область	1	1	2
Оренбургская область	1	2	3
Республика Марий Эл	1	1	2
Саратовская область	2	2	4
Республика Башкортостан	2	2	4
Пермский край	2	2	4
Ульяновская область	2	2	4
Пензенская область	2	2	4
Республика Мордовия	2	2	4
Республика Удмуртия	2	2	4
Нижегородская область	3	3	6
Республика Чувашия	3	3	6
Самарская область	3	4	7
Республика Татарстан	3	4	7

Сопоставляя полученные результаты с приведенной в табл. 1 типологией, можно сделать следующие выводы. Во-первых, развитую инфраструктуру имеют опорные регионы (Самарская и Нижегородская области), где уровень инфраструктурной обеспеченности относительно высокий (Самарская область) и выше среднего (Нижегородская область), что подтверждает правильность их отнесения к такому типу регионов, а также регион — локомотив роста (Республика Татарстан). Во-вторых, следует особое внимание уделить вопросам инфраструктурного развития Республики Башкортостан и Пермского края, поскольку они имеют средний уровень инфраструктурной обеспеченности, а в российской экономике играют роль регионов — локомотивов роста. В-третьих, Ульяновская область уже не «кризисный регион» (это можно проследить по показателям социально-экономического развития за 2013 г.), уровень инфраструктурного развития выше, чем в Кировской области

и Республике Марий Эл. В-четвертых, среди депрессивных регионов наилучшие позиции наблюдаются у Саратовской и Пензенской областей и Республики Мордовия.

Таким образом, одним из аспектов изучения инфраструктурного потенциала региона как базиса регионального развития является исследование мощности и структуры основных фондов. Оценка инфраструктурного потенциала и его пространственный анализ в региональном развитии ПФО представляют особый интерес, направленный на выявление различий и контрастов инфраструктурой обустроенности для выявления перспективных направлений региональной политики. Чем больше показатель инфраструктурного потенциала региона, тем более крепки его позиции и он привлекателен для ведения предпринимательской деятельности и внедрения инноваций, поскольку затрат на строительство инфраструктурных объектов необходимо гораздо меньше, а любая инфраструктура достаточно капиталоемка.

Анализ инфраструктурного потенциала по «стоимостной насыщенности» основными фондами позволяет выявить диспропорции в использовании инфраструктурной составляющей регионального развития, что может быть учтено при формировании концепции социально-экономического развития региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Жуков В.Т., Маергойз И.М. Некоторые вопросы картографирования основных фондов как экономического ресурса. Оценочные карты природы, населения и хозяйства. М., 1973. С. 150.

² Там же.

³ Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956. С. 284.

⁴ См.: Ермакова Н.А., Калоева А.Т. Типологии регионов для целей региональной политики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 65 с.

⁵ См.: Регионы России: социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.

⁶ Там же.

Поступила 02.04.2014.

D. F. Salkaeva. Fixed Assets in Assessment of the Infrastructure Potential in Developing the Regions of the Volga Federal District

The paper discusses the concept of infrastructure potential and its importance in regional development. A classification of the regions of the

Volga Federal District according to the level of infrastructure equipment using a point rating evaluation is presented.

The issue of a methodological basis for evaluating infrastructure potential (IP) of a region includes the substantial, territorial and temporal aspects. The substantial aspect presumes studying the essence of the IP, the territorial one — quality determining the factors of territorial differentiation of the IP. The temporal aspect of evaluating the PI is the forecast of variants of complex usage of the infrastructure of the region in the future. The IP of a region determines the possibilities of effective use of the constituent elements of its infrastructure system to ensure sustainable functioning and improve the quality of life of the population. Interpretation of the concept of infrastructure as a part of the fixed assets of a territory in comparison with its other definitions brings a number of new options within spatial analysis to the researcher. The calculations allowed identifying groups of regions by level of infrastructure equipment: low (the Kirov Region, the Republic of Mari El); medium (the Perm Territory, the Orenburg, Saratov, Ulyanovsk, Penza Regions, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Mordovia, the Udmurtian Republic); above average (the Chuvash Republic and the Nizhny Novgorod Region); relatively high (the Samara Region, the Republic of Tatarstan).

The analysis of the IP by the fixed assets “value saturation” allows identifying disparities in the usage of the infrastructure component of regional development, which can be taken into account when forming the conception of socio-economic development of a region.

О. С. НОГОВИЦЫНА, **МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА РЕГИОНА**
О. Н. СОБОЛЕВА

Ключевые слова: инновационная активность, агропромышленный комплекс, дискриминантный анализ, факторный анализ, стратегия кластеризации

Key words: innovative activity, agricultural sector, discriminant analysis, factor analysis, clustering strategy

В статье рассмотрены методы исследования факторов инновационной активности предприятий агропромышленного комплекса (АПК) региона при помощи программных продуктов «SPSS 17.0», «Minitab.16». Выделены основные факторы, влияющие на инновационную активность предприятий агропромышленного комплекса на примере Кировской области. Предложена стратегия кластеризации для повышения инновационной активности агропромышленных предприятий региона.

The paper considers the methods of researching factors of innovative activity of enterprises in the regional agro-industrial complex with the help of the “SPSS 17.0” and “Minitab.16” software. Major factors influencing innovative activity of enterprises in the agro-industrial complex were revealed exemplified by the Kirov Region. The clustering strategy for increasing innovative activity of agro-industrial enterprises in a region is proposed.

В современных условиях обеспечение устойчивого развития предприятий агропромышленного комплекса предполагает инновационную активность. В качестве ее основных видов следует выделить: исследования и разработки; инструментальную подготовку и организацию производства; производственное проектирование, дизайн и др.; не связанные с научными исследованиями разработки новых продуктов,

НОГОВИЦЫНА Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета.

СОБОЛЕВА Ольга Николаевна, и. о. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления Вятского государственного университета.

NOGOVITSYNA Olga Sergeevna, Senior Lecturer at the Department of Public Administration, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation).

SOBOLEVA Olga Nikolaevna, Acting Head of the Department of Public Administration, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation).

услуг и методов их производства, новых производственных процессов; приобретение машин и оборудования, по своему технологическому назначению связанных с внедрением инноваций; приобретение объектов интеллектуальной собственности, связанных с внедрением инноваций; обучение, подготовку и переподготовку персонала; организационные инновации (новые методы, способы, приемы управления); маркетинговые исследования, связанные с внедрением инноваций¹.

Однако уровень инновационной активности предприятий агропромышленного комплекса в регионах России крайне низок, что требует изучения и выявления факторов, сдерживающих инновационную активность и последующий выбор стратегии повышения инновационной активности предприятий АПК региона.

В качестве методов исследования факторов инновационной активности мы считаем целесообразным использовать дискриминантный и факторный анализ. Посредством первого выявляются «типичные характеристики» предприятий агропромышленного комплекса, готовых и неготовых к внедрению инноваций. Факторный анализ позволяет сгруппировать схожие по смыслу утверждения в макрокатегории (факторы)².

В ходе нашего исследования было опрошено 40 руководителей предприятий агропромышленного комплекса Кировской области, готовых и неготовых к внедрению инноваций (55 % готовы, 45 % не готовы). В качестве независимых переменных для описания профилей полученных групп были использованы возраст руководителя, годы; опыт работы, годы; специализация предприятия (растениеводство — 1, животноводство — 2, переработка — 3, смешанная — 4); местоположение предприятия (удаленность от областного центра), км; наличие специалистов, структурных подразделений, занимающихся инновациями (да — 1, нет — 2); количество реализованных инновационных проектов за последние 3 года, ед.; рентабельность внедренных инноваций, %; доля инновационной продукции в общем объеме, %.

Анализ результатов исследования показал, что к группе предприятий, готовых к внедрению инноваций, относятся те, средний возраст руководителей которых составляет 45 лет, опыт работы на рынке 12 лет, удаленность от областного центра — 160 км. В группу не готовых к внедрению

инноваций можно отнести предприятия, средний возраст руководителей которых составляет 52 года, опыт работы на рынке — 16 лет, удаленность от областного центра — 270 км. Следует также отметить, что предприятия, у глав которых уже был успешный опыт реализации инновационных проектов, готовы и далее заниматься внедрением инноваций, в то время как руководители, не имеющие подобного опыта, не заинтересованы в этой деятельности. Дискриминантный анализ проводился с помощью программного продукта «SPSS 17.0».

Статистически значимые переменные в группах: «количество реализованных инновационных проектов» ($0,002 < 0,050$), «возраст» ($0,004 < 0,050$), «рентабельность внедренных инноваций» ($0,005 < 0,050$) и «доля инновационной продукции» ($0,007 < 0,050$), «местоположение» ($0,013 < 0,050$), «наличие структурных подразделений и специалистов, занимающихся инновациями» ($0,016 < 0,050$).

Значимость F -статистик показывает следующее: когда предикторы рассматриваются по отдельности, то «количество реализованных инновационных проектов» и «возраст руководителей» значимо различаются между руководителями, которые готовы к внедрению инноваций, и теми, кто к этому не готов. При дискриминации между группами наиболее важными предикторами являются «количество реализованных инновационных проектов» (1,435), «наличие структурных подразделений» (0,882).

Анализ объединенной внутригрупповой корреляционной матрицы позволяет сделать вывод о том, что «возраст» и «опыт» тесно связаны, так как их коэффициент корреляции составил 0,56, что выше нормативного значения 0,50. Тесно связаны такие предикторы, как «возраст» и «количество реализованных проектов» (0,566), «возраст» и «доля инновационной продукции в общем объеме выпуска» (0,528), «опыт» и «количество реализованных инновационных проектов» (0,515), «опыт» и «рентабельность внедренных инноваций» (0,560), «опыт» и «доля инновационной продукции в общем объеме выпуска» (0,591), «наличие структурных подразделений и специалистов, занимающихся инновациями» и «количество реализованных инновационных проектов» (0,715), «наличие структурных подразделений и специалистов, занимающихся инновациями» и «рентабельность внедренных инноваций»

(0,783); «наличие структурных подразделений и специалистов, занимающихся инновациями» и «доля инновационной продукции в общем объеме выпуска» (0,866); «количество реализованных инновационных проектов» и «рентабельность внедренных инноваций» (0,937); «количество реализованных инновационных проектов» и «доля инновационной продукции» (0,852); «рентабельность внедренных инноваций» и «доля инновационной продукции» (0,851).

Лямбда Уилкса 0,406 преобразуется в хи-квадрат статистику, равную 30,630 с двумя степенями свободы. Значимость дискриминантной функции составила 0,000, что свидетельствует о высокой значимости различий средних значений, т. е. о статистической надежности и достоверности полученных результатов.

При сложении элементов, лежащих по диагонали матрицы, и разделении полученной суммы на общее количество случаев определяется коэффициент результативности, или процент верно классифицированных случаев. В нашем случае это выглядит так: $(18+17)/40 = 0,875$ (87,5 %). Исследуемая группа руководителей, готовых к внедрению инноваций, составила 18 чел. из 22. Корректные результаты равны 81,8 %, а ошибочные — 18,2 %. Исследуемая группа руководителей, не готовых к внедрению инноваций, включает 17 чел., 1 чел. был причислен к группе по ошибке. В итоге корректные результаты классификации составили 94,4 %, а ошибочные — 5,6 %, что также свидетельствует о высокой достоверности результатов.

Для выявления факторов, влияющих на инновационную активность предприятий агропромышленного комплекса, был использован факторный анализ: выделено 16 таких факторов (таблица). Все факторы оценивались экспертами по десятибалльной шкале. Далее результаты исследования подверглись факторному анализу при помощи программы «Minitab 16» для выделения наиболее важных.

Из данных корреляционной матрицы видно, что особенно высокое значение корреляции наблюдается между X_1 и X_9 , X_1 и X_{16} , X_4 и X_{12} , X_5 и X_{15} , X_7 и X_{11} , X_7 и X_{13} , X_7 и X_{16} , X_9 и X_{13} , X_{11} и X_{12} , X_{11} и X_{13} , X_{14} и X_{15} и X_{16} . Следовательно, переменные, тесно взаимосвязанные между собой, должны коррелировать с одними и теми же факторами.

Таблица

Основные факторы для анализа

Переменная	Фактор	Переменная	Фактор
X ₁	Недостаточность финансовых ресурсов	X ₉	Отсутствие льгот по налогам при внедрении инноваций
X ₂	Отсутствие оборудования, способствующего внедрению инноваций	X ₁₀	Отсутствие системы мотивации работников для реализации творческого потенциала
X ₃	Недостаток времени	X ₁₁	Высокие затраты по внедрению инноваций
X ₄	Проблемы с защитой интеллектуальной собственности	X ₁₂	Большой срок окупаемости инноваций
X ₅	Неосведомленность в вопросах разработки и внедрения инновационных технологий	X ₁₃	Отсутствие поддержки со стороны государства
X ₆	Отсутствие специалистов в области внедрения и реализации инноваций	X ₁₄	Боязнь, что внедрение инноваций не оправдает ожидаемый результат
X ₇	Недостаточная законодательная поддержка развития инноваций в регионе	X ₁₅	Отсутствие взаимодействия с вузами и НИИ
X ₈	Отсутствие взаимодействия с субъектами рынка при поиске инновационных идей	X ₁₆	Отсутствие отдельного бюджета на инновационную деятельность

Для определения числа факторов в каждом из запусков программы мы использовали правило: процент объясненной дисперсии фактора должен быть больше, чем $100\% / \text{количество переменных}$: $100\% / 16 = 6,25\%$, т. е. в расчет включаются те факторы, доля которых более $6,25\%$. Кроме того, можно использовать показатель «собственное значение», величина которого для включения в расчет должна быть больше 1,0. В нашем случае для второго этапа факторного анализа на основе графика «каменистой осыпи» рекомендуется отобрать 2-, 5- или 6-й факторы (рисунок), величина «собственного значения» и величина «доли, %» подтверждают такой отбор («собственное значение» факторов — 4,37; 2,93; 2,43; 1,88; 1,30; «доля, %» — 27,3, 18,4, 15,2, 11,7, 8,1).

Можно сделать вывод, что относительно высокое значение корреляции для *первого фактора* наблюдается между переменными «недостаточная законодательная поддержка развития инноваций в регионе», «высокие затраты по внедрению инноваций, большой срок окупаемости инноваций»,

«боязнь, что внедрение инноваций не оправдает ожидаемый результат», «отсутствие взаимодействия с вузами и другими НИИ», «отсутствие отдельного бюджета на инновационную деятельность». Данный фактор можно назвать «риски внедрения инноваций».

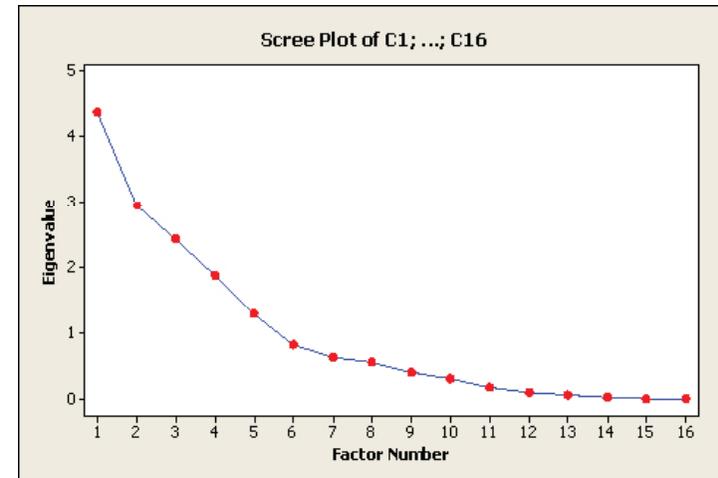

Рисунок. График «каменистой осыпи» для определения количества факторов

Второй фактор более всего коррелирует с переменными «недостаточность финансовых ресурсов», «отсутствие оборудования, способствующего внедрению инноваций», «проблемы с защитой интеллектуальной собственности», «отсутствие взаимодействия с субъектами рынка при поиске инновационных идей». Отрицательное значение факторных нагрузок говорит о том, что при наличии финансовых ресурсов, оборудования и отсутствии проблем с защитой интеллектуальной собственности у предприятия будет повышаться инновационная активность. Этому фактору можно дать название «потенциал предприятия».

Третий фактор более всего коррелирует с переменными «отсутствие льгот по налогам при внедрении инноваций», «отсутствие поддержки со стороны государства». Отрицательное значение этих факторных нагрузок говорит о том, что при наличии поддержки со стороны государства и предоставлении льгот по налогам предприятиям агропромышленного

комплекса, внедряющим инновации, инновационная активность будет повышаться. Данный фактор можно назвать «государственная поддержка внедрения инноваций».

Четвертый фактор более всего коррелирует с переменными «отсутствие специалистов в области внедрения и реализации инноваций» и «отсутствие системы мотивации работников для реализации творческого потенциала». Отрицательное значение факторных нагрузок говорит о том, что чем больше специалистов в области разработки и внедрения инноваций и более развита система их мотивации, то тем выше инновационная активность предприятия в целом. Данному фактору можно дать название «мотивация работников к инновациям».

Пятый фактор более всего коррелирует с переменными «недостаточность времени», «большой срок окупаемости инноваций». Отрицательное значение факторной нагрузки говорит о том, что сокращение срока окупаемости инноваций способствует повышению инновационной активности предприятий. Этот фактор можно назвать «время».

Для повышения уровня инновационной активности предприятий агропромышленного комплекса Кировской области целесообразно рекомендовать стратегию кластеризации. В агропромышленный кластер Кировской области должны войти предприятия, готовые к развитию на основе инноваций, средний возраст руководителей которых составляет 45 лет, опыт работы на рынке 12 лет, находящиеся в радиусе 160 км от г. Кирова, специализация которых животноводство и переработка мясной и молочной продукции. Также в кластер должны войти высшие учебные заведения региона, объекты инновационной инфраструктуры региона, которые будут выполнять такие функции, как разработка инновационных проектов, проведение научных исследований, подготовка и переподготовка кадров для инновационных проектов, оказание услуг аутсорсинга, выполнение функций интеграторов в системах снабжения и сбыта.

Важной особенностью агропромышленного кластера региона является возможность планирования и осуществления крупных проектов в рамках нескольких организаций. Следует отметить, что проекты, реализуемые в рамках кластера, будут носить инновационный характер и способствовать повышению инновационной активности предприятий, входящих

в него. Реализация проектов в агропромышленном кластере региона должна происходить на конкурсной основе при поддержке региональной исполнительной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Балашов А.И., Рогова Е.М., Ткаченко Е.А. Инновационная активность российских предприятий: проблемы измерения и условия роста. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. политех. ун-та, 2010. 207 с.; Oslo Manual. The measurement of scientific and technological activities proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data. P.: OECD Publ., 2005. 93 p.

² См.: Моосмюллер Г., Ребик Н.Н. Маркетинговые исследования М74 с SPSS: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 160 с.

Поступила 18.09.2014.

O. S. Nogovitsyna, O. N. Soboleva. Methods of Researching Factors of Innovative Activity of Enterprises in the Regional Agro-Industrial Complex

The aim of the study is to determine the characteristics of epy innovation-active enterprises in the agro-industrial complex in a region and to highlight factors which constraint the innovative activity. During the study 40 heads of enterprises in the agro-industrial complex of the Kirov Region were surveyed, both ready and not ready to introduce innovations (55 % are ready to innovate, 45 % are not ready to). As the methods of research, the discriminant analysis and factor analysis were used. To conduct the study, "SPSS 17.0" and "Minitab.16" were applied.

The study allowed to draw the following conclusions: the group of enterprises willing to innovate include the companies whose heads are 45 years old (on average), work experience in the market is 12 years, the distance from the regional center is 160 km; the group of those not ready to innovate comprises the companies, whose heads are on average 52, that have 16 years of work experience in the market, and that are 270 km away from the regional center. The companies whose leaders have already had successful experience in implementation of innovative projects, are ready to continue to engage in innovation, while the managers who do not have experience in implementing innovative projects are not ready to engage in innovation.

As a result of the analysis, five factors hampering innovative activity of enterprises of the agro-industrial complex of a region were also identified: the risks of innovations, the potential of enterprises, governmental support for innovation, motivation of employees to innovate, and time.

To increase the level of innovative activity of enterprises in the agro-industrial complex in the Kirov Region strategy of clustering is expedient. The regional agro-industrial cluster should include enterprises whose heads are willing to introduce innovations, institutions of higher education, and facilities for innovative infrastructure.

А. В. КУЧЕРОВ,
В. П. ШЕГУРОВА,
О. В. ШИБИЛЕВА

**МЕРОПРИЯТИЯ
ПО УЛУЧШЕНИЮ ФИНАНСОВОГО
СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА РЕГИОНА**

Ключевые слова: зерноуборочный комбайн, кредит, платежеспособность, факторинг, финансовое состояние

Key words: grain combine, loan, solvency, factoring, financial condition

В статье рассматриваются мероприятия по улучшению финансового состояния предприятий агропромышленного комплекса на примере ЗАО «Агро-Атяшево». Анализируется возможность применения сельскохозяйственной техники и ее влияния на результаты работы предприятия. Дается перечень направлений для улучшения финансового положения предприятий.

The paper discusses measures to improve the financial condition of the enterprises in the agro-industrial complex exemplified by the 'Agro-Atyashevo' Closed Joint Stock Company. Possibility of using agricultural machinery and its impact on the working results of the enterprise are analyzed. A list of recommendations to improve the financial situation of enterprises is given.

Одна из основных проблем платежеспособности предприятий агропромышленного комплекса Республики Мордовия — отсутствие необходимых денежных средств как наиболее

КУЧЕРОВ Алексей Викторович, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ШЕГУРОВА Валентина Павловна, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ШИБИЛЕВА Ольга Викторовна, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

KUCHEROV Alexei Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accountancy, Analysis and Audit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SHEGUROVA Valentina Pavlovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accountancy, Analysis and Audit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SHIBILEVA Olga Viktorovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accountancy, Analysis and Audit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

ликвидных активов. Решение этой проблемы видится в изучении спроса и предложения, поиска и разработки новых рынков продукции, налаживании связей с поставщиками и потребителями товаров производственно-технического назначения и народного потребления.

Существенным фактором, оказывающим влияние на оздоровление финансового состояния предприятий, является погашение дебиторской задолженности. Одним из вариантов решения этой проблемы может стать проведение операций с факторинговой компанией или банком. Кроме того, хорошим средством финансового оздоровления предприятий может стать совершенствование договорной основы и ее дисциплины. Очевидно, должна быть повышена ответственность за выполнение договорных обязательств в полном объеме и соблюдение сроков поставки. Рассмотрим пути по улучшению финансового состояния на примере предприятия ЗАО «Агро-Атяшево» Республики Мордовия. Одним из таких мероприятий, повышающих ответственность договорных обязательств, может стать пролонгация кредита в сумме 11 млн руб. по кредитному договору сроком на один год. Это мероприятие обусловлено тяжелым финансовым положением и напряженным графиком возврата кредитных средств.

Пролонгация кредита является одной из форм снижения финансовой нагрузки на ЗАО «Агро-Атяшево». Как правило, пролонгация кредита приводит к тому, что сумма ежемесячных платежей несколько уменьшается при увеличении срока возвращения долга кредитной организации. Процедура рассмотрения пролонгации кредита не превышает нескольких дней, к договору о кредитовании составляется дополнительное соглашение, в котором будет содержаться информация о новых условиях погашения кредита. В обеспечение кредита хозяйство передает в залог недвижимость, земельные участки под ней, принадлежащие хозяйству на праве собственности.

Проанализируем схему погашения платежа основного долга без продления кредита на один год ЗАО «Агро-Атяшево» (табл. 1) и после продления кредита (табл. 2).

Таким образом, данная мера позволит распределить кредитную нагрузку, снизив сумму погашения регулярных платежей, и тем самым даст ЗАО «Агро-Атяшево» возможность оплатить кредит и не потерять то, что было заложено.

Таблица 1

Схема погашения кредита сроком на два года без продления, руб.

Период	Сумма кредита на начало периода	Общая сумма платежа	Платежи по процентам	Сумма основного платежа по кредиту	Сумма кредита на конец периода
1	11 000 000,00	-3 358 166,82	-935 000,00	-2 423 166,82	8 576 833,18
2	8 576 833,18	-3 358 166,82	-729 030,82	-2 629 136,00	5 947 697,18
3	5 947 697,18	-3 358 166,82	-505 554,26	-2 852 612,56	3 095 084,63
4	3 095 084,63	-3 358 166,82	-263 082,19	-3 095 084,63	0
		-13 432 667,27	-2 432 667,27	-11 000 000,00	

Отметим, что кредит составляет 11 000 тыс. руб., срок — 2 года, ставка — 17 %, начисление процентов в год — 2 раза.

Таблица 2

Схема погашения кредита сроком на три года после продления, руб.

Период	Сумма кредита на начало периода	Общая сумма платежа	Платежи по процентам	Сумма основного платежа по кредиту	Сумма кредита на конец периода
1	11 000 000,00	-2 379 469,25	-880 000,00	-1 499 469,25	9 500 530,75
2	9 500 530,75	-2 379 469,25	-760 042,46	-1 619 426,79	7 881 103,96
3	7 881 103,96	-2 379 469,25	-630 488,32	-1 748 980,93	6 132 123,03
4	6 132 123,03	-2 379 469,25	-490 569,84	-1 888 899,41	4 243 223,63
5	4 243 223,63	-2 379 469,25	-339 457,89	-2 040 011,36	2 203 212,27
6	2 203 212,27	-2 379 469,25	-176 256,98	-2 203 212,27	0
Итого		-14 276 815,49	-3 276 815,49	-11 000 000,00	

Следующим направлением по улучшению финансового состояния является приобретение сельскохозяйственной техники. Реализация этого проекта позволит увеличить среднегодовые показатели урожайности посевных площадей предприятия за счет использования современных технологий сбора зерна, обеспечить стабильное социально-экономическое развитие на период 2014—2015 гг.

Общая стоимость проекта составит 8 млн руб. Срок кредита — 1 год, процентная ставка — 12,5 % годовых. Источником средств для погашения кредита будет прибыль.

Для предприятий агропромышленного комплекса приобретение техники представляется актуальным инвестиционным мероприятием, находящимся в рамках современных тенденций развития отрасли сельского хозяйства в Республике Мордовия, которое будет способствовать: повышению качественных характеристик технолого-производственной

базы; увеличению среднегодовых показателей урожайности посевных площадей; повышению качественных характеристик товарной зернопродукции; увеличению платежеспособности за счет повышения качества выпускаемой продукции, а также путем мобилизации источников, которые ослабят финансовую напряженность на предприятии.

В процессе реализации инвестиционной фазы изложенного направления можно рекомендовать ЗАО «Агро-Атяшево» приобретения альтернативных вариантов сельхозтехники.

Зерноуборочный комбайн «ACROS 580» обладает идентичными техническими параметрами с «Палессе GS12», но имеет преимущество по некоторым из них, заявленным в технических условиях машины¹. Классическая однобарабанная молотилка объективно представляет собой лучшее сочетание высокой пропускной способности и невысоких энергозатрат. Кроме того, ее отличают минимальные риски повреждения зерна и бережное обращение с соломой. Комбайн «ACROS 580» имеет бункер объемом 9 000 л, что улучшает эффективность его работы за счет сокращения числа остановок для выгрузки зерна, что повышает показатель оборачиваемости транспортных средств, особенно при групповом использовании машин. При этом высокая скорость выгрузки (до 90 л/с) снижает затраты времени на разгрузку зерна, которая составляет не более 2 мин. Двигатели, примененные в серии «ACROS», также имеют преимущества. При почти одинаковой средней сезонной наработке «ACROS 530» (с двигателем мощностью 300 л. с.) и GS12 (мощность двигателя — 330 л. с.) в 1 700 т, «Палессе» потребляет топлива на 2 380 л больше, чем «ACROS». Экономия от использования этого двигателя составляет около 81 тыс. руб. в год².

Дадим оценку производительности зерноуборочных машин при урожайности яровой пшеницы сорта Омская-28 — 14 ц/га, масса 1 000 зерен — 36,4 г, отношение массы зерна к массе соломы — 1,00 : 0,88, влажность зерна 12,3 %, соломы — 13,1 % (табл. 3). При нормируемом уровне потерь зерна за молотилкой в 1,5 % номинальная производительность «ACROS 580» на 18,9 % превысила показатель конкурента.

Таблица 3

Сравнение производительности машин

Показатель	ACROS 580	GS12	Преимущество ACROS 580, %
Номинальная производительность (при потерях 1,5 %), т/ч	22,0	18,5	18,9
Удельный расход топлива, кг/т	1,91	2,61	36,6
Дробление зерна, %	1,2	1,5	25,0

Высокая производительность комбайна ACROS 580 достигнута за счет меньшего времени выгрузки (большей производительности выгрузного устройства) и большего объема зернового бункера. «ACROS 580» обеспечивает производительность до 21 т/ч при потерях 1,5 %. Это позволяет сократить сроки уборочных работ, что положительно влияет на деятельность ЗАО «Агро-Атяшево».

Следовательно, за счет приобретения комбайна «ACROS 580» можно:

- повысить пропускную способность зерноуборочного комбайна, увеличить производительность на 20 %;
- снизить потери зерна на 30—35 %;
- улучшить качество зерна и тем самым найти новые каналы сбыта продукции, увеличить выручку от продажи данной продукции;
- наладить платежеспособность предприятия и довести срок окупаемости до 4,5 года.

Успешная реализация проекта обусловлена постоянным, имеющим тенденции роста спросом на получаемую в ходе реализации проекта продукцию; наличием у инициатора проекта гарантированных каналов сбыта продукции; наличием у предприятий опыта работы в сфере растениеводства; строгим планированием текущей и перспективной финансово-кредитной и платежно-расчетной политики (построением прогнозной отчетности).

Установленный перечень мероприятий, сориентированных на улучшение финансового положения, имеет несколько направлений. Во-первых, погашение дебиторской задолженности. Одним из вариантов решения этой проблемы является проведение операций с факторинговой компанией или банком. Во-вторых, снижение запасов сырья и материалов на складе за счет жесткого регулирования, планирования и оптимизации потребляемых материалов для нужд произ-

водства. Высвободившиеся финансовые ресурсы от сокращения запасов можно направить на закупку и обновление основных средств предприятия, что в дальнейшем приведет к снижению брака, улучшению качества и снижению потребляемых материалов. В-третьих, совершенствование договорной основы и договорной дисциплины и пролонгация кредита. В-четвертых, приобретение сельскохозяйственной техники позволит повысить качественные характеристики технологического производственной базы предприятия, тем самым увеличит платежеспособность предприятий за счет повышения качества выпускаемой продукции, а также путем мобилизации источников, которые ослабят финансовую напряженность на предприятии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: ACROS: эффективность, надежность, качество. URL: http://www.perfectagro.ru/pdf/sel_teh/sel_teh_21.html (дата обращения: 08.07.2014).

² См.: Серия ACROS — надежная классика. URL: <http://samara.bezformata.ru/listnews/seriya-acros-nadezhnaya-klassika/586409> (дата обращения: 08.07.2014).

Поступила 29.08.2014.

A. V. Kucherov, V. P. Shegurova, O. V. Shibileva.
Measures to Improve the Financial Condition
of Enterprises in the Regional Agro-Industrial Complex

The paper analyzes the issue of the state of solvency of enterprises in the agro-industrial complex in the Republic of Mordovia. As a tool of financial improvement of enterprises, loan extension is necessary as is exemplified by the 'Agro-Atyashevo' Closed Joint Stock Company. The principal debt amortization schedule is presented (without extending the loan for one year and after extending). The results are presented in tables on the basis of which grounded conclusions are drawn. Acquisition of agricultural machinery taking into account the alternative options for purchasing grain harvesters is proposed as one of the ways to improve the financial status. Technical and economic analysis of each of them is given, as well as evaluation of the harvesting machinery efficiency.

The results of the analysis ground the recommendations for the 'Agro-Atyashevo' Closed Joint Stock Company concerning acquisition of the "ACROS 580" harvester. A list of measures to improve the financial situation of the agro-industrial enterprises was drawn up.

Д. В. ОКУНЕВ С. Э. МАЙКОВА И. В. ГВОЗДЕЦКАЯ

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ¹

Ключевые слова: маркетинговый анализ, молочная промышленность, емкость рынка, предпочтение потребителей, тенденции развития молочного рынка, сегменты рынка

Key words: marketing analysis, dairy industry, market capacity, consumer preference, trends in development of the dairy market, market segments

В статье рассматриваются особенности и тенденции развития российского и регионального молочного рынка. Особое внимание уделено ранжированию факторов, которые оказывают влияние на выбор молочных продуктов региональными потребителями.

ОКУНЕВ Денис Викторович, проректор по экономике Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

МАЙКОВА Светлана Эдуардовна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГВОЗДЕЦКАЯ Ирина Вячеславовна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

OKUNEV Denis Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Docent, Vice-Rector for Financial Management, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

МАЙКОВА Svetlana Eduardovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

GVOZDETSKAYA Irina Vyacheslavovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

The paper discusses the features and development trends of the Russian and regional dairy markets. Special attention is given to the ranking of factors that influence the choice of dairy products by regional consumers.

Россия входит в десятку мировых потребителей молока и молочной продукции и представляет собой емкий молочный рынок. При этом она остается одним из наиболее перспективных рынков с точки зрения роста потребления молочной продукции, особенно в сегменте молочных продуктов с высокой добавленной стоимостью. Объем потребления молока и молочной продукции в натуральном выражении в России растет в среднем на 9 % в год в течение последних пяти лет. Общий объем ресурсов внутреннего рынка молока и молочных продуктов в России в 2013 г. составил 42,137 млн т. Структура потребления молока по сегментам рынка представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структура потребления молока по сегментам рынка в 2013 г.

Наблюдается положительная динамика роста рынка молочной продукции. В целом российский молочный рынок демонстрирует уверенный рост, однако его темпы несколько снизились. В первую очередь рост происходит за счет расширения продуктовых линеек, появления новых видов и вкусов молочной продукции, обогащения ее дополнительными свойствами. Главными требованиями «нового» потребителя на молочном рынке стали широкий ассортимент продукции и высокое качество. Российский потребитель начинает за-

ботиться об экологической чистоте продуктов и здоровом питании. В ближайшие годы объем рынка будет увеличиваться, причем, скорее всего, за счет повышения доли российского производства и импорта. Структура производства молочной продукции по различным видам в натуральном выражении представлена на рис. 2.

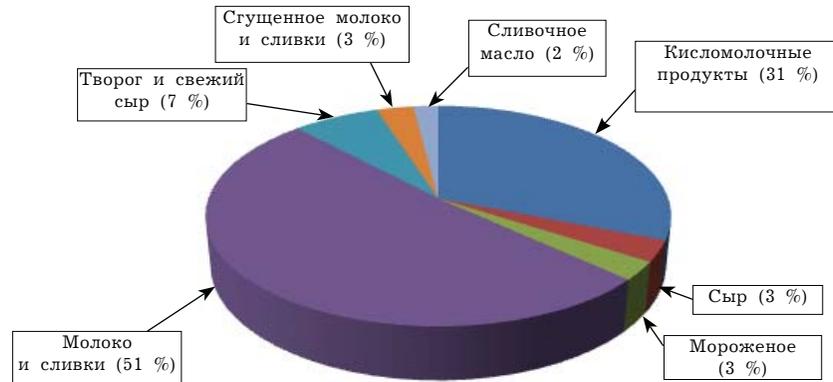

Рис. 2. Структура производства молочной продукции по различным видам в натуральном выражении в 2013 г.

В последние годы Республика Мордовия занимает ведущие места среди регионов Приволжского федерального округа (ПФО) и входит в первую пятерку в России по производству молока в расчете на 1 жителя. Сравнение индексов производства молока в ПФО за 2013 г. представлено на рис. 3.

Мордовия — один из лидеров по производству молока и молочной продукции среди регионов ПФО, так как производство молока в республике размещено повсеместно в связи с благоприятными условиями развития молочного скотоводства. Производством молока в республике занимаются все сельскохозяйственные предприятия и личные подсобные хозяйства. В Мордовии насчитывается около 20 крупных предприятий данной направленности. Основными игроками регионального молочного рынка по объемам производимой продукции являются: ОАО «Молочный комбинат «Саранский»», ООО «Мечта», ОАО «Сыркомбинат «Ичалковский»», ОАО «Маслозавод «Атяшевский»», ОАО «Надежда», сель-

скохозяйственный перерабатывающий потребительский кооператив «Молоко» (Тавлинские продукты), ОАО «Молоко» (Рузаевка). Лидер по производству молочной продукции в Мордовии — ОАО «Молочный комбинат «Саранский»», его доля рынка составляет 31 % от общего количества молочной продукции, производимой в регионе.

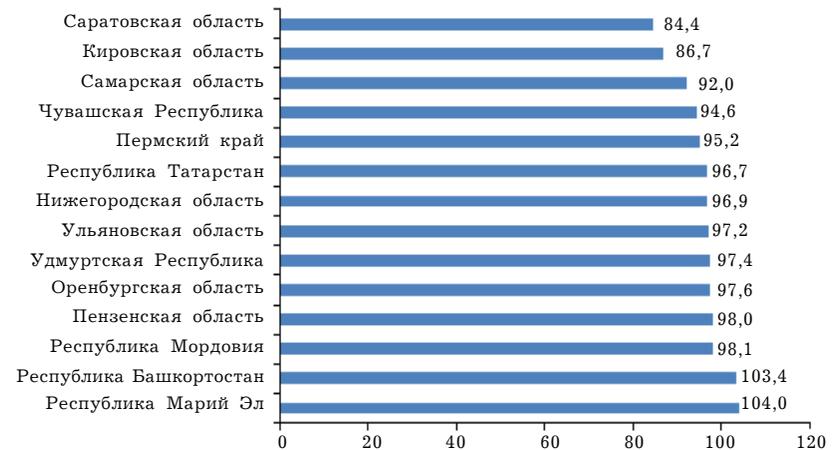

Рис. 3. Индекс производства молока в ПФО за 2013 г.

Наибольшим спросом у населения пользуется продукция ОАО «Молочный комбинат «Саранский»» (32 %), ОАО «Завод маслодельный «Атяшевский»» (15 %), ООО «Мечта» (Чамзинка) (8 %), Ичалковский и Ковылкинский комбинаты (по 5 %), ОАО «Птицефабрика «Октябрьская»» (4 %); 7 % опрошенных потребляют молоко и молочные продукты производителей ОАО «Вимм-Билль-Данн» (торговые марки «Домик в деревне», «Чудо», «Веселый молочник», «Рыжий Ап», «Кубанская буренка» и т. д.). Однако сейчас продукция этих производителей является недоступной для некоторых категорий населения Мордовии (высокий ценовой сегмент).

Для рынка молочной продукции характерна высокая степень конкуренции. Однако есть несколько объективных причин, в силу которых конкуренция на региональных и локальных рынках не такая высокая. Главная их них — небольшой срок и особые условия хранения и реализации

большинства видов молочной продукции. Следовательно, доля лидеров отрасли или местных комбинатов-лидеров составляет от 30 до 70 %. Оставшуюся долю рынка делят между собой не столь крупные местные предприятия.

Бесспорный лидер российского молочного рынка в последние годы — компания «Вимм-Билль-Данн». Другим крупным участником является группа компаний «Danone-Юнимилк». Это холдинговая компания, второй по величине российский производитель молочной продукции. На рынке молочной продукции уже в ближайшие годы успешно будут функционировать только те предприятия, которые: работают на высокоэффективном оборудовании, используют современные технологии; налаживают долгосрочное сотрудничество с поставщиками сырого молока или создают собственную сырьевую базу; успешно решают проблему сезонности поступления сырья; предлагают натуральную и качественную продукцию; занимаются брендингом; привлекают квалифицированный персонал.

Поведение потребителей на рынке молочной продукции зависит от их возраста и получаемого дохода. Можно отметить, что люди в возрасте от 18 до 23 лет чаще покупают йогурт и творог; с 23 до 35 лет потребители предпочитают кефир, бифидок и молоко, от 35 до 55 лет — молоко, кефир и сметану. Наиболее дешевую и низкокачественную продукцию приобретает та часть населения, уровень доходов которой наименьший. Потребитель со средним уровнем дохода желает покупать недорогую продукцию, но предпочитает заплатить больше за качество.

По итогам анализа первичной и вторичной информации установлено, что в Мордовии в 2012 г. по сравнению с данными 2011 г. темп роста производства цельномолочной продукции составил 143,1 %, молочных консервов — 153,1 %, сыров и творога — 132,8 и 150,5 % соответственно. Это свидетельствует о том, что предприятия республики имеют стабильный рынок сбыта и молочная продукция пользуется спросом не только на территории региона, но и за его пределами. Вывоз цельномолочной продукции в другие регионы России в 2012 г. составил 71,0 % от общего объема производства, молочных консервов — 89,0 %, жирных сыров — 71,4 %. Вместе с тем вывоз масла животного сократился и составил 47,0 % от произведенного, что об-

условило уменьшением объемов его производства (2012 г. к 2011 г. — 81,6 %).

Продукцию молочной отрасли в целом можно условно разделить на два сегмента: сегмент традиционных продуктов (сметана, молоко, творог, ряженка, масло, сыр) и новых (йогурты, десерты, пудинги с молоком, ароматизированное молоко, обогащенные продукты). Следует отметить, что сегмент традиционных продуктов в денежном выражении изменяется в соответствии с повышением/понижением доходов населения. У него есть перспективы роста и в натуральном выражении, так как потребление молочных продуктов оценивается как недостаточное в связи с низкой покупательной способностью населения. Сегмент новых молочных продуктов будет активно расти в стоимостном и натуральном выражении при росте доходов населения. Эти продукты в настоящее время относительно дорогие, что обуславливает низкие по сравнению со странами Европы объемы их потребления. Этот сегмент рынка более привлекателен для крупных компаний, так как они покупают современное дорогое оборудование и обеспечивают более высокую рентабельность производства.

Исследование позволило идентифицировать основные факторы, влияющие на выбор молочных продуктов. Важными являются дата выпуска продукта (53,9 % респондентов отметили этот фактор главным), соответствие ГОСТу (49,1 %), опыт предыдущих закупок (42,8 %) и цена (38,9 %). Следовательно, в большинстве случаев потребители отдают предпочтение товарам с максимальным сроком годности, не содержащим искусственных добавок, а не ищут новизны и оптимального сочетания цены и качества.

Для анализа факторов повышения конкурентоспособности и оценки конкурентных позиций предприятий молочной отрасли проведен сравнительный анализ факторов конкурентоспособности (таблица), построен многоугольник конкурентоспособности (рис. 4). Использована 5-балльная шкала, в которой 5 баллов означает «отлично», а 1 балл — «неудовлетворительно».

Таблица

Балльная оценка показателей конкурентоспособности крупнейших предприятий молочной отрасли Республики Мордовия

Предприятие	Уверенность в финансовом положении предприятия	Применение новых технологий на производстве	Экономическая доступность продукции для потребителя	Широта ассортимента продукции	Загрузка мощностей	Система дистрибуции	Востребованность продукции на рынке	Итого	Место
ОАО «Сыродельный комбинат «Ичалковский»»	4	3	4	4	4	4	4	27	3
ОАО «Молоко» (г. Рузаевка)	2	3	3	3	3	3	3	20	6
ООО «Мечта»	3	3	4	4	3	4	5	26	4
ОАО «Молочный комбинат «Саранский»» (г. Саранск)	5	4	3	5	5	4	5	31	1
ООО «Вектор» (пос. Зубова Поляна)	3	2	4	4	3	3	4	23	5
ОАО «Завод маслodelьный «Атяшевский»» (пос. Атяшево)	4	3	5	4	3	4	5	28	2
ООО «Агрофирма «Юбилейная»» (пос. Дубенки)	2	3	4	2	3	3	2	19	7

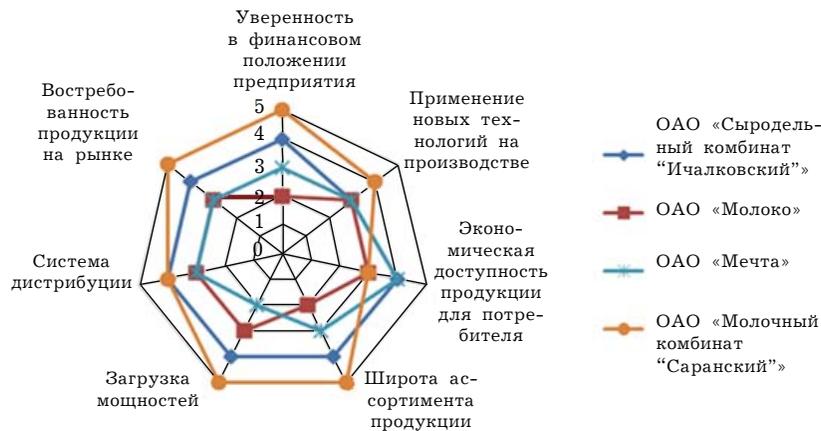

Рис. 4. Многоугольник конкурентоспособности крупнейших предприятий молочной отрасли Республики Мордовия

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее выгодные позиции на рынке молочной продукции принадлежат ОАО «Молочный комбинат «Саранский»» (торговые марки «Летний день», «Село Луговое», «Простоквашино», «Для всей семьи»). Этот молочный завод занимает первое место в Мордовии по производству молочной продукции. Он находится в Реестре хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке определенного товара более 35 %, по товарной группе «цельномолочная продукция» с долей на рынке республики — более 40 %.

Для выявления предпочтений было проведено исследование покупательского поведения потребителей молочных продуктов. Цель — определение рыночных потребностей в отношении молочной продукции, а также оценка степени удовлетворения спроса на молочную продукцию. Наблюдения в торговых точках в июне 2014 г. проводились формализованным способом и сопровождалась опросами продавцов. Для этого были разработаны карты наблюдения и опросные листы. Наблюдение проводилось в 25 магазинах в городах Саранск и Рузаевка и в магазинах сетевых форматов («Магнит», SPAR, «Перекресток»). Выборка — простая случайная из полного списка продовольственных магазинов. Был выбран массовый формализованный опрос и разработаны соответствующие опросные листы, включающие вопросы, касающиеся структуры, объема ассортимента молочной продукции; основных факторов, влияющих на выбор покупки (критерии выбора покупки и места покупки); степени удовлетворенности покупаемой молочной продукцией; известности определенных торговых марок продукции и предприятий-производителей молочной продукции; демографических характеристиках потребителей и др.

Репрезентативность выборки обеспечивалась методом случайного отбора. Всего было опрошено 250 чел.: 170 (68 %) — женщины, 80 (32 %) — мужчины.

Самыми популярными продуктами, по мнению респондентов, являются кисломолочные продукты и йогурт (51,6 %). Далее следуют молоко (25,0 %), творог (10,0 %), другие продукты из молока (8,4 %) и сметана (5,0 %).

По результатам опроса, в первую очередь при покупке молочной продукции потребители отдают предпочтение качеству товара (26,6 %) и соотношению «цена/качество» (53,3 %). Цена является основным критерием выбора лишь

для 13,4 % респондентов. Срок хранения продукции играет важную роль в приобретении товара для 6,7 % опрошенных. Из всего количества 51,7 % респондентов покупают молочную продукцию для детей/внуков, 38,3 % — для себя, 10,0 % — для других членов семьи.

Рынок молочных продуктов можно разделить на сегменты: традиционная продукция (молоко стерилизованное, пастеризованное; сметана; сливки стерилизованные, пастеризованные; сливочное масло; творог; кефир; кисломолочные продукты [ряженка, простокваша, варенец]); продукция сегментов «вкус», «польза», «польза — вкус» (йогурты; обогащенная биопродукция, десерты; творог зерненный).

Сегмент «традиция» постепенно сокращается, а сегменты «вкус» и «польза — вкус» растут. Уменьшение сегмента «польза» объясняется тем, что во многие продукты, помимо витаминов и бифидобактерий, стали добавлять вкусовые наполнители. В последнее время особенно заметным становится рост сегмента «польза — вкус». Крупные производители выпускают все больше новинок для этого сегмента, дополняют уже имеющиеся линейки новыми вкусами. Это питьевые йогурты, сокодержащие напитки и напитки на основе сыворотки.

Таким образом, исследование регионального молочного рынка позволило определить дальнейшие тенденции его развития. Молоко и молочные продукты традиционно являются жизненно важными в рационе россиян. Доля молока и молочной продукции в стоимости потребительской корзины составляет 16 %. При этом в потреблении молока и молочных продуктов Россия существенно отстает от развитых стран. Сегодня на среднестатистического жителя приходится примерно 230 кг этой продукции ежегодно, что почти в два раза ниже норм, рекомендованных специалистами по питанию. Вместе с тем рынок демонстрирует стабильные темпы роста, которые оцениваются экспертами в 9 % в год, его общий объем, по данным Молочного союза России, более 40 млн т в натуральном выражении.

Одна из основных тенденций развития рынка — расширение сферы влияния крупных игроков. Однако, по мнению экспертов, с учетом того, что территория России значительна, а население сильно рассредоточено, небольшие предприятия будут существовать всегда вследствие того, что работают со скоропортящимся сыром.

Другая тенденция развития молочного рынка — техническая модернизация производства, появление новых продуктов и технологий. Бурное развитие региональных молочных рынков можно выделить в качестве еще одной тенденции. В целом рост молочного рынка России в основном обеспечен активизацией локальных производителей и общим ростом потребления молочных продуктов. При этом темпы роста региональных молочных рынков значительно превышают столичные.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Статья опубликована при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-12-13008 «Методология развития потребительского рынка региона в условиях присоединения России к ВТО».

Поступила 06.10.2014.

D. V. Okunev, S. E. Maikova, I. V. Gvozdetskaya. Consumer Preferences on a Regional Market of Dairy Products

Russia is among the top ten global consumers of milk and dairy products and is a capacious dairy market. Besides, it remains one of the most promising markets in terms of the growth of consumption of dairy products, especially in the segment of dairy products with high added value. In Russia, consumption of milk and dairy products in physical terms has been steadily increasing on average by 9 % annually over the past five years. First of all, the growth is due to expansion of product lines, to the emergence of dairy products of new types and flavors enriched with additional properties. The wide range of products and high quality have become the main requirements of the 'new' consumer on the dairy market. The Russian consumer starts to care about environmental friendliness of products and about a healthy diet. In the coming years, the market will grow most likely due to the increasing share of Russian production.

Today, one of the main trends in the market is the expansion of the sphere of influence of the major actors in the dairy market. However, according to experts, taking into account the fact that the territory of Russia is large, and the population is highly dispersed, small businesses will always exist. The reason for this is the product itself being perishable.

One more trend in development of the dairy market is the technical modernization of production, emergence of new products and technologies. The rapid development of regional dairy markets can be distinguished as yet another trend. In general, the growth of Russia's dairy market is mainly provided by activation of local producers and by the general increase in consumption of dairy products. Besides, according to experts, the growth rates of the regional dairy markets considerably surpass those in Moscow.

О. И. АВЕРИНА,
А. Д. КОРОЛЕВА

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЙ ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ОТРАСЛИ И ИХ РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА

Ключевые слова: хлебопечение, рейтинговая оценка, корреляционный анализ, финансовое состояние, рентабельность, платежеспособность, финансовая устойчивость, деловая активность

Key words: bakery, rating, correlation analysis, financial condition, profitability, solvency, financial stability, business activity

Рассматриваются проблемы функционирования предприятий хлебопекарной отрасли на современном этапе развития, дается оценка их финансово-хозяйственной деятельности, предлагается методика рейтинговой оценки на основе экономико-математических методов, осуществляется ранжирование ряда предприятий хлебопекарной отрасли Приволжского федерального округа.

The paper discusses problems of functioning of enterprises in the baking industry at the present stage of development; the estimation of their financial and economic activities is given; the assessment methodology of ratings based on economic and mathematical methods is proposed; ranking of a number of enterprises in the Volga Federal District baking industry is implemented.

Хлебопечение — важная составляющая пищевой промышленности и социально значимая отрасль экономики. Большинство хлебозаводов, выпускающих основные сорта хлеба, решают важную стратегическую и социальную задачу обеспечения дешевым продуктом населения. Исключительная значимость хлеба и хлебобулочных изделий как продуктов наиболее важных для жизни человека делает их товарами стратегического назначения, а для граждан — продуктами первой необходимости и постоянного неотлагаемого спроса.

АВЕРИНА Ольга Ильинична, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

КОРОЛЕВА Анастасия Дмитриевна, студентка V курса экономического факультета Мордовского государственного университета.

АVERINA Olga Ilyinichna, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Accountancy, Analysis and Audit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KOROLYOVA Anastasia Dmitrievna, a fifth-year student at the Faculty of Economics, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Одной из особенностей хлебопекарной отрасли является концентрация производственных мощностей на крупных предприятиях. В настоящее время в стране насчитывается около 13 тыс. хлебопекарных предприятий, из них 751 относятся к категории средних и крупных, но их количество постоянно уменьшается. За последние 10 лет оно сократилось почти в 2 раза.

Также в России производством хлебобулочных изделий занимаются большое количество малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, пекарни при предприятиях сетевой торговли и в сфере общественного питания, в системе потребительской кооперации. Однако основной объем производства хлеба сконцентрирован на крупных предприятиях. Здесь вырабатывается более 80 % объема выпуска и реализации хлеба и хлебобулочных изделий. При этом на малых предприятиях наблюдается рост объемов производства, однако этот объем составляет менее 10 % в общей выработке продукции¹. В последние годы, по данным Росстата, наблюдается четкая тенденция снижения производства хлеба и хлебобулочных изделий в России в среднем за год на 1,0—1,5 %².

Снижение производства хлебобулочных изделий по стране, падение спроса и рост издержек негативно отражаются на экономических показателях работы производителей. Рентабельность хлебопекарного производства снижается, а количество убыточных предприятий возрастает. Низкая рентабельность влияет на перспективу развития отрасли.

Основными причинами, обусловившими такое положение в хлебопекарной промышленности, явились, во-первых, снижение потребительского спроса на продукцию хлебопекарных предприятий, прежде всего на хлеб низких сортов, что обусловлено изменением модели питания в сторону снижения потребления хлеба и хлебобулочных изделий вследствие роста доходов и роста потребления мяса и мясопродуктов, рыбы, молочных продуктов, овощей и фруктов. Во-вторых, это рост цен на хлеб и хлебобулочные изделия. Среднерыночные цены на сырье в российских регионах имеют устойчивую тенденцию роста. В частности, рост цен на муку с начала 2012 г. по I квартал 2013 г. составил около 100 %. Фактически цены на муку в России в 2013 г. превысили среднеевропейский уровень (350—400 евро за 1 т)³, что су-

щественно ухудшило финансовое состояние хлебопекарных предприятий. На рост цен также оказывает влияние увеличение цен на услуги естественных монополий. В-третьих, это техническое состояние технологического оборудования хлебозаводов и пекарен. Уровень износа машин и оборудования имеет тенденцию к росту и составляет свыше 55 %, а доля полностью изношенной активной части основных фондов достигла 20 % и продолжает увеличиваться. На отдельных предприятиях коэффициент износа достигает 80 %. Значительная часть основных средств морально и физически устарела. Высокой степенью износа (54 %) характеризуются транспортные средства, что обуславливает постоянный рост транспортных расходов⁴. В-четвертых, это нехватка инвестиций. Несмотря на устойчивый спрос на хлеб и хлебобулочные изделия, действие таких негативных факторов, как относительно низкие показатели эффективности крупного хлебопекарного бизнеса и политика сдерживания цен на массовые сорта хлеба, не приводит к увеличению инвестиционной активности в отрасли. В 2012 г. уровень инвестиций составил 6,2 млрд руб. для хлебобулочных изделий недлительного хранения, что в 2 раза ниже необходимой величины⁵.

В качестве основного источника финансирования капитальных вложений (более 80 %) выступают собственные средства, в то время как в среднем по экономике эта доля составляет около 50 %. На многих предприятиях инвестиции осуществляются только в размерах начисленных амортизационных отчислений. На практике инвестиции обеспечивают только частичное обновление основных средств и недостаточны даже для простого воспроизводства. Это свидетельствует о серьезном материально-техническом истощении хлебопекарной отрасли: инвестиции в активную часть основных фондов носят скорее вынужденный, чем стратегический характер. Износ техники и ограниченность финансовых возможностей предопределяют отставание отрасли в своем развитии.

В связи с уменьшением объемов выпускаемой продукции снижается использование производственных мощностей. В настоящее время мощности большинства хлебопекарных предприятий используются только на 30—40 %⁶. Это негативно сказывается на ценовой конкурентоспособности выпускаемой

продукции, так как увеличивается доля условно постоянных расходов (амортизация основных фондов, заработная плата управленческого персонала, расходы по содержанию зданий и оборудования и т. д.) в себестоимости единицы продукции. Соответственно растут цены на продукцию хлебопекарных предприятий.

Проведенный анализ состояния хлебопекарной промышленности позволяет сделать вывод, что перечисленные проблемы оказывают негативное влияние на конкурентоспособность российских хлебопекарных предприятий и создают существенные риски для их устойчивого функционирования.

В настоящее время очевидно, что ситуация в хлебопекарной промышленности будет развиваться в двух направлениях. Во-первых, экспансия крупных холдинговых структур государственного масштаба в регионы за счет покупки и получения контроля над наиболее инвестиционно привлекательными и рентабельными региональными производителями. Во-вторых, самостоятельное и независимое развитие местных производителей, целью которых является сохранение и обеспечение собственной надежной сырьевой базы и получение большего выигрыша на производственных издержках по сравнению с предприятиями — импортерами сырья.

В таких условиях особенно важным является получение руководством оперативной, достоверной и систематизированной информации о деятельности предприятия. Возникает необходимость не только ведения общего учета деятельности предприятия, но и оперативного определения наиболее рентабельных видов продукции, гибкого управления имеющимися финансовыми ресурсами. Это особенно важно для крупных предприятий, не входящих в холдинги, так как устойчивое финансовое положение позволяет в значительной степени застраховаться от враждебного поглощения или диктовать свои условия при слиянии.

В подобных условиях необходимы наиболее рациональные и оправдывающие себя методы однозначной оценки конкурентоспособности отдельных предприятий, их финансового состояния. Такую оценку можно получить различными методами и с использованием различных критериев. В последние годы все более широко применяются и хорошо зарекомендовали себя так называемые рейтинговые оценки, которые

являются важным источником информации о деятельности предприятия. Назначение рейтинговой оценки заключается в определении ранга каждого предприятия из некоторого их количества по всей совокупности изучаемых показателей. Востребованность такой методики весьма значительна в современных условиях, когда необходимо объективно оценить финансовое состояние, результативность деятельности различных предприятий и принять на этой основе эффективное управленческое решение⁷.

Существует множество подходов к формированию систем показателей, на основе которых строится рейтинговая оценка в зависимости от специфики бизнеса, выпускаемой продукции, характеристик конкретных субъектов анализа и др. Наиболее широкое применение нашли приемы корреляционного анализа, которые позволяют находить математические зависимости, отражающие причинно-следственные связи одного показателя с другими. Необходимыми условиями применения корреляционного анализа являются: наличие достаточно большого количества наблюдений о величине исследуемых факторных и результативных показателей (в динамике или за текущий год по совокупности однородных объектов); количественное измерение и отражение в тех или иных источниках информации исследуемых факторов.

Учитывая изложенное, мы провели рейтинговую оценку пяти хлебопекарных предприятий Приволжского федерального округа, имеющих примерно одинаковую численность персонала, величину стоимости активов, объемы реализации продукции: ОАО «Хлебозавод» (Республика Мордовия), ОАО «Самарский хлебозавод № 5» (Самарская область), ОАО «Оренбургский хлебокомбинат» (Оренбургская область), ОАО «Кстовский хлеб» (Нижегородская область) и ОАО «Кирово-Чепецкий хлебокомбинат» (Кировская область).

Одним из важнейших показателей основной деятельности предприятия, который используется для оценки доходности и прибыльности предприятия и показывает эффективность его работы, является рентабельность активов. Для определения факторов, влияющих на него, была сформирована система ключевых показателей финансово-хозяйственной деятельности, определенная на основе экспертного опроса специалистов предприятий. Оценка компетентности экспертов проводилась на основании объективного и субъективного

показателей компетентности. Объективный коэффициент компетентности определялся по материалам, полученным в результате анкетирования. Компетентность рассматривалась в прямой зависимости от занимаемой должности и стажа работы в отрасли, на предприятии.

По результатам анкетирования была сформирована группа показателей оценочной системы, полностью или частично влияющих на рентабельность активов: показатели оценки платежеспособности (коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент текущей ликвидности); показатели оценки финансовой устойчивости (коэффициент автономии, коэффициент соотношения собственных и заемных средств, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициент маневренности собственных средств); показатели деловой активности (коэффициент общей оборачиваемости активов, коэффициент оборачиваемости оборотных активов, коэффициент оборачиваемости запасов, коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности); показатели оценки прибыльности (рентабельности) хозяйственной деятельности (рентабельность продаж, %; рентабельность (доходность) собственного капитала, %; рентабельность производственной деятельности (окупаемость затрат), %).

Посредством методики корреляционного анализа из каждой группы были отобраны факторы с наибольшим уровнем корреляции с результирующим показателем. При этом предпочтение было отдано показателям, связь которых с результатом более тесная. Реализация данного метода была осуществлена с использованием программы электронных таблиц «Microsoft Office Excel — 2007» при помощи инструментальных средств статистического анализа данных. В результате корреляционного анализа был получен набор из четырех показателей, которые в дальнейшем были использованы для построения рейтинга: коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент автономии, коэффициент оборачиваемости запасов, рентабельность продаж.

Рейтинг составлялся посредством метода идеального конкурента (метод расстояний), предложенный А. Д. Шереметом⁸. Для получения комплексной рейтинговой оценки финансового состояния были использованы данные бухгалтерской отчетности названных предприятий за 2012 г.

По каждому показателю было выбрано его наилучшее (максимальное) значение и занесено в столбец условного эталонного предприятия. В результате пересчета показателей матрицы исходных данных к наилучшему была получена матрица стандартизированных коэффициентов (табл. 1).

Таблица 1

Матрица стандартизированных коэффициентов

Показатель	Предприятие				
	ОАО «Хлебо-завод»	ОАО «Самарский хлебозавод № 5»	ОАО «Оренбургский хлебокомбинат»	ОАО «Кстовский хлеб»	ОАО «Кирово-Чепецкий хлебокомбинат»
Коэффициент быстрой ликвидности	1,00	0,42	0,29	0,59	0,18
Коэффициент автономии	1,00	0,81	0,72	0,70	0,27
Коэффициент оборачиваемости запасов	0,72	0,60	0,25	1,00	0,65
Рентабельность продаж, %	1,00	-0,19	0,28	0,39	0,37

Далее было определено расстояние от показателя-эталона до конкретных значений показателей анализируемого периода, а также сумма расстояний по каждому предприятию для получения рейтинговой оценки (табл. 2).

Таблица 2

Матрица расстояний и рейтинговая оценка предприятий

Показатель	Предприятие				
	ОАО «Хлебо-завод»	ОАО «Самарский хлебозавод № 5»	ОАО «Оренбургский хлебокомбинат»	ОАО «Кстовский хлеб»	ОАО «Кирово-Чепецкий хлебокомбинат»
Коэффициент быстрой ликвидности	0	0,34	0,51	0,17	0,68
Коэффициент автономии	0	0,04	0,08	0,09	0,54
Коэффициент оборачиваемости запасов	0,08	0,16	0,57	0	0,12
Рентабельность продаж, %	0	1,41	0,52	0,37	0,40
Квадрат суммы	0,08	1,94	1,67	0,64	1,73
Комплексная рейтинговая оценка	0,28	1,39	1,29	0,80	1,32
Место по рейтингу	1	5	3	2	4

Используя методику для расчета рейтинговой оценки по методу расстояний, мы получили следующие результаты по сравниваемым предприятиям: ОАО «Хлебозавод» — 0,28; ОАО «Самарский хлебозавод № 5» — 1,39; ОАО «Оренбургский хлебокомбинат» — 1,29; ОАО «Кстовский хлеб» — 0,80; ОАО «Кирово-Чепецкий хлебокомбинат» — 1,32. Ранжирование предприятий осуществлялось в порядке убывания значения комплексной рейтинговой оценки, т. е. наивысший рейтинг получает предприятие, имеющее его наименьшее значение.

Таким образом, самый высокий рейтинг имеет ОАО «Хлебозавод», а самый низкий — ОАО «Самарский хлебозавод № 5». Полученные данные позволяют увидеть, что ОАО «Хлебозавод» опережает своих конкурентов по уровню платежеспособности, финансовой устойчивости и эффективности деятельности. Уровень показателей его деятельности превышает уровень показателей остальных предприятий в несколько раз. Вместе с тем предприятие уступает ОАО «Кстовский хлеб» по скорости оборачиваемости запасов.

Таким образом, рейтинговая оценка предприятий является одним из эффективных аналитических инструментов, позволяющих оперативно оценить состояние отраслевого сегмента рынка в разрезе отдельно действующих на нем предприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Приказ Минсельхоза Российской Федерации «Об утверждении отраслевой целевой программы «Развитие хлебопекарной промышленности Российской Федерации на 2014—2016 годы» от 19 марта 2014 г. № 83. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.05.2014).

² Там же.

³ См.: Скопинцева Е. Мукомолов беспокоит качество российского хлеба. URL: <http://www.eg-online.ru/article/251239> (дата обращения: 12.06.2014).

⁴ См.: Приказ Минсельхоза Российской Федерации ...

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Скопинцева Е. Мукомолов беспокоит качество российского хлеба.

⁸ См.: Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2008. 415 с.

Поступила 18.09.2014.

**O. I. Averina, A. D. Korolyova. Problems of Enterprises
in the Baking Industry and their Ratings**

In the conditions of market economy, the interest of the participants of the economic process to objective and reliable information about the financial status and business activity of an enterprise has significantly increased. All subjects of market relations are interested in unambiguous assessment of competitiveness and reliability of their partners. This assessment can be obtained by different methods using different criteria. In recent years, the so-called ratings have been used more and more widely and have shown to good advantage, being an important source of information about an enterprise. The purpose of a rating is to determine the rank of each enterprise among some others on the basis of the parameters studied. In this regard, the use of the proposed rating of enterprises in the baking industry is one of the most effective analytical tools allowing to quickly assess the state of the industry segment in terms of separate operating companies.

The results of the study revealed the features and problems in development of the bakery products market and allowed to propose methodological support of formation of the rating of enterprises in the baking industry. The results of this research will allow to generate new approaches to formation of ratings and to organize external control over the activities of enterprises in the baking industry.

**А. Н. ЕРШОВ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
А. А. САЛАТОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА
БЕЗРАБОТИЦЫ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова: безработица, глобализация, рынок труда, «конец труда», новая безработица, капитализм без труда

Key words: unemployment, globalization, labor market, end of labor, new unemployment, capitalism without labor

В статье рассмотрены основные теоретические подходы к интерпретации феномена безработицы в условиях глобализации. Мы стремились отойти от традиционного для теоретиков постиндустриализма разделения трансформаций сферы труда конца XX в. на два концептуальных подхода — концепцию «конца труда» (Д. Белл, Д. Рисман, О. Тофлер) и концепт «гибкости» (М. Кастельс, З. Бауман, У. Бек, Дж. Рифкин) и показать теоретические подходы в более конкретном, специфическом ключе.

The paper considers the main theoretical approaches to the interpretation of the phenomenon of unemployment in the context of globalization. We wanted to move away from the traditional for the theorists of post-industrialism separation of transformations of the sphere of labor of the late twentieth century into two conceptual approaches: the concept of the 'end of labor' (D. Bell, D. Risman, O. Toffler) and the concept of 'flexibility' (M. Castells, Z. Bauman, U. Beck, J. Rifkin) and to expose the theoretical approaches in a more specific manner.

Проблема безработицы в контексте глобализации в последние годы широко обсуждается в общественных и академических кругах. Выделяются два основных и во многом антагонистических направления в изучении этого вопроса: глобализация рассматривается как фактор, способствующий

ЕРШОВ Андрей Николаевич, профессор кафедры государственного муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор социологических наук.

САЛАТОВА Александра Александровна, ассистент кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

ERSHOV Andrei Nikolaevich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation).

SALATOVA Aleksandra Aleksandrovna, Assistant Lecturer at the Department of Sociology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation).

росту безработицы и оказывающий общее дестабилизирующее воздействие на национальные рынки; воздействие глобализации на уровень занятости имеет неоднозначный характер, ее нельзя рассматривать в качестве абсолютного зла. Более того, многие исследователи склонны считать, что взаимосвязь между глобализацией и безработицей до сих пор не вполне ясна и нуждается в дополнительном изучении.

Необходимо отметить, что в настоящее время теории постиндустриализма традиционно разделяют трансформации, произошедшие в сфере труда в конце XX в., на два подхода: концепт «конца труда» (Д. Белл, Д. Рисман, О. Тоффлер) и концепт «гибкости» (М. Кастельс, З. Бауман, У. Бек, Дж. Рифкин)¹. В свою очередь мы стремимся отойти от такого обобщения и выделяем пять основных направлений исследования феномена безработицы в условиях глобализирующегося мира.

«*Конец труда*» (К. Оффе, Т. Ю. Сидорина, Н. Н. Зарубина). В общем виде этот подход описывает, как меняется природа труда в условиях глобального информационного общества. Согласно этой концепции, с 1970-х гг. наблюдается постепенный отход от господствовавшей в социологии «трудовой парадигмы». Революция в области микроэлектроники спровоцировала быстрое устаревание используемых производственных технологий, что привело к исчезновению ряда профессий и рабочих мест. В 1970—1980-е гг. социологическая наука пришла к осознанию того факта, что общество претерпевает «фундаментальную историческую трансформацию, цивилизационный сдвиг, который порождает новую социальную реальность»². На смену «трудовой природе» социальной реальности, все измерения жизни которой были так или иначе связаны с производственной деятельностью, пришла «информационная природа». В условиях информационного общества роль труда коренным образом изменилась: сфера производственной деятельности перестала играть доминантную роль в обществе и осталась только в рамках экономических реалий. Отсюда и название концепции — «конец труда». По мнению К. Оффе, «конец трудового общества» означает, что «труд не рассматривается более как главный организующий принцип социальных структур, а динамика социального развития происходит не только из конфликтов по поводу контроля промышленного

производства», как это предполагал К. Маркс³. Сторонники концепции «конца труда» полагают, что экономический и технический прогресс последних десятилетий повысил жизненные стандарты населения. Изменение роли рабочего класса, отношение к труду, а также сама трансформация природы труда в условиях глобального информационного общества способствуют отказу от трудовой парадигмы. Если в эпоху индустриализма технологии стандартизировали производство, труд, стиль жизни, то в настоящее время информационные технологии их дестандартизируют. Работа становится вариативной, требующей умения принимать решения в условиях неопределенности и постоянной готовности сменить сферу деятельности, что вызывает у работников стресс и страх оказаться «устаревшим»⁴. Таким образом, сторонники этой концепции полагают, что технологические изменения последних десятилетий не просто привели к технологической революции, а способствовали трансформации роли труда в обществе. Трудовая природа общественной жизни стала информационной, труд не играет основную роль в общественной жизни. Отход трудовой деятельности людей на второй план и подразумевается под «концом труда».

«*Новая безработица*» (О. Тоффлер, Р. Каплицкий, Н. Л. Полякова). Усиленный рост безработицы в конце 1970-х — начале 1980-х гг. потребовал от социологов нового осмысления характера и причин этого явления. Основой концепции «новой безработицы» стал тезис о том, что «современная безработица носит систематический характер, а «новые» безработные — это далеко не случайная группа»⁵. Если К. Маркс полагал, что закономерный характер безработицы связан с капиталистической эксплуатацией рабочих и выступает в качестве внеэкономического принуждения и давления, то в рамках рассматриваемого направления безработица больше не является резервом для экономического роста. Рабочая сила современных «новых» безработных стала действительно излишней в рамках существующего положения вещей. Вероятным является то, что такая ситуация будет только усугубляться ввиду экономического роста, не сопровождающегося ростом занятости населения, а также, по А. Каллебергу, в силу увеличения количества различных форм нестандартной и гибкой занятости⁶.

Сторонники обозначенной концепции полагают, что рост числа безработных в конце 1970-х гг. вызван начавшимися процессами деиндустриализации. Процессы компьютеризации и автоматизации способствовали вытеснению человеческого труда из индустриального сектора. Сфера производства перестала играть ведущую роль в жизни людей, определяя все социальные процессы. Начавшийся переход к постиндустриальному обществу означал утверждение сферы услуг в качестве основного работодателя. В силу этого наступило естественное перераспределение рабочей силы между производственной сферой и сферой услуг. Статистические данные подтверждают, что до 1975 г. в сфере услуг наблюдался рост занятости. Однако в 1974—1975 гг. рост числа рабочих мест прекратился в силу развития явления «экономического самообслуживания»: потребители все чаще старались приобрести товары, способные заменить услуги определенных сервисных служб. «Экономическое самообслуживание», будучи следствием технического прогресса, способствовало вытеснению человеческого труда из всех сфер экономики.

О. Тоффлер, отказавшись от марксистской модели общества и социального развития, приводит следующие типы безработицы и причины, их вызывающие: структурная безработица, связанная с ликвидацией, перемещением в другие регионы или перепрофилированием отраслей и предприятий; информационная безработица, вызванная недостатком знаний, уровня квалификации рабочей силы; безработица, обусловленная развитием международной торговли и ростом конкуренции; технологическая безработица, связанная с тем, что вследствие автоматизации и компьютеризации производства требуется все меньше человеческого труда; «нормальная» безработица как результат действия локальных факторов: смены потребительских предпочтений, местных перепроизводств и др., фрикционная безработица как результат смены места работы; ятрогенная безработица, обусловленная просчетами в политике занятости⁷.

Наиболее нежелательными для общества типами безработицы О. Тоффлер считает структурную и информационную, так как именно они связаны с окончательной потерей работы представителями «устаревающих» специальностей. Технические и технологические инновации не только способствуют возникновению новых отраслей или переустройству

существующих рабочих мест, но и приводят к возникновению одних профессий и отмиранию других. Даже сам риск длительной безработицы может стать причиной социальной напряженности и протестов. Подтверждением этому служат забастовки сотрудников Лондонского метрополитена. В феврале 2014 г. в ответ на решение руководства сократить более 1 тыс. рабочих мест кассиров и заменить их полностью автоматизированными кассовыми автоматами все сотрудники метро на 48 часов прекратили работу⁸.

В XXI в. работникам «устаревших» профессий становится не на что надеяться. Рутинная, низкоквалифицированная работа, обеспечивающая наибольшую занятость, «отжила свой век в технологически развитых странах и будет изживать себя далее независимо от того, что предпринимают правительства и профсоюзы»⁹. Существенной чертой «новой безработицы» становится трансформация не столько структуры занятости, сколько профессиональной структуры современного производства. Кроме того, «новая безработица» может привести к массовым аномийным процессам. Современные безработные, по мнению Р. Дарендорфа, не являются потенциальной причиной революции, однако формируют так называемый андеркласс — резервную армию протеста, недовольства, которые несут угрозу социальной стабильности и интеграции¹⁰. В качестве мероприятий, способных повысить занятость населения, ученый предлагает организацию системы постоянного обучения, которая сама по себе может стать достаточно крупным работодателем, а также потребителем различного оборудования, производство которого также обеспечит занятость населения; кардинальное изменение системы массового обучения: индивидуализированное обучение, развитие технологий образования на дому, поощрение творчества; поощрение различных форм самозанятости; переосмысление самих понятий «занятость», «рабочее место» и «безработица».

«Упразднение труда» (У. Бек). Этот подход во многом сходен с концепцией «конца труда», однако здесь формулируется исследовательский вопрос несколько иначе: «Действительно ли в обществе труда исчезает труд?». Анализируя динамику безработицы в Германии, Великобритании, США, У. Бек приходит к заключению, что масштабы роста производительности привели к серьезному сокращению рабочих

мест и человеческого труда. Исследователь приводит данные за 1970—2000-е гг., свидетельствующие о том, что в этот период в различных странах наблюдалось значительное сокращение доли экономически активного населения, занятого полный рабочий день, и возрастало число разнообразных форм нестандартной занятости. Это явление, сопровождаемая глобализацией и становлением международного рынка труда, способствовало приближению всех постиндустриальных стран к стадии развития «капитализма без труда»¹¹. По мысли ученого, этот капитализм базируется на могуществе транснациональных корпораций и «снимает с себя всю ответственность за занятость населения, так как все меньшее количество высокообразованных работников, способных заменить друг друга в любом месте планеты, способны производить все больше товаров и услуг»¹². Такая ситуация не находит четкого понимания в широких общественных массах. Ее осознание, по мнению У. Бека, затруднено существованием в общественном сознании трех мифов.

Миф о «необозримости»: сложившаяся ситуация слишком сложна и запутанна для понимания. Однако многочисленные международные исследования делают возможным выявление ряда общих тенденций общественного развития, основной из которых стало структурное перераспределение безработицы в связи с появлением ее смешанных форм. *Миф о том, что расцвет «общества услуг» обеспечит занятость населения.* У. Бек допускает, что эти надежды могут со временем оправдаться. Но прежде всего становление общества услуг будет сопровождаться скачком автоматизации различных сфер деятельности, а следовательно, отмиранием ряда профессий и ростом структурной безработицы. В этом взгляды ученого схожи с мнением О. Тоффлера. Более того, в информационную эпоху, многие компании, стремясь получить максимальную прибыль при минимальных затратах, будут переносить рабочие места в страны с низкой оплатой труда. *Миф о снижении расходов:* минимизация оплаты труда будет способствовать снижению безработицы. Истинная занятость населения должна подразумевать достойный уровень заработной платы. По нашему мнению, избавиться от мифа о снижении расходов корпораций будет достаточно сложно в силу того, что в его основе лежит экономический механизм формирования заработной платы на основе спроса и

предложения на рабочую силу. Л. Туроу подтверждает это, заявляя, что «в течение долгого времени недостаток рабочей силы не будет вызывать подъема заработной платы»¹³.

В общем виде научные взгляды У. Бека сводятся к следующему: процесс глобализации способствует развитию экономических отношений, лежащих в основе капитализма, основанного на деятельности транснациональных корпораций, являющихся основными работодателями. Корпорации лежат вне границ воздействия отдельно взятого государства и действуют исключительно в своих интересах, с позиции экономической выгоды и целесообразности. Обеспечение достойного уровня заработной платы и занятости населения не является их приоритетом. Принимая различные решения, корпорации в силах снизить или увеличить уровень безработицы в различных регионах. Транснациональные корпорации имеют также возможность «наказывать» государства с высокими налогами либо другими преградами для ведения бизнеса, лишая их граждан рабочих мест. В силу этого неизбежно столкновение интересов корпораций с интересами правительств, которые не хотят потерять суверенитет, но стремятся сохранить стабильность в обществе. Так формируется новое глобальное мировое общество без всемирного государства и без всемирного правительства, управляемого на самом низком уровне — уровне работодателей и работников.

Глобализация как основная причина разрушения условий занятости (М. Алле). Эта концепция, несмотря на то что исходит из принципов экономического анализа причин безработицы, последовательно приходит к социологическим выводам. М. Алле, изучив эмпирические показатели экономического развития Франции за 1950—1993 гг. и Европейского Союза за 1974—1993 гг., приходит к заключению, что «именно глобализация в том виде, как она развивалась, есть главный фактор безработицы и замедления экономического роста»¹⁴. Ученый полагает, что все попытки проведения политики по сдерживанию безработицы, предпринимаемые различными правительствами за последние 25 лет потерпели неудачу в силу нежелания признать главную причину безработицы. В качестве таковой М. Алле называет «бездумное увлечение правительствами разных стран глобалистской свободой торговли»¹⁵ и слишком высокий (по отношению к производительности труда) минимум заработной платы. К основным

последствиям глобализации, влияющим на рост безработицы, исследователь относит: замедление темпов экономического роста, чрезмерную миграцию, политику свободной торговли, проводимую Брюссельской организацией, нестабильность мировой валютно-финансовой системы, неполную занятость, разрушение промышленности. М. Алле, применяя разработанную им аналитическую модель анализа безработицы и показателей экономического развития Франции и Евросоюза, приходит к выводу, что «глобалистское открытие всем ветрам союзной экономики в глубоко нестабильных мировых рамках, усугубляемое системой плавающих валютных курсов, — все это основная причина глубокого кризиса, который ведет нас в пропасть»¹⁶.

Основную идею концепции можно свести к следующему: всеобщая глобализация торговли между странами с различным уровнем заработной платы в итоге приводит к безработице, неравенству, нищете. В рамках концепции М. Алле безработица является не однородной величиной, а результатом сложения основных ее составляющих: хронической безработицы; неполной занятости, связанной со структурой социальной политики (добровольная безработица); неполной занятости, связанной с глобалистской свободой торговли (доминирующая составляющая безработицы); неполной занятости, вызванной чрезмерной миграцией; технологической неполной занятостью; конъюнктурной неполной занятостью.

Исходя из структурного многообразия форм безработицы, а также ввиду неспособности государства обеспечить работой миллионы людей необходим комплекс глобальных реформ, причем на меж- и внутригосударственном уровне. Главным итогом реформирования должен стать переход к либеральному и гуманистическому обществу, в центре интересов которого будет находиться человек и его потребности, причем реальные потребности, а не навязанные в качестве таковых экономическими лоббистами и политическими технологами. Новая экономика, по мысли М. Алле, должна служить человеку, а не человек — экономике. Переустройством общества на основе гуманистических принципов и либерализма позволит создать благоприятные условия для экономического роста и обеспечения занятости населения. Но для этого идеи либерализма должны рассматриваться прежде всего как политическая доктрина, а не как экономическая политика.

Безработица в условиях мондиализма (Дж. Стиглиц). Современная безработица — это даже не безработица в условиях глобализации. Это безработица в условиях мондиализма, когда проблему занятости необходимо решать на надгосударственном уровне в глобальном масштабе. Дж. Стиглиц, критикуя современные тенденции глобализации, призывает повернуть к «глобализации с человеческим лицом»: «Сегодня глобализация не работает на бедных. Она не работает большей частью и на сохранение среды обитания. Она не работает на стабильность глобальной экономики»¹⁷. Одна из главных, по его мнению, причин столь сложной ситуации заключается в социальных институтах, которые доминируют в процессах глобализации, определяют ее характер. Нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации. Вместо этого есть система глобального управления без глобального правительства, в которой кучка институтов (Всемирный банк, МВФ, ВТО) и кучка игроков доминируют, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остается почти безгласным. Глобализация, считает исследователь, может быть перестроена, и когда это произойдет, когда она будет проводиться честно и надлежащим образом, когда все страны получат право голоса при принятии решений, затрагивающих их политику, тогда возникнет возможность создать новую глобальную экономику, в которой не только рост окажется более устойчивым и менее изменчивым, но и его плоды в виде рабочих мест и сбалансированного социально-экономического развития будут распределяться более справедливо.

Помимо рассмотренных концепций, существует еще ряд мнений по этому вопросу. Так, З. Бауман вслед за У. Беком и М. Алле подтверждает факт глобального сокращения занятости населения, начавшегося с 1970-х гг. Однако он не полностью разделяет их представления о роли транснациональных корпораций. Анализируя изменения в классовой структуре современного общества, он отмечает, что в настоящее время «компании принадлежат не их сотрудникам, поставщикам или местности, где они расположены, а тем, кто в них инвестирует»¹⁸. Акционеры, руководствуясь выгодой получения дивидендов, свободны в выборе или переносе места дислокации компаний. При этом рост безработицы и

социальной напряженности как результат принятого ими решения не является зоной их ответственности. З. Бауман, анализируя процессы поляризации и фрагментации общества, отмечает особенность восприятия массовым сознанием ситуации нарастающей неопределенности как естественного способа существования¹⁹. Следствием этого является распространение различных форм гибкой (flexible employment) или нестандартной занятости, которое воспринимается обществом если не положительно, то, по крайней мере, безразлично. Однако глобальная неопределенность, увеличение скорости информационных потоков на фоне роста безработицы привели к тому, что «работа становится для человека ежедневной подготовкой к тому, чтобы оказаться лишним»²⁰, что не способствует стабильному общественному развитию и социальному благополучию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Базыкин Д.В. Репрезентация проблемы труда в теории постиндустриального общества. URL: <http://www.uresearch.psu.ru/main/index.php> (дата обращения: 06.08.2014).

² Полякова Н.Л. Труд в социологической теории // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2004. № 2. С. 134.

³ Offe C. Disorganized capitalism: contemporary transformation of work and politics. Cambridge, 1985. P. 132.

⁴ См.: Полякова Н.Л. Труд в социологической теории. С. 133.

⁵ Ее же. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М.: Наука, 1990. С. 68.

⁶ См.: Kalleberg A. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work // Annu. Rev. of Sociol. 2000. № 26. P. 341—365.

⁷ См.: Toffler A. Previews and premises: An interview with the author of «Future shock» and «Third wave». N. Y.: Morrow, 1983. P. 42—44.

⁸ См.: Работники лондонского метро начали 48-часовую забастовку. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/02/140205_london_tube_strike.shtml (дата обращения: 20.02.2014).

⁹ Полякова Н.Л. Социологические проблемы труда и современных технологий: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1987. С. 33.

¹⁰ См.: Cultures of Unemployment: A Comparative Look at Long-Term Unemployment and Urban Poverty. Amsterdam Univ. Press — Amsterdam Archaeological Studies, 2006. 292 p.

¹¹ См.: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. М.: Прогресс, 2001. С. 109.

¹² Там же. С. 114.

¹³ Туроу Л.К. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / пер. с англ. А.И. Федорова. Новосибирск: Сибир. хронограф, 1999. С. 225.

¹⁴ Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста: эмпирическая очевидность / пер. с фр. И.А. Егорова. М.: ТЕИС, 2003. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 143.

¹⁷ Стиглиц Дж.Е. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Нац. общест.-науч. фонд, 2003. С. 258.

¹⁸ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. С. 16.

¹⁹ См.: Его же. Индивидуализированное общество / пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 10.

²⁰ Там же. С. 149.

Поступила 29.08.2014.

A. N. Ershov, A. A. Salatova. Sociological Interpretation of the Phenomenon of Unemployment in the Context of Globalization

Sociologists attempt to interpret the problem of unemployment in the context of globalization and transition to a postindustrial society within a wide range of scientific concepts and approaches. Supporters of the concept of the end of labor or capitalism without labor (K. Offe, T. Yu. Sidorina, N. N. Zarubina) believe that the change of the 'employment nature' of social reality to the 'information nature' is currently happening in the society. Labor ceases to play the leading role in the society, but the labor activity does not stop: its nature is changing in the context of the global information society. Within the concept of the 'new unemployment' (O. Toffler, R. Kaplisky, N. L. Polyakova), the restructuring of the economy and the obsolescence of a number of professions are put forward as the reasons for the decrease in employment. The labor force of today's 'new' unemployed really becomes excessive. U. Beck, on the contrary, believes that the transnational corporations that take advantage of globalization and informatization in their own interests are to blame for the rising unemployment, namely, those who have the ability to transfer production and even whole industrial sectors from one part of the world to other ones, at their sole discretion. In such a situation, it will be harder and harder for an individual national government to provide sufficient employment. Following U. Beck this was noted by Z. Bauman and M. Allais. J. Stiglitz calls upon the world community to solve the problem of employment at a supranational level on a global scale.

К. В. ФОФАНОВА

А. А. СЫЧЕВ

Д. М. БОРИСОВ

ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹

Ключевые слова: консолидация, межэтнические отношения, миграция, доверие, социальная дистанция, регион

Key words: consolidation, interethnic relations, migration, trust, social distance, region

В статье рассматриваются факторы межэтнической консолидации в Республике Мордовия в контексте миграционных вызовов. Для анализа

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

СЫЧЕВ Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

БОРИСОВ Дмитрий Михайлович, доцент кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

FOFANOVA Katerina Vladislavovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SYCHEV Andrei Anatolievich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

BORISOV Dmitry Mikhailovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

межэтнической консолидации был выделен интегративный индекс консолидации, измерена социальная дистанция в отношении народов, традиционно проживающих на территории Мордовии, и народов стран ближнего зарубежья, а также выявлено отношение жителей республики к иностранным трудовым мигрантам.

The paper considers the factors of interethnic consolidation in the Republic of Mordovia in the context of migration challenges. For the analysis of interethnic consolidation an integrative index of consolidation was developed, the social distance in relation to peoples traditionally living on the territory of Mordovia and peoples of the former USSR countries was measured, and the attitude of the inhabitants of the Republic of Mordovia to foreign labor migrants was revealed.

Социология возникла как учение о формах солидарности и способах ее достижения: в большинстве теорий XIX в. солидарность являлась ключевым понятием. Глубокие социальные трансформации XX в., среди которых две мировые войны, увеличение разрыва между бедными и богатыми странами, масштабные миграционные процессы, межнациональные конфликты, кризис в духовной сфере, привели к тому, что фокус изучения социологии сместился с путей достижения общественной солидарности к методам разрешения насущных социальных проблем. Солидарность отошла на периферию исследовательских интересов, а в их центре оказался конфликт как столкновение конкурирующих сторон и интересов. Консолидационная парадигма сменилась конфликтологической.

Особо востребованной конфликтологическая парадигма оказалась в сфере исследований межэтнического взаимодействия. Основной причиной этого стало беспрецедентное смешение народов и культур, вызванное интенсификацией миграционных процессов. Сегодня межнациональное взаимодействие часто сопровождается непониманием и неприятием чужих традиций и ценностей, непродуманной национальной и миграционной политикой или же сознательным намерением заработать политический капитал на национальных разногласиях, что приводит к снижению уровня доверия, росту нетерпимости и ксенофобии в обществе. С усилением межнациональной напряженности становятся очевидными некоторые слабые стороны конфликтологической парадигмы, которая способна указать пути борьбы со следствиями, но не с глубинными причинами проблем в сфере межэтнического

взаимодействия. В этих условиях не только оправданным, но и перспективным представляется возвращение к консолидационной парадигме с учетом современных социологических и философских теорий.

В настоящее время отсутствует единое понимание консолидации. Существуют разнородные ее трактовки, акцентирующие внимание на политических, экономических, культурных или социальных характеристиках. Не всегда прослеживаются четкие отличия консолидации от интеграции, кооперации, сплочения, единения и т. д. Наконец, в социальных науках не представлены количественные показатели, с помощью которых можно было бы измерить степень консолидированности и которые были бы способны отражать, с одной стороны, многофакторность социальных отношений и взаимодействий, с другой — степень их интенсивности.

Анализ литературы и принятого словоупотребления позволяет наметить наиболее общие контуры понятия консолидации. Как правило, оно ассоциируется с такими значениями, как сплочение, упрочение, укрепление и проявляется через социальное взаимодействие, основанное на взаимности и доверии. В отличие от интеграции, задачами которой являются единство и поддержание целостности, цели консолидации — солидарность и сплочение. Иными словами, в процессе консолидации индивиды и социальные группы могут на постоянной или временной основе кооперироваться, объединяться вокруг единой цели, сохраняя при этом свою идентичность и специфику.

Солидарность и сплочение возможны только при высоком уровне межличностного доверия, соблюдении моральных норм общежития и налаживании горизонтальных социальных связей. Высокий уровень консолидации предполагает высокий уровень социального капитала. Не менее важными показателями консолидации являются социальная дистанция между людьми, готовность видеть представителей других групп в качестве сограждан, соседей, коллег, членов семьи. Наконец, консолидация невозможна в условиях нетерпимого, резко отрицательного отношения социальных групп друг к другу. В связи с этим уровень консолидации связан с показателями доверия, толерантности и социальной дистанции в том или ином обществе.

Выявление интегративного индекса консолидации строилось нами на основе эмпирических данных, полученных в ходе исследований «Социальные факторы межэтнической консолидации» (2013) и «Особенности трудовой миграции в регионе» (2012—2014). Объектом исследования стали межэтнические отношения в Республике Мордовии, которая была и остается пространством тесного социального взаимодействия народов России.

Положение о том, что доверие — необходимое условие и важнейший фактор социальной консолидации, служит исходной посылкой исследования. Уверенность в предсказуемости поведения другого — это интегральный компонент любых устойчивых межличностных, межгрупповых, институциональных взаимоотношений. На региональном уровне доверие способно сплотить географически разнородные территории в единое общество, на межгрупповом — оказывать влияние на улучшение межэтнических и межконфессиональных отношений. На межличностном уровне доверие — основа для долгосрочных стабильных отношений, деловых связей, командных взаимодействий, работы в коллективе. Именно межличностное доверие является фундаментом всех остальных его видов и, следовательно, необходимым условием социальной консолидации.

Для получения индекса генерализированного межличностного доверия (ИМД) респондентам традиционно задается вопрос «Говоря в общем, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять, или же нужно быть очень осторожным в отношениях с людьми?». Индексом межличностного доверия считается доля респондентов (в процентах), отметивших, что большинству людей можно доверять. Существует разница в определении этого индекса, связанная со шкалой предлагаемых в анкетах ответов. Так, во время всероссийского опроса 2009 г. в рамках международного проекта TRUST помимо ответов «большинству людей можно доверять» и «надо всегда быть предельно осторожным» были варианты «другое» или «не знаю». В вопроснике Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2006 г. фигурировали три промежуточных ответа: «и то, и другое», «в зависимости от человека, от условий», «затрудняюсь ответить»². В проекте «World Values Survey» (WVS), в рамках которого периодически проводится замер

индекса доверия в различных странах мира, в опросниках, как правило, фигурируют только два ответа без возможности выбора промежуточных: предполагается, что человек или склонен к доверию, или нет. В этом отношении сравнение данных, полученных по различным методикам, не является показательным.

В анкете было можно выбрать только один ответ из двух, что в основном соответствует практике измерения ИМД в проекте WVS и позволяет сравнить полученные результаты с общемировыми. Согласно данным опроса, индекс генерализированного межличностного доверия по Мордовии в 2013 г. составил 34,5 %.

В зарубежных исследованиях для большей иллюстративности при расчете показателя доверия употребляют следующую формулу: «Показатель доверия = 100 + (% «Большинству людей можно доверять») — (% «Надо всегда быть предельно осторожным»)». В этом случае показатель выше 100 обозначает, что в обществе большинство людей доверяет друг другу, а показатель ниже 100 — большинство не склонно к доверию другим. По данным опроса WVS, в 2005—2008 гг. всего 9 стран имеют показатели выше 100, при этом наиболее высокий уровень доверия демонстрируют Норвегия (148), Швеция (134,5) и Дания (131,9). Минимальный показатель был зафиксирован в Тринидаде и Тобаго (7,9). Для Мордовии этот показатель равен 69, что близко к средним, но выше, чем общероссийский (55,4)³.

Для определения межнационального доверия мы предложили респондентам на выбор два высказывания: «Большинству людей другой национальности можно доверять так же, как и представителям своей национальности» и «Большинству людей другой национальности я обычно доверяю меньше, чем людям своей национальности». Число тех, кто согласился с первым, равно 40,1 %. Необходимо учитывать, что этот показатель не может использоваться отдельно от генерализированного показателя: он не выявляет уровень доверия, а только показывает, влияет ли на него национальный фактор.

Наряду с уровнем доверия, важным индикатором консолидации выступает социальная дистанция. Одним из инструментов, измеряющих эту дистанцию, стала шкала, предложенная Э. Богардусом в середине 1920-х гг. Предлагаемые

респондентам вопросы включали следующие утверждения: «Считаете ли Вы для себя (или для своих детей) возможным вступить в брак с представителями другой национальности (могут указываться конкретные национальности)?»; «Считаете ли Вы для себя возможным иметь близких друзей других национальностей?»; «Считаете ли Вы для себя возможным жить с представителями другой национальности по соседству (могут указываться конкретные варианты близкого проживания — один дом, подъезд, лестничная площадка и т. д.)?»; «Считаете ли Вы для себя возможным жить с представителями другой национальности в одной стране, в одном городе, республике?». Респондент мог выбрать два варианта ответа: «Да»/«Нет». На основании суммирования всех отрицательных (или всех положительных) ответов моделируется индекс дистанции.

В опросе было предложено указать согласие или несогласие по каждой позиции в отношении народов, традиционно проживающих на территории Мордовии (мордва, русские, татары, составляющие более 98 % населения), и народов стран ближнего зарубежья (украинцев, уроженцев Кавказа и Средней Азии). Процент респондентов, ответивших «да», показан в табл. 1.

Таблица 1

Социальная дистанция по отношению к представителям различных национальностей, %

Я не имею ничего против, чтобы представители этих национальностей	Русские	Мордва	Татары	Украинцы	Армяне	Грузины	Азербайджанцы	Народы Средней Азии
Были бы моими родственниками	84	69	32	26	3	2	0	9
Были бы друзьями, близкими знакомыми	88	77	48	35	22	8	7	5
Были бы соседями	88	80	2	9	3	20	5	0
Были бы коллегами	87	77	56	42	30	25	22	20
Жили в одном регионе	92	84	2	8	1	8	5	3
Приезжали бы в гости	64	59	4	2	3	9	6	4
Не пустил бы жить в республику	12	9	4	7	0	8	6	0

Из табл. 1 не следует, что при установлении межнациональной социальной дистанции ведущую роль играют религиозные и культурные различия. Так, дистанция по

отношению к татарам меньше, чем по отношению к православным украинцам или грузинам. Видимо, следует признать, что сокращение дистанции и рост межнациональной толерантности являются следствием длительного совместного проживания народов на одной территории.

Ответы на вопросы указывают на высокий уровень социальной дистанцированности по отношению к определенным национальностям. Наибольшая дистанция у жителей республики наблюдается с народами Средней Азии и Кавказа. Причины этого в исследованиях последних лет связывают с тем, что население России «страдает» мигрантофобией. Подобные настроения характерны и для жителей Мордовии. Так, при ответе на вопрос анкеты «В качестве кого Вы готовы принять иностранных трудовых мигрантов?» готовность, оцененная по 5-балльной шкале, в среднеарифметическом выражении составляет от 1,94 (в качестве своего супруга) до 3,46 (в качестве рабочих, выполняющих работу, на которую не соглашается местное население).

В то же время при ответе на вопрос «Насколько часто Вы общаетесь с людьми другой национальности в повседневной жизни?» «постоянно» ответили лишь 23,7 %, «редко» — 42,2 %. 40,2 % общаются с людьми другой национальности в основном в магазинах и на рынке, что предполагает поверхностный, официальный уровень взаимодействия с мигрантами.

В связи с этим, помимо определения социальной дистанции, были выделены показатели коммуникативной дистанции, для чего респондентам был предложен оценить степень предпочтения общения с теми же народами. Показатели коммуникативной межэтнической дистанции в целом выше, чем показатели социальной межэтнической дистанции: они средние или высокие. Готовность жителей республики к общению позволяет надеяться на то, что социальная дистанция будет сокращаться по мере того, как коммуникативные связи между представителями различных национальностей будут укрепляться.

Уровень социальной дистанции — один из показателей этнической толерантности, которую можно рассматривать как важный ресурс межнациональной консолидации. Существуют опросники для диагностирования уровня толерантности, где предлагается оценить высказывания, выявляющие отноше-

ние к различным этническим группам и коммуникативные установки респондентов (готовность сотрудничать и предлагать конструктивные решения проблем). Некоторые из вопросов, предложенных в анкете, сведены в табл. 2. Часть вопросов касается общих проблем толерантности, часть — взаимоотношений с иностранными трудовыми мигрантами, поскольку их разделяет наибольшая социальная дистанция с большинством респондентов.

Таблица 2

Степень согласия с утверждениями, %

Утверждение	1	2	3	4	5
Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей	26,7	19,8	26,8	16,4	15,3
Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности	24,5	16,7	23,2	16,7	18,9
Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь	30,2	16,3	26,4	11,2	15,8
У меня возникают сомнения относительно положительных намерений иностранных трудовых мигрантов	8,7	14,7	31,1	17,7	27,8
Мы не сможем защитить «своих», если возникнет угроза со стороны «чужих»	17,1	16,0	25,5	17,9	23,4
Я не доверяю информации о межнациональных отношениях, которая расходится с моими представлениями	10,9	15,5	45,8	12,5	15,3
Я не против, если кто-то из моих близких родственников вступил в брак с иностранными трудовыми мигрантами	44,8	19,6	20,2	7,7	7,7
Я не против того, чтобы в городе стали открываться национальные школы (мордовские, татарские, узбекские, армянские и т. д.)	34,5	13,5	25,2	11,1	15,6
Я не против, если в республике откроются места отправления религиозных обрядов для представителей других религий	27,6	19,1	32,1	8,2	13,0
Я не против преподавания мордовской культуры в школах	13,7	10,8	30,1	18,2	27,2
<i>1 — абсолютно не согласен; 5 — полностью согласен</i>					

Наивысшим показателем толерантности в табл. 2 является ответ 1, а для вопросов, которые начинаются со слов «Я не против», — ответ 5. Судя по распределению ответов, можно говорить, что общество в Мордовии относительно толерантно к представителям других национальностей, но по

отношению к иностранным мигрантам проявляет очевидную настороженность. Скептически оно настроено и к появлению национальных школ и мест отправления религиозных обрядов для других народов.

Для выявления показателя межнациональной консолидации четыре показателя (индексы межличностного и межэтнического доверия; величина дистанции к народам, не проживающим в регионе; показатель этнической толерантности) были переведены в процентное выражение. Их среднее арифметическое (около 43 %) составило итоговый индекс консолидации в республике. Учитывая, что все показатели, составляющие индекс консолидации, являются средними по общемировым меркам, но довольно высокими для России, этот индекс демонстрирует, что регион с точки зрения межнациональных отношений — это достаточно стабильный регион с устойчивыми традициями добрососедских отношений. Респонденты указывают на некоторые векторы усиления консолидации.

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, какие факторы соединяют, а какие разъединяют жителей Мордовии?» распределились следующим образом: экономика (объединяет — 77,0 %, разъединяет — 23,0 %), политика (58,3 и 41,7 % соответственно), национальность (55,9 и 44,1 % соответственно), СМИ (68,7 и 31,3 % соответственно), образование (88,8 и 11,2 % соответственно), спорт (90,5 и 9,5 % соответственно), вера, религия (58,3 и 41,7 % соответственно), право, законы (73,6 и 26,4 % соответственно), традиции (57,0 и 43,0 % соответственно), литература (82,1 и 17,9 % соответственно), прошлое, история (78,8 и 21,2 % соответственно).

Жители Мордовии отмечают, что все предложенные факторы могут быть использованы для усиления консолидации, но выделяют прежде всего спорт, образование, литературу. Отметим, что именно в этих сферах межнациональное взаимодействие представляется наиболее плодотворным, а национальная принадлежность по значимости уступает место другим факторам: талантливости, профессионализму и т. д. Что касается представлений о консолидирующей роли прошлого, то здесь следует отметить особую роль гуманитарного, в частности качественного исторического образования как необходимого фактора межэтнической консолидации.

Отвечая на вопрос о том, что в большей степени влияет на представления о межнациональных отношениях, респонденты отметили информацию телепередач (48,7 %), печатных СМИ (15,8 %) и Интернета (12,6 %). На вопрос «В каких случаях Вы чувствуете свое единство с Мордовией?» 35,4 % отметили «во время крупных праздников», 23,9 % — «во время спортивных соревнований, крупных спортивных побед, в период выборов», 15,2 % — «когда слышу о достижениях республики в области науки и культуры», 12,4 % — «во время крупных праздников», 8,5 % — «в чрезвычайных ситуациях», 3,9 % — «когда бываю за границей», 0,8 % — «другое». В данном случае обращает на себя внимание то, что, по мнению большинства респондентов, консолидации способствуют позитивные информационные поводы: крупные праздники и спортивные победы.

Результаты опроса показывают, что основным фактором, понижающим индекс консолидации в регионе, является латентная напряженность, связанная с усиливающейся проблемой миграции. Для адекватного ответа на вызовы в национальной сфере требуется комплекс мероприятий, способствующих улучшению качества межэтнической коммуникации. Из данных опроса также ясно, что серьезным препятствием на пути сохранения межэтнической консолидации в регионе может стать несбалансированная миграционная политика. Такая политика должна быть гибкой, учитывать особенности региона, принимающего трудовых мигрантов, и каждой этнической группы, предоставлять равные возможности, ориентироваться на перераспределение ресурсов, их вложение в новые сферы, например, в образование мигрантов и создание площадок для общения представителей различных национальностей.

Учитывая, что в качестве основных ресурсов консолидации выступают доверие и терпимость, важной задачей для национальной политики становится создание пространства свободной и взаимовыгодной межэтнической коммуникации. В общем плане это предполагает предотвращение геттоизации общества, создание условий для добрососедского повседневного общения представителей различных национальностей; поддержку ассоциаций инклюзивного типа, не проводящих различий между своими членами по национальным, конфессиональным и прочим признакам (например, клубов и спор-

тивных команд); усиление влияния и значимости институтов гражданского общества; повышение уровня информированности по поводу обычаев, нравов, норм, характерных для различных народов; повышение мобильности на различных уровнях, интенсификацию личных контактов представителей различных культур; формирование толерантности, уважительного и заинтересованного отношения к проявлениям норм и традиций других народов.

Накопление социального капитала в сфере межнационального взаимодействия предполагает постоянный поиск консенсуса, согласия, единения и тем самым создает основания для укрепления социальной стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ и Правительства РМ № 14-13-13008 «Особенности трудовой миграции в регионе».

² См.: Давыденко В.А., Ромашкин Г.С. Факторная структура параметров личностного и институционального доверия в современной России (опыт эмпирического анализа) // Terra economicus. 2010. Т. 8. № 3. С. 135.

³ См.: Medrano J.D. Interpersonal trust. URL: <http://www.jdsurvey.net/jds/jdsurveyMaps.jsp?Idioma=1&NOID=104&SeccionTexto=0404> (дата обращения: 30.05.2014).

Поступила 09.07.2014.

K. V. Fofanova, A. A. Sychev, D. M. Borisov. Factors of Interethnic Consolidation in the Context of Migration Processes

The paper indicates that with an increase in ethnic tensions weaknesses of the conflictological paradigm become apparent; turning to the consolidation paradigm with regard to modern sociological and philosophical theories seems to be most promising. For the analysis of interethnic consolidation, an integrative index of consolidation has been developed, social distance in relation to peoples traditionally living on the territory of Mordovia and peoples of the former USSR countries has been measured, and the attitude of the inhabitants of the Republic to the foreign labor migrants has been revealed. The results of the survey showed that the main factor decreasing the index of consolidation in the region is the latent tension associated with the growing problem of migration. The adequate response to the challenges in the national sphere implies a set of activities that contribute to improving the quality of interethnic communication. The paper shows that the main resources of consolidation are trust and tolerance; an important task for ethnic policies is creation of grounds for free and mutually beneficial interethnic communication.

В. В. БОБРОВ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: бизнес, социальная ответственность, деловая политика, персонал компании, социальная сфера

Key words: business, social responsibility, business policy, company's staff, social sphere

В статье рассматривается понятие «социальная ответственность». Большое внимание уделяется истории развития компании Danone в России. Анализируется ее социальная работа, в частности уникальная система охраны труда WISE, введенная на всех предприятиях компании, программа добровольного медицинского страхования, приводятся примеры социальных проектов, реализуемых Danone в России и других странах.

The paper discusses the concept of 'social responsibility'. Great attention is paid to the history of development of the Danone company in Russia. Its social work is analyzed, in particular, the unique system of labor protection called 'WISE', the program of voluntary medical insurance applied in all enterprises of the company; examples of social projects implemented by Danone in Russia and other countries are given.

В настоящее время в России идет процесс формирования системы социальной ответственности бизнеса. Предприятия не уделяют должного внимания работникам (оплата труда осуществляется в конвертах, а так называемая белая заработная плата не превышает прожиточного минимума); условия труда часто оставляют желать лучшего; государство не предоставляет никаких льгот предприятиям, которые предпринимают меры по улучшению жизни работников; малый и средний бизнес ориентирован на максимальное получение прибыли и способы ее получения не всегда законны. Все это и многое другое препятствует становлению системы социальной ответственности бизнеса.

БОБРОВ Виктор Владимирович, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат философских наук.

BOBROV Viktor Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Socio-Economic Disciplines, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

К. Маркс считал, что процесс производства не только создает материальный продукт, но и способствует формированию у человека профессиональных навыков, социального статуса. Е. Р. Ляховецкая и В. Б. Вязовой под социальной ответственностью бизнеса понимают деятельность предприятия в соответствии с целями и ценностями общества¹.

По мнению И. С. Глебовой, социальная ответственность включает добросовестную деловую политику, осуществление мер по развитию персонала компании, обеспечение безопасных условий труда, охрану жизни и здоровья работников, развитие местного сообщества. Она выделяет несколько уровней социальной ответственности: добросовестное выполнение своих обязанностей перед обществом и государством (своевременная выплата достойной заработной платы, недопущение нарушений норм трудового законодательства, своевременное и в полном объеме проведение налоговых отчислений и т. д.); определение интересов работников и предоставление им льгот и социальных услуг (подготовка персонала, повышение квалификации, программы, направленные на членов семьи работника, например улучшение жилищных условий, и т. д.); программы, реализуемые за пределами предприятия и распространяющиеся на население территории, где осуществляет свою деятельность компания (строительство дорог в регионе, улучшение освещения улиц, благоустройство территории непосредственно около предприятия и т. д.)². Ж. К. Жавилье считает, что социальная ответственность основывается на нескольких элементах: правах человека, трудовых отношениях, заботе об окружающей среде и других добровольных инициативах компании³.

Сегодня в России ведут деятельность большое количество компаний со стопроцентным иностранным капиталом. К ним относятся: Simens, Parmalat, AB InBev, Danone. Мы остановимся на компании Danone, так как ей принадлежит ОАО «Молочный комбинат «Саранский»», расположенный в Республике Мордовия. Производитель молочной продукции Danone стал одним из первых, кто пришел на российский рынок (1992 г.) Уже в 1998 г. было принято решение о строительстве самого современного и мощного завода в Чеховском районе Московской области, который заработал в 2000 г. В конце 2010 г. компании Danone и «Юнимилк» объединили свой молочный бизнес. После совершения этой

сделки компания «Danone-Юнимилк» стала крупнейшим производителем молочной продукции в России. В 2013 г. группа изменила официальное название на «Группа компаний Danone в России». Объем инвестиций компании с момента начала деятельности в России составил 1,8 млрд долл. Компания Danone работает на 5 континентах, в 120 странах, ей принадлежит 190 производственных центров. Количество сотрудников по всему миру составляет 102 тыс. чел., в России работают 15 тыс. чел. Оборот компании — 20 млрд евро⁴. К ценностям, которыми руководствуется Danone в своей деятельности, относятся: гуманизм (участие, ответственность и уважение к людям); открытость (любопытность, динамичность и готовность к диалогу); близость (доступность, доверие, сопереживание); энтузиазм (дерзость, страсть к достижениям, стремление преодолеть трудности). Социальная ответственность, на наш взгляд, это добровольный вклад бизнеса в жизнь общества, будь то поддержка экономики, социальной сферы или экологии. В своей социальной деятельности компания Danone в России руководствуется основным принципом, высказанным основателем группы А. Рибу: «Ответственность компании не заканчивается у дверей завода или офиса. Являясь частью общества, мы постоянно напоминаем себе о наших обязанностях»⁵. Одной из составляющих социальной ответственности выступает безопасность сотрудников. Danone совместно с консультантами из подразделения «Ресурсы безопасности «Du Pont» разработала программу WISE (с англ. «мудрый»). Программа направлена на повышение культуры безопасного поведения и совершенствования системы управления безопасностью труда. Главной идеей программы является безопасность, основанная на поведении людей, их заботе о собственной безопасности и безопасности коллег. Сущность подхода WISE отражают пять базовых принципов: ноль несчастных случаев — достижимая цель. Все несчастные случаи можно предотвратить; необходимо изменение поведения людей, так как 96 % происшествий происходит из-за небезопасных действий; основа культуры безопасности — активное вовлечение каждого; менеджмент несет ответственность за безопасность на предприятии; высокий уровень культуры безопасности — хорошие результаты бизнеса.

WISE — больше, чем система охраны труда в России, где существуют довольно жесткие законодательные условия, множество специальных требований к машинам и механизмам, к проведению инструктажей, аттестаций, расследованию несчастных случаев и т. д. К сожалению, часто это сводится к формальному заполнению документов, а не к реальным действиям по сокращению числа происшествий. Считается, что инструктаж проведен, если в журнале стоит подпись сотрудника, но на деле это означает, что персонал лишь знает правила, и тем более не гарантирует их применения. Для изменения ситуации необходимо работать не только над соблюдением базовых требований законодательства, но и с реальным поведением каждого человека. Только при желании и широкой вовлеченности руководителей и участия всего персонала можно снизить риск возникновения несчастных случаев. Это значит, что каждый сотрудник будет уверен в собственной безопасности на рабочем месте.

Компания Danone в России обеспечила всех своих работников полисами добровольного медицинского страхования, так как важным элементом социальной защищенности сотрудников является забота об их здоровье. В марте 2013 г. был заключен договор добровольного медицинского страхования с одним из лидеров страхового рынка России — компанией «АльфаСтрахование», которая специально для Danone разработала уникальную страховую программу, включающую амбулаторно-поликлиническую, консультативно-диагностическую, плановую и экстренную стационарную, а также стоматологическую помощь. Эта программа оплачивается с прибыли, полученной компанией. На протяжении всей своей деятельности компания поддерживает значительное количество социальных проектов. Отметим некоторые из них.

«Поколение Милк» — масштабная долгосрочная программа, целью которой выступают возрождение интереса молодежи к молочной промышленности, поддержка талантливых работ в этой области, а также оказание помощи молодым специалистам, которые хотят связать свою жизнь с сельским хозяйством.

ОАО «Молочный комбинат «Саранский»» тесно сотрудничает с ГБОУ СПО «Торбеевский колледж мясной и молочной промышленности». В начале каждого учебного года компания Danone предлагает студентам темы для исследования.

В мае все полученные результаты в виде презентаций представляются для оценки в комиссию, которая состоит из сотрудников компании, Министерства сельского хозяйства и продовольствия и Министерства образования Республики Мордовия. Выбираются три лучшие работы, которые поощряются деньгами (I место — 22 тыс. руб., II — 13 тыс. руб., III — 9 тыс. руб.). Студенты, работы которых были отмечены, получают преимущественное право устройства на работу в Danone. Ежегодно 5 тыс. выпускников этого учебного заведения ОАО «Молочный комбинат «Саранский»» принимает на работу.

«Деревни SOS» — это детские деревни, существующие во всем мире. Особенностью этой программы является то, что при усыновлении детей их не разделяют и у родных братьев и сестер появляется возможность расти вместе. Компания оказывает материальную помощь таким семьям. Кроме того, любой сотрудник может пожертвовать средства для семей, которые будут направлены на игрушки, питание, обучений детей. Проект существует 15 лет.

Danone выступает одним из организаторов Всероссийского детского футбольного турнира «Кожаный мяч», участниками которого становятся несколько десятков команд по всей России. Победители всероссийского турнира получают возможность показать себя на международном первенстве «Кубок наций Danone», он признан FIFA и UEFA.

Во всероссийском футбольном турнире, который проводится Danone принимает участие и команда «Мордовия» созданная на ОАО «Молочный комбинат «Саранский»». Несмотря на то что команда участвует в первенстве только второй раз, результаты вполне высокие. В 2014 г. футболисты одержали победу над коллегами из Самары, Казани, Чебоксар и заняли первое место в дивизионе «Волга». К сожалению, в играх плей-офф команда уступила футболистам из Липецка, занявшим первое место в дивизионе «Юг».

Поддержка «Лиги здоровья наций» Danone в России является стратегическим партнером общероссийской общественной организации, занимающейся ключевыми вопросами формирования образа жизни и среды обитания россиян. Компания видит своей целью не только разработку и производство полезных продуктов питания для здорового сбалансированного рациона, но и содействие созданию условий

для благополучной жизни людей. В 2013 г. руководство компании приняло решение об оказании материальной помощи (покупка лекарств) работникам и их детям, больным онкологическими заболеваниями.

Группа Danone сознательно принимает повышенные обязательства в области социальной ответственности и ставит своей целью создавать уникальные возможности для мотивации и развития сотрудников во всем мире. Использование ряда передовых HR-технологий, которые являются единичными для всех стран, говорит о том, что в компании действует продуктивная компенсационная система, базирующаяся на единой классификации должностей (грейдинг).

Особое внимание компания уделяет развитию сотрудников: годовой бюджет на обучение всей компании составляет десятки миллионов евро. На программы развития одного менеджера в России в среднем инвестируется около 3 тыс. евро, что позволяет оплатить 64 учебных часа в год. Индивидуальные планы развития, составленные в процессе оценки персонала и постановки целей, включают все доступные формы развития: самообразование, конференции, круглые столы, участие в бизнес-комитетах, программах стажировок и т. д. Партнерство с сотрудниками — условие повышения конкурентоспособности компании, а также важная часть корпоративной программы социальной ответственности.

На наш взгляд, предприятиям, расположенным на территории Республики Мордовия, необходимо больше внимания уделять опыту международных компаний в социальной сфере. Это прекрасный способ заявить о себе как об ответственном работодателе, способствовать развитию хороших трудовых отношений. Кроме того, это замечательная возможность мотивировать сотрудников и привлечь высококвалифицированные кадры на предприятие и в регион.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Алямкин С.Н. Социальная ответственность бизнеса: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009. 155 с.

² См.: Глебова И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом. Казань, 2008. 110 с.

³ См.: Жавилье Ж.К. Добровольная забота // Корпоратив. журн. Danone России. 2008. № 5. С. 14—15.

⁴ См.: Жаркова М. Danone 15000, главный проект компании // Там же. 2013. № 1. С. 4—5.

⁵ Цит. по: Балабанова М. Корпоративная социальная ответственность Danone Россия // Там же. 2014. № 1. С. 28—29.

Поступила 15.05.2014.

V. V. Bobrov. Social Responsibility of an International Company in the Regions of Russia

The paper discusses the concept of social responsibility. Some scientists believe that corporate social responsibility is a voluntary contribution of business to society (support for economy, social service or environmental). Others believe that social responsibility is based on several pillars: human rights, labor relations, environmental concern and other voluntary initiatives of a company. Currently, a large number of international companies operate in Russia. One of the first to come to the Russian dairy market was Danone. One of the components of social responsibility is the safety of employees. The study analyzes the WISE labor protection system. The program is aimed at improving the safety culture and at improving the system of labor safety management. The main idea of the program is safety based on behavior of people, on their care about their own safety and that of their colleagues. All employees of Danone are provided with health insurance plans allowing them to receive free outpatient and consultative-diagnostic, routine and emergency hospital care, as well as dental care. This program is paid from the profit obtained by the company.

Besides, the paper provides examples of social projects implemented by the company both in Russia and abroad. These include: 'Generation Milk' — a large-scale long-term program whose purpose is to revive the young people's interest in the dairy industry; 'SOS Villages' — these are children's villages existing all over the world. The feature of this program is that in case of adoption of children they are not separated from their siblings and they have an opportunity to grow together. The company provides financial assistance to such families; Danone is one of the organizers of the all-Russian children's football tournament 'Leather Ball'. The company also supports the 'League of Nations' Health'. In Russia, Danone is a strategic partner of an all-Russian public organization dealing with key issues of shaping the lifestyles and the living environment of Russians.

Н. Н. КОРОЛЕВА

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ
КАК УСЛОВИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: социальная инфраструктура, человеческий капитал, здравоохранение, образование, система показателей

Key words: social infrastructure, human capital, public health, education, system of indicators

В статье на основе показателей, которые позволяют оценивать развитие инфраструктуры в сфере здравоохранения и образования, проанализировано состояние социальной инфраструктуры этих отраслей в Республике Мордовия.

On the basis of indicators that help to assess development of the infrastructure in health and education sectors, the paper shows the condition of the social infrastructure in these sectors in the Republic of Mordovia.

Достижение устойчивого развития общества невозможно без накопления и сохранения человеческого капитала, поэтому эта задача стала жизненно важным национальным приоритетом, решение которого требует крупномасштабных инвестиций в образование, здоровье, культуру и прочие компоненты человеческого капитала.

В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию в главе, посвященной региональному аспекту, среди основных проблем, связанных с переходом к устойчивому развитию на региональном уровне, значится создание социальной инфраструктуры, призванной обеспечить необходимые условия для воспроизводства человеческого капитала. Так формируется социальная привлекательность

КОРОЛЕВА Наталья Николаевна, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

KOROLYOVA Natalia Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Theory, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

территории, гарантируется занятость населения, складывается региональный продукт.

Социальная инфраструктура является частью общей инфраструктуры региона и представлена множеством отраслей, среди которых в качестве основных можно выделить: здравоохранение, между качеством услуг которого и уровнем развития человеческого капитала существует объективная связь; образование, доступность которого является фактором целостного развития человека и реализации человеческого потенциала; транспортная инфраструктура, многократно увеличивающая мобильность трудовых ресурсов.

Уровень развития социальной инфраструктуры названных отраслей оказывает непосредственное влияние на качественные и количественные параметры человеческого капитала. Здравоохранение способствует формированию количественных показателей человеческого капитала, таких как численность населения, его прирост, трудоспособный период жизни, а система образования — качественных: уровень образования и навыки трудовой деятельности.

Республика Мордовия имеет неблагоприятную демографическую ситуацию. В формировании численности населения региона произошли изменения роли естественного и механического движения, доминирует естественная убыль, которая в 2012 г. составила $-5,3\%$.

Смертность на территории Мордовии сравнительно высокая: коэффициент смертности в 2012 г. был равен $14,9\%$, в Приволжском федеральном округе — $13,9\%$. В общем числе смертей $26,5\%$ составляют умершие в трудоспособном возрасте, $0,6\%$ приходится на возраст моложе трудоспособного и $72,8\%$ — старше. Основными причинами смерти населения по-прежнему остаются болезни системы кровообращения (более $51,0\%$ от общего числа умерших), на втором месте — онкологические заболевания ($13,2\%$), на третьем — внешние причины ($9,7\%$), на четвертом — болезни органов дыхания ($3,3\%$). Каждый десятый умерший в республике погиб от несчастных случаев, отравлений и травм. Только в последние годы смертность от внешних причин стала медленно снижаться.

Уменьшение рождаемости в Мордовии объясняется изменениями в демографической структуре, в брачном и репродуктивном поведении населения. Население республики за 2012 г. сократилось на $6,9$ тыс. чел. и к началу 2013 г.

составило 818,5 тыс. чел. Снижение численности произошло за счет естественной убыли (3,7 тыс. чел.), а также миграционного оттока (3,1 тыс. чел.). Согласно рейтингу «Социально-экономическое положение регионов», в 2012 г. по ожидаемой продолжительности жизни при рождении (70 лет) Мордовия занимает 17-е место среди субъектов Российской Федерации.

Результатом отмеченных тенденций стало заметное снижение масштабов человеческого капитала в регионе без соответствующего потребностям наращивания его качества и с недостаточным увеличением способности к воспроизводству. На формирование положительных тенденций в демографической ситуации региона, безусловно, должна оказывать влияние система здравоохранения, нацеленная на сокращение заболеваемости и смертности трудоспособного населения. В связи с этим важнейшей задачей является укрепление и развитие инфраструктуры в сфере здравоохранения, элементы которой должны отвечать потребностям населения, быть современными и доступными. Для оценки уровня развития такой инфраструктуры можно использовать следующую систему показателей: количество больничных коек на 10 тыс. чел. населения региона; количество посещений амбулаторно-поликлинических учреждений в смену на 10 тыс. чел. населения региона; инвестиции региона в здравоохранение на душу населения, тыс. руб. на 1 чел.; ввод в действие больничных учреждений региона, коек на тыс. чел. населения региона; ввод в действие врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений региона, посещений в смену на 100 тыс. чел. населения региона.

Основные показатели, характеризующие развитие инфраструктуры в сфере здравоохранения в Мордовии, представлены в табл. 1.

Динамика представленных показателей демонстрирует сокращение количества больничных организаций и больничных коек и увеличение нагрузки на амбулаторно-поликлинические организации.

В настоящее время в сфере здравоохранения в результате повышения внимания к здоровью населения со стороны государства произошли некоторые улучшения: удалось сократить уровень заболеваемости и смертности от некоторых видов заболеваний, несколько увеличилась общая продолжительность

жизни. В то же время сохраняется множество нерешенных проблем в области материально-технического оснащения медицинских учреждений, старения кадров, ослабления охвата населения профилактическими мероприятиями, недостаточного развития высокотехнологичной медицинской помощи, низкого уровня конкуренции в сфере предоставления медицинских услуг, повышения эффективности расходующих средств и пр., на решение которых направлены действующие в республике федеральные и региональные программы: приоритетный национальный проект «Здоровье»; государственная программа развития здравоохранения Республики Мордовия на 2013—2020 годы; Концепция Республиканской целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями в Республике Мордовия» на 2013—2020 годы.

Таблица 1

**Основные показатели здравоохранения
Республики Мордовия (на конец года)¹**

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Количество больничных организаций	54	53	52	50	47
Количество больничных коек: — на 10 000 чел. населения	9 057 107,2	8 869 105,7	8 827 105,9	8 794 106,5	8 519 104,1
Количество врачебных организаций, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению	83	79	80	75	73
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену: — на 10 000 чел. населения	17 952 212,5	17 866 212,9	17 798 213,6	18 013 218,2	18 862 230,4
Количество фельдшерско-акушерских пунктов	535	523	513	504	503
Численность врачей всех специальностей, чел.: — на 10 000 чел. населения	4 307 51,0	4 258 50,7	4 313 51,8	4 278 51,8	4 303 52,6
Численность среднего медицинского персонала, чел.: — на 10 000 чел. населения	10 261 121,4	10 060 119,9	9 926 119,1	9 755 118,2	9 822 120,0

О достижении довольно высокого уровня образования населения Мордовии может свидетельствовать наличие сети образовательных учреждений разного уровня: от дошкольного до высшего. Оценить развитие инфраструктуры в сфере образования можно с помощью следующей системы показателей:

охват детей дошкольными образовательными учреждениями региона, доля от численности детей соответствующего возраста в регионе; охват детей общеобразовательными учреждениями региона, доля учащихся общеобразовательных учреждений от общей численности населения региона; обеспеченность общеобразовательных учреждений региона персональными компьютерами, количество рабочих мест с ЭВМ на 100 чел. учащихся; охват учреждениями профессионального образования (НПО, СПО, ВПО), доля студентов НПО, СПО, ВПО от общей численности населения региона; инвестиции региона в образование на душу населения, тыс. руб. на 1 чел.; ввод в действие дошкольных учреждений региона, мест на 10 тыс. чел. детей дошкольного возраста региона; ввод в действие общеобразовательных учреждений, учебных мест на 10 тыс. чел. детей школьного возраста региона (табл. 2—4)².

Таблица 2

**Дошкольные образовательные учреждения
Республики Мордовия (на начало года)**

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Количество дошкольных учреждений	228	228	231	234	235
Численность детей в дошкольных учреждениях, тыс. чел.	26,0	27,0	27,4	28,6	28,6
Обеспеченность местами детей в дошкольных учреждениях (на 100 мест приходится детей)	96	99	101	106	105
Охват детей дошкольными образовательными учреждениями, % от численности детей в возрасте от 1 года до 6 лет	62,3	63,4	64,6	61,7	63,9

Таблица 3

**Общеобразовательные учреждения
Республики Мордовия (на начало учебного года)**

Показатель	Учебный год				
	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12
Количество общеобразовательных учреждений	601	555	498	458	444
В том числе:					
— дневные	593	548	492	452	438
— вечерние	8	7	6	6	6
Численность учителей, тыс. чел.	10,2	9,4	8,5	7,4	7,0
Численность учащихся, тыс. чел.	78,3	74,2	71,8	70,4	70,3

Таблица 4

**Высшие и средние специальные учебные заведения
Республики Мордовия (на начало учебного года)**

Показатель	Учебный год				
	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12
Количество государственных высших учебных заведений [*] :	2	2	2	2	2
— в них студентов, чел. ^{**}	40 126	38 850	40 753	38 804	35 491
На 10 000 чел. населения приходилось студентов государственных вузов	477	460	486	466	430
Негосударственный вуз [*] :	1	1	1	1	1
— в них студентов, чел. ^{**}	1 725	1 980	2 411	2 558	2 624
Число государственных средних специальных учебных заведений:	22 ^{***}	22 ^{***}	29 ^{***}	31	37
— в них студентов, чел.	16 175	15 028	13 514	13 320	13 196
На 10 000 чел. населения приходилось студентов средних специальных учебных заведений	192	180	164	160	160

^{*} Количество высших учебных заведений без филиалов.

^{**} Численность студентов высших учебных заведений, включая филиалы.

^{***} В том числе структурные подразделения вузов, реализующие программы среднего профессионального образования.

Анализ таблиц позволяет отметить тенденцию к сокращению сети образовательных учреждений на всех уровнях, кроме дошкольных, что можно объяснить особенностями демографических процессов на территории региона. К числу проблем в сфере образования Мордовии можно отнести низкую эффективность финансирования дошкольных и образовательных учреждений, а также проблему несоответствия предоставляемых образовательных услуг росту инновационности республиканской экономики.

Для модернизации профессионального образования и создания условий для профессиональной подготовки специалистов с учетом реальных потребностей социально ориентированного инновационного развития республики разработана и реализуется республиканская целевая программа «Развитие профессионального образования в Республике Мордовия на 2011—2015 годы». Программа должна обеспечить обновление структуры и содержания профессионального образования, повышение эффективности управления и экономического

регулирования региональной системы профессионального образования.

Огромную роль в развитии социальной инфраструктуры региона играют информационные технологии, применение которых в социальной сфере и в области предоставления различных услуг населению набирает обороты, однако уже сегодня можно утверждать, что информационные технологии прочно интегрировались в повседневную жизнь.

Правительство России утвердило перечень услуг, предоставляемых в электронном виде. Перечень включает несколько разделов: образование, здравоохранение, культуру, архивный фонд, интеллектуальную собственность, социальное обслуживание населения, жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, физкультуру и спорт, труд и занятость. В Мордовии в электронной форме (раздел «Образование») сегодня предоставляется информация о:

- порядке проведения государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы основного общего и среднего (полного) общего образования, в том числе в форме единого государственного экзамена, а также об участниках единого государственного экзамена и о его результатах (из баз данных Республики Мордовия);

- зачислении в образовательное учреждение;

- результатах сданных экзаменов, тестирования и иных вступительных испытаний, а также о зачислении в образовательное учреждение;

- образовательных программах и учебных планах, рабочих программах учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей), годовых календарных учебных графиках.

В разделе «Здравоохранение» через Интернет возможно получение информации о:

- лицензировании медицинской деятельности организаций муниципальной и частной систем здравоохранения (за исключением деятельности по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи);

- присвоении, подтверждении или снятии квалификационных категорий специалистов, работающих в системе здравоохранения Российской Федерации;

- приеме заявлений, постановке на учет и предоставлении информации об организации оказания специализированной медицинской помощи в специализированных медицинских учреждениях;

- выдаче направлений гражданам для предоставления высокотехнологичной медицинской помощи;

- приеме заявлений, постановке на учет и предоставлении информации об организации оказания медицинской помощи, предусмотренной законодательством Республики Мордовия для определенной категории граждан;

- выдаче направлений гражданам на прохождение медико-социальной экспертизы³.

Дальнейшее развитие социальной инфраструктуры с целью наращивания количественных и качественных параметров человеческого капитала региона требует привлечения дополнительных инвестиций. Решение этой задачи во многом зависит от тесного взаимодействия частного бизнеса и органов власти при осуществлении инвестиционных проектов⁴. Экономически обоснованная высокая рентабельность и короткие сроки окупаемости соответствующих инвестиционных проектов должны привлечь к их осуществлению инвесторов, в том числе институциональных. Наиболее эффективной формой государственно-частного партнерства при реализации крупных инвестиционных проектов в отраслях социальной инфраструктуры является концессия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2012. С. 85.

² Там же.

³ См.: Портал государственных услуг РФ. URL: <http://www.gosuslugi.ru/#> (дата обращения: 03.03.2014).

⁴ См.: Артемьева С.С., Файзрахманова Я.И. Социальные проблемы в процессе развития застроенных территорий. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-v-protseste-razvitiya-zastroennyh-territoriy> (дата обращения: 03.03.2014).

Поступила 05.03.2014.

N. N. Korolyova. Development of Social Infrastructure as a Condition of Reproduction of Human Capital in a Region

The transition to sustainable development at the regional level involves development of social infrastructure designed to create the necessary conditions for reproduction of human capital.

In the sectors of health and education, the infrastructure has a direct impact on qualitative and quantitative parameters of the human capital, in this connection, the paper assesses the state of the social infrastructure in these sectors in the Republic of Mordovia.

Noticeable reduction in the scale of the human capital in the Republic of Mordovia without proper increase in its quality was due to the situation in the regional demographics, detailed assessment of which is given in the paper, indicating the main causes of the population loss: due to natural causes and to the migration outflow.

It is proposed to analyze development of the social infrastructure in the health sector basing on the system of indicators presented in the paper exemplified by the regional statistics in its dynamics for the last 5 years. Similarly, i. e. on the basis of the given infrastructure development indicators in the sector of education exemplified by the regional statistics in its dynamics for the last 5 years, the author reveals the status of the network of educational institutions at all levels.

Further development of the social infrastructure of the region requires additional investments, therefore, in addition to implementing existing Federal and regional programs in the sectors of health and education in the Republic of Mordovia, integration of private business and public authorities for the implementation of large investment projects in the social infrastructure sectors in the form of a concession is necessary.

Г. И. ЩАНКИНА

ВЛИЯНИЕ ЖИЛИЩНОГО ФАКТОРА НА ЭВОЛЮЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социальный риск, жилищный фактор, жилищно-коммунальные услуги, медицинские услуги, демографические процессы

Key words: social risk, housing factor, housing and communal services, medical services, demographic processes

В статье представлены результаты исследования влияния жилищного фактора на эволюцию социальных рисков в регионе по данным социологических опросов («Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», 2008 г., 2011 г., «Качество жизни населения Мордовии», 2013 г., 2014 г.) и корреляционного анализа показателей официальной статистики за 2008—2013 гг. Выявлена прямая взаимозависимость жилищного фактора с рождаемостью и медицинским обслуживанием населения: при улучшении жилищных условий социальные риски в сферах демографии и охраны здоровья населения снижаются. Обратная зависимость жилья обнаружена с численностью учащихся в общеобразовательных учреждениях.

The paper presents the results of a study of the impact of housing factors on the evolution of social risks in a region, according to opinion polls ('Reserves of Social Relations Harmonization in Mordovia', 2008, 2011; 'Quality of Life of the Population of Mordovia', 2013, 2014) and the correlation analysis of the indicators of official statistics for 2008-2013. A direct interdependence of the housing factor, the birth rate and medical services for the population is exposed; improving housing conditions decreases social risks in the areas of demography and public health. An inverse relationship of the housing and the number of students of comprehensive schools is detected.

Современный социум принято называть сложным, так как его развитие происходит «нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Поэтому для обоснования социальных процессов, по мнению

ЩАНКИНА Галина Ивановна, докторант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

SCHANKINA Galina Ivanovna, Doctoral Candidate at the Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

С. А. Кравченко, необходим «синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания»¹. При анализе причин эволюции социальных рисков в регионе и использовании социологического и статистического подходов риски рассматривались нами как продукты взаимодействия субъекта и социальной среды. Одним из факторов, влияющих на их развитие, являются жилищные условия. Они становятся важной причиной порождения демографических рисков и рисков в сфере охраны здоровья населения.

По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг» за 2013 г., среди субъектов Российской Федерации Республика Мордовия по жилищным условиям населения заняла 17-е место (в рейтинге 2012 г. — 20-е место); здоровью населения и уровню образования — 24-е; обеспеченности объектами социальной инфраструктуры — 51-е; демографической ситуации — 79-е².

В оценке жилищных условий предпочтения респондентов, принявших участие в социологическом опросе «Качество жизни населения Мордовии» (за 2013 г.), проведенном Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (ГКУ РМ «НЦСЭМ РМ») (объем выборочной совокупности составил 1 тыс. чел.), сводятся к двум видам жилья: отдельный дом и отдельная квартира, по которым самые высокие уровни общей удовлетворенности жителей региона 81,9 и 80,4 % от числа пользующихся этими видами жилья. Другие виды жилья респондентов устраивают в меньшей мере: съемное жилье — 56,6 %; часть индивидуального дома — 55,7 %; коммунальная квартира — 45,6 %; общежитие — 39,2 %; служебное жилье — 36,4 %.

За последние три года жилищные условия улучшились у 18,3 % респондентов. Изменений в жилищных условиях не произошло у 75,2 % опрошенных, а 6,5 % респондентов указали, что они ухудшились. На вопрос «Что мешает Вам улучшить свои жилищные условия?» 48,2 % опрошенных в качестве основной причины отметили вариант ответа «не позволяет материальное положение». Треть опрошенных жителей республики (30,9 %) указали, что в улучшении жилищных условий не нуждаются. По мнению 26,3 % респондентов, причиной является «очень высокая цена за 1 м²», а у 9,3 % опрошенных «нет желания приобретать жилье в кредит».

В жилищно-коммунальном строительстве республика постепенно переходит к эффективным энергосберегающим архитектурно-строительным системам и инженерному оборудованию на основе нормативных документов федерального уровня. Качество нового жилья респонденты оценили в основном как «среднее», так ответили 42,8 % опрошенных, на низкое качество указали 17,7 %, а высококачественным его назвали 14,5 %. Многие респонденты на вопрос ответить затруднились (25,0 %).

Среди всех услуг, предоставляемых жителям Мордовии, самый низкий уровень общей удовлетворенности населения республики зафиксирован именно по жилищно-коммунальным услугам (30,2 % от числа пользующихся услугами), а также по услугам здравоохранения (42,6 %). Большинство респондентов были недовольны качеством данных услуг (69,8 и 57,4 % соответственно).

Оценки экспертов опроса 2014 г. (ими выступили заместители министров и специалисты отраслевых министерств Мордовии, а также члены Общественной палаты Республики Мордовия и др.; объем экспертной группы составил 35 чел.) по данным услугам также невысокие. На вопрос «В каких сферах Республики Мордовия, по Вашему мнению, удалось добиться наибольших результатов по повышению качества жизни за последние годы?» ЖКХ и жилищная сфера ими не отмечена вовсе. Менее четверти экспертов считают, что это сферы образования и здравоохранения (22,2 и 16,7 % соответственно), также они выделили сферу культуры (33,3 %), торговли и общественного питания (33,3 %). Все признают сферу физкультуры и спорта (100,0 %).

В то же время эксперты назвали сферы, в которых не удалось добиться повышения качества жизни населения республики за последние годы. По мнению большей части респондентов, это сферы ЖКХ (87,5 %), жилищная (50,0 %), здравоохранения (37,5 %).

В настоящее время ЖКХ остается проблемой для многих субъектов Российской Федерации. Согласно результатам исследования Агентства РИА РЕЙТИНГ по удовлетворенности населения российских регионов жилищно-коммунальными услугами и медицинской помощью (за 2012 г.), Мордовия имеет значение выше среднероссийского — 27,4 и 48,3 % от числа опрошенных. В рейтинге Приволжского федерального

округа по этим показателям республика занимает соответственно четвертую и вторую позиции.

В ходе анализа результатов региональных социологических исследований установлено негативное влияние жилищного фактора на демографические процессы в регионе. По мнению жителей республики, участвовавших в социологическом опросе 2013 г., рождению очередного (в том числе первого) ребенка препятствует в основном материальное положение семьи (так ответили 71,4 % респондентов) и проблемы с жильем (50,6 %), а повышению рождаемости в регионе, по их мнению, способствует улучшение жилищных условий (39,7 %).

Немногие респонденты жилищный фактор выделяют в числе значимых в миграционных процессах республики (13,2 %). Сменить постоянное место жительства в более отдаленной перспективе планируют 13,9 % респондентов социологического опроса 2013 г. (в ближайший год — 6,1 %), не собираются уезжать 60,6 %, пока «не знают» — 25,5 %. При ответе на вопрос «Какие причины определяют Ваше желание уехать?» для жителей республики определяющими были отсутствие перспектив служебного и карьерного роста (32,8 %), отсутствие работы (25,5 %), ухудшение материального положения (23,2 %), многочисленные примеры отъезда знакомых (13,6 %), плохие жилищные условия (13,2 %).

Следует отметить, что эти причины вызывали желание сменить место жительства также у респондентов, принявших участие в социологических опросах в 2008 и 2011 гг.

Таким образом, субъективная оценка жителями республики качества своей жизни в целом позволяет определить жилищный фактор в качестве важного основания в эволюции социальных рисков в регионе.

Представленная гипотеза апробирована методами корреляционного и графического анализа статистических показателей. В качестве признаков-причин были отобраны 23 показателя официальной статистики за 2008—2013 гг.³ Используя возможно больший набор признаков и число наблюдений, мы составили корреляционную матрицу в программе «Statistics 6». Обнаружено, что не все признаки имеют значимую взаимосвязь. В таблице представлены адекватно отражающие закономерности демографических процессов и объясняющие дисперсию признаков более чем на 90 %.

С помощью корреляционной матрицы (таблица) была выявлена связь между признаками, имеющими статистически значимую корреляцию 0,90 (–90) и выше: суммарный коэффициент рождаемости, ед.; естественный прирост (+), убыль (–); обеспеченность населения жильем (в среднем на одного жителя, м² общей площади); стоимость жилищно-коммунальных услуг на 1 чел. в месяц, руб.; доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами коммунальной инфраструктуры; уровень зарегистрированной безработицы; обеспеченность врачами на 10 тыс. чел. населения; мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. чел. населения, посещений в смену; численность зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1 тыс. чел. населения; численность учащихся в дневных общеобразовательных учреждениях на начало года, тыс. чел.

Таблица

Корреляционная связь статистических показателей по Республике Мордовия за 2008—2012 гг.

Случаи	Переменные									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1,00	0,89	0,65	0,56	0,67	-0,67	0,65	0,91	-0,74	-0,37
2	0,89	1,00	0,83	0,78	0,82	-0,72	0,72	0,95	-0,79	-0,53
3	0,65	0,83	1,00	0,98	1,00	-0,38	0,86	0,90	-0,61	-0,91
4	0,56	0,78	0,98	1,00	0,97	-0,41	0,90	0,86	-0,65	-0,92
5	0,67	0,82	1,00	0,97	1,00	-0,36	0,87	0,91	-0,60	-0,92
6	-0,67	-0,72	-0,38	-0,41	-0,36	1,00	-0,59	-0,63	0,94	0,06
7	0,65	0,72	0,86	0,90	0,87	-0,59	1,00	0,86	-0,84	-0,8
8	0,91	0,95	0,90	0,86	0,91	-0,63	0,86	1,00	-0,79	-0,69
9	-0,74	-0,79	-0,61	-0,65	-0,6	0,94	-0,84	-0,79	1,00	0,38
10	-0,37	-0,53	-0,91	-0,92	-0,92	0,06	-0,80	-0,69	0,38	1,00

Прямая взаимозависимость выявлена у семи переменных, при которой если одна из них увеличивается, то коррелирующая с ней также увеличивается, а при уменьшении одной переменной снижается и другая. Стоимость жилищно-коммунальных услуг на 1 чел. в месяц, руб., коррелирует с обеспеченностью населения жильем, в среднем на одного жителя, м² общей площади (коэффициент корреляции равен 0,98). Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами коммунальной инфраструктуры коррелирует со стоимостью жилищно-коммунальных услуг на 1 чел. в месяц, руб. (коэффициент корреляции — 0,97). Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. чел.

населения, посещений в смену, коррелирует с естественным приростом (+), убылью (-) (коэффициент корреляции — 0,95), а также с суммарным коэффициентом рождаемости, ед. (коэффициент корреляции 0,91), с обеспеченностью населения жильем, в среднем на одного жителя, м² общей площади (коэффициент корреляции 0,90), с долей площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства (коэффициент корреляции 0,91). Численность зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1 тыс. чел. населения, коррелирует с уровнем зарегистрированной безработицы (коэффициент корреляции 0,94). Обеспеченность врачами на 10 тыс. чел. населения коррелирует со стоимостью жилищно-коммунальных услуг на 1 чел. в месяц, руб. (коэффициент корреляции 0,90). Естественный прирост (+), убыль (-), конечно, влияет на суммарный коэффициент рождаемости, ед. (коэффициент корреляции 0,89).

Обратная корреляция, при которой один показатель уменьшается, а другие увеличиваются, обнаружена у одной переменной. Это численность учащихся в общеобразовательных учреждениях на начало года, тыс. чел. Эта переменная имеет отрицательную корреляцию с показателями: обеспеченность населения жильем в среднем на одного жителя, м² общей площади (коэффициент корреляции -0,91); стоимость жилищно-коммунальных услуг на 1 чел. в месяц, руб. (коэффициент корреляции -0,92); доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами коммунальной инфраструктуры (коэффициент корреляции -0,92). Иными словами, при улучшении жилищных условий населения региона численность учащихся в общеобразовательных учреждениях параллельно может снижаться, и напротив, увеличиваться даже в случае ухудшения показателей по жилью. Из этого следует, что жилищный фактор — это не детерминант для сферы образования.

Таким образом, три переменные по жилищным условиям (обеспеченность населения региона жильем (в среднем на 1 жителя, м² общей площади); доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами коммунальной инфраструктуры; стоимость жилищно-коммунальных услуг) имеют прямую корреляционную связь с показателями по здравоохранению населения региона и с ростом обращений

граждан за медицинской помощью (увеличением мощности амбулаторно-поликлинических учреждений, посещениями в смену). В свою очередь мощность амбулаторно-поликлинических учреждений тесно связана с показателями рождаемости, естественного прироста населения, обеспеченности населения жильем и коммунальной инфраструктурой. Это подтверждает прямое влияние жилищного фактора на эволюцию социальных рисков в регионе, прежде всего в сфере охраны здоровья населения.

Жилищный фактор влияет и на повышение рождаемости, но имеет менее значимую корреляцию. Естественный прирост населения взаимозависим с обеспеченностью его жильем (корреляция равна 0,83) и благоустройством жилья, обеспеченного всеми видами коммунальной инфраструктуры (корреляция равна 0,82). В то же время корреляционный анализ не подтвердил мнения части граждан республики относительно влияния жилищных условий на миграционные процессы в регионе, а также сферу занятости населения.

По статистическим показателям проведен графический анализ, который позволил наглядно представить результат влияния жилищного фактора на эволюцию выявленных социальных рисков в сфере охраны здоровья, рождаемости и образования населения региона. Следует отметить, что по статистическим данным можно проследить тенденцию улучшения жилищных условий населения Мордовии в период с 2008 по 2013 г., что стало важной причиной некоторого повышения коэффициента рождаемости и в то же время увеличения количества обращений жителей республики за медицинской помощью (посещений амбулаторно-поликлинических учреждений). За указанный период уменьшился отрицательный коэффициент естественного прироста населения. Кроме того, сократилась и численность учащихся в общеобразовательных учреждениях на начало года.

Таким образом, анализ позволил выявить прямое влияние жилищного фактора на сферы демографии и охраны здоровья населения, при улучшении жилищных условий социальные риски в этих сферах снижаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2013. № 1. С. 182.

² См.: Рейтинг размещен на интернет-сайте <http://www.riarating.ru>. Разделы «Жилищные условия» (Л. 19—21), «Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры» (Л. 22—26), «Демографическая ситуация» (Л. 34—36), «Здоровье населения и уровень образования» (Л. 37—40).

³ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 451, 452, 455, 466, 469, 471; Там же. 2014. С. 56, 74, 84, 109, 127, 170, 182, 183, 439, 452, 453; Демографический ежегодник Республики Мордовия: стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2014. С. 33, 42; Социальная сфера Республики Мордовия: стат. сб. / Мордовиястат. Саранск. 2014. С. 66, 71.

Поступила 06.09.2014.

G. I. Schankina. Impact of the Housing Factor on the Evolution of Social Risks in a Region

The paper presents the results of a study of the impact of housing factors on the evolution of social risks in a region, according to opinion polls ('Reserves of Social Relations Harmonization in Mordovia', 2008, 2011; 'Quality of Life of the Population of Mordovia', 2013, 2014) and the correlation analysis of the indicators of official statistics for 2008—2013.

Subjective evaluation by the inhabitants of the Republic of Mordovia allowed to define the housing factor as an important foundation of the evolution of social risks in the region, negatively influencing the sectors of demography, migration, health and generating such social risks as a decrease in the rate of natural population growth (the negative balance of natural population growth), the outflow of population to other regions of the country (increase in the negative ratio of migration growth), increasing tensions on the labor market, reduction in the number of pupils in comprehensive day schools.

The main findings of sociological studies were confirmed during the correlation and graphical analysis of the statistical indicators for 2008—2013. It is revealed that three variables on housing conditions (provision of the population of the region with housing (average per inhabitant, square meters of total residential floor area); the percentage of the total housing provided with all kinds of communal infrastructure; the cost of housing and communal services) have direct correlation with indicators of health of the population of the region and, above all, with the growth in the citizens' demand for medical care (increase in the outpatient clinics capacities, in the number of visits per shift). In turn, the capacity of outpatient clinics is closely linked with the birth rate, natural population growth, availability of housing and communal infrastructure. This implies that the housing factor has a direct impact on the sectors of demography and public health, improving the housing conditions reduces the social risks in these areas.

А. В. ЯКУШКИН

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РЕГИОНА

Ключевые слова: демографические процессы, численность населения, рождаемость, смертность, урбанизация, миграция

Key words: demographic processes, population size, birth rate, mortality, urbanization, migration

Выявлены ключевые черты и особенности основных элементов характеристики населения Мордовии. Посредством их интерпретации составлен демографический портрет Республики Мордовия.

The key traits and features of the main elements of the characteristic of the population of Mordovia are identified. The demographic profile of the Republic of Mordovia is compiled by means of their interpretation.

Демографическая проблема — одна из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в Мордовии. В XX в. население республики пережило несколько демографических кризисов. Последний был вызван политико-экономической ситуацией 1990-х гг. Согласно расчетам специалистов, численность населения Мордовии за ближайшие 20 лет может сократиться на 200 тыс. чел. Для решения демографической проблемы необходимо выявить конкретные причины ее развития, а затем выработать стратегию для их преодоления. Важным элементом разработки такой стратегии является составление демографического портрета.

Изучение народонаселения территории, выявление его ключевых особенностей и черт — один из важных элементов составления характеристики, а впоследствии — географического образа региона. Это система тесно взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов, стереотипов, ярко и доступно характеризующих население ка-

ЯКУШКИН Александр Владимирович, аспирант кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета.

YAKUSHKIN Alexander Vladimirovich, Postgraduate at the Department of Economic and Social Geography, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

кой-либо территории (населенного пункта, региона, страны), составная часть географического образа региона.

Для составления демографического портрета региона был взят ряд показателей, характеризующих население: численность и динамика; интенсивность демографических процессов (рождаемость, смертность, естественный прирост, брачность и разводимость); расселение (плотность, урбанизация, миграция); возрастно-половой состав; этнический состав.

Численность населения Мордовии на 1 января 2014 г. составила 812,3 тыс. чел.¹ По этому показателю она занимает 60-е место среди субъектов Российской Федерации, 13-е место среди субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) и 11-е место среди республик Российской Федерации. Динамика численности населения Мордовии в сравнении с таковой в России весьма показательна. Если процесс депопуляции начался в начале 1990-х гг., а начиная с 2010—2011 гг. наметились положительные тенденции (прекращение депопуляции), то в Мордовии убыль населения началась еще в 1970-х гг., и в настоящее время стабильно продолжается. Наша республика единственная в Нечерноземной зоне России, где наблюдается такая тенденция. В этом заключается главная особенность динамики численности населения Мордовии.

Рождаемость в Мордовии составляет 9,99 ‰², что заметно ниже, чем в среднем по России (13,27 ‰)³ и по ПФО (13,27 ‰). По этому показателю Мордовия занимает 81-е место среди субъектов Российской Федерации (позади нее лишь Тамбовская и Ленинградская области), 14-е место среди субъектов ПФО и 21-е среди республик России. Рождаемость в Мордовии с начала 2000-х гг. стала расти, в 2013 г. она увеличилась по сравнению с данными 2002 г. в 1,3 раза (с 7,9 до 10,0 ‰).

Смертность в Мордовии составляет 14,57 ‰, что несколько выше чем в среднем по России (13,30 ‰) и ПФО (13,98 ‰). По этому показателю республика занимает 29-е место среди субъектов Российской Федерации, 4-е место среди субъектов ПФО и 2-е место среди республик России (после Карелии). Смертность в Мордовии в последние годы продолжает сокращаться, в 2013 г. она уменьшилась по сравнению с показателями 2002 г. в 1,1 раза (с 16,5 до 14,6 ‰).

Младенческая смертность в Мордовии составляет 8,0 ‰, что несколько ниже, чем в среднем по России (8,6 ‰), но выше, чем в ПФО (7,7 ‰). По этому показателю она занимает 49-е место среди субъектов Российской Федерации, 6-е место среди субъектов ПФО и 14-е среди республик России. Младенческая смертность в Мордовии в последние годы продолжает сокращаться, в 2013 г. она уменьшилась по сравнению с таковой в 2002 г. в 1,3 раза (с 10,6 до 8,0 ‰).

Естественный прирост населения в Мордовии составляет -4,58 ‰, что значительно ниже, чем в среднем по России (-0,03 ‰) и ПФО (-0,71 ‰). По этому показателю Мордовия занимает 69-е место среди субъектов Российской Федерации, 14-е место среди субъектов ПФО и 21-е место среди республик России. Естественный прирост в Мордовии с начала 2000-х гг. значительно вырос, а в 2013 г. по сравнению с данными 2002 г. превышение составило 1,9 раза (с -8,7 до -4,6 ‰).

Таким образом, в Мордовии идет процесс депопуляции, причем наблюдается высокая убыль населения даже относительно других субъектов Российской Федерации, особенно ярко это прослеживается среди республик Российской Федерации — из 21 республики только в трех (Мордовии, Карелии и Адыгее) наблюдается убыль населения. В этом заключается главная особенность интенсивности демографических процессов на территории Республики Мордовия.

Коэффициент брачности в Мордовии составляет 7,3 ‰, что заметно ниже, чем в среднем по России (8,5 ‰) и ПФО (8,4 ‰). По этому показателю республика занимает 76-е место среди субъектов Российской Федерации, 14-е место среди субъектов ПФО и 16-е место среди республик России. В последние годы коэффициент брачности в Мордовии стал расти, в 2013 г. он увеличился по сравнению с показателями 2002 г. в 1,2 раза (с 6,3 до 7,3 ‰).

Коэффициент разводимости в Мордовии составляет 3,8 ‰, что несколько ниже, чем в среднем по России (4,5 ‰) и ПФО (4,3 ‰). По этому показателю республика занимает 72-е место среди субъектов Российской Федерации, 11-е место среди субъектов ПФО и 11-е место среди республик России. Коэффициент разводимости в Мордовии в последние годы продолжает сокращаться, в 2013 г. он уменьшился по сравнению с таковым в 2002 г. в 1,6 раза

(с 5,9 до 3,8 ‰). Таким образом, в Мордовии брачность и разводимость характеризуются низкими показателями, свойственными, скорее, для республик Северного Кавказа. В этом заключается главная особенность брачности и разводимости населения Мордовии.

Плотность населения Мордовии составляет 31,09 чел./км², что в 3,7 раза выше, чем в среднем по России (8,40 чел./км²), и незначительно выше, чем по ПФО (28,68 чел./км²). По этому показателю Мордовия занимает 35-е место среди субъектов Российской Федерации, 8-е место среди субъектов ФПО и 11-е место среди республик России. Наиболее густозаселенными являются восточные, центральные и юго-западные районы республики.

Уровень урбанизации в Мордовии составляет 60,7 %, что заметно ниже, чем в среднем по России (74,2 %) и ПФО (71,4 %). По этому показателю республика занимает 67-е место среди субъектов Российской Федерации, 12-е место среди субъектов ПФО и 10-е среди республик Российской Федерации. При этом 36,7 % населения республики проживают в ее столице — Саранске. В этом заключается особенность расселения населения Мордовии.

Миграционный прирост в Мордовии в 2012 г. составил 3 143 чел. По этому показателю она занимает 60-е место среди субъектов Российской Федерации, 10-е место среди субъектов ПФО и 9-е место среди республик России. Коэффициент миграционного прироста (миграционный прирост за год на 10 тыс. чел. населения) в Мордовии составил -38, что намного ниже, чем в среднем по России (22) и по ПФО (-4). По этому показателю республика занимает 67-е место среди субъектов Российской Федерации, 13-е место среди субъектов ПФО и 11-е место среди республик Российской Федерации. Таким образом, для Мордовии характерен относительно высокий миграционный отток населения, что является еще одной особенностью.

Доли мужчин и женщин в Мордовии составляют 46,0 и 54,0 % соответственно, что практически равно показателям по России (46,3 и 53,7 %) и ПФО (46,0 и 54,0 %). По доле мужчин республика занимает 53-е место среди субъектов Российской Федерации, 7-е место среди субъектов ПФО и 13-е среди республик России, а по доле женщин — 31-е, 8-е и 9-е соответственно. Доли по возрастным группам (0—15,

16—59/54, 60/55 и более лет) в Мордовии составляют соответственно 14,5, 61,4 и 24,1 %. По сравнению с соответствующими показателями по России (16,5, 60,9 и 22,6 %), в Мордовии несколько выше доля 3-й группы и ниже — 1-й, а по сравнению с показателями ПФО (16,4, 60,5 и 23,1 %) практически идентичны. По доле 1-й группы Мордовия занимает 73-е место среди субъектов Российской Федерации, 13-е место среди субъектов ПФО и 21-е место среди республик Российской Федерации, по доле 2-й группы — 27-е, 2-е и 7-е соответственно, по доле 3-й группы — 31-е, 7-е и 1-е соответственно.

Средний возраст населения Мордовии составляет 40,7 года, что немногим выше, чем в среднем по России (39,2 года) и ПФО (39,5 года). По этому показателю республика занимает 23-е место среди субъектов Российской Федерации, 5-е место среди субъектов ПФО и 1-е место среди республик России. Таким образом, соотношение полов в населении Мордовии приблизительно соответствует среднероссийским параметрам, доля лиц моложе 16 лет самая низкая среди республик России, а доля лиц пенсионного возраста, напротив, самая высокая среди республик. Средний возраст населения Мордовии также один из самых высоких по России и среди республик. Эти черты являются главными особенностями возрастного-половой структуры населения Мордовии.

Этнический состав населения Мордовии выглядит следующим образом: 98,3 % населения республики составляют три национальности — русские (53,2 %), мордва (39,9 %) и татары (5,2 %). Причем доля мордвы с 2002 по 2013 г. увеличилась с 31,9 до 39,9 %, а доля русских снизилась с 60,8 до 53,2 %. По доле титульной нации Мордовия занимает среди национальных субъектов (республик, автономных округов и автономной области) 13-е место, в том числе среди субъектов, где титульный этнос не составляет большинства населения, — 3-е место, а среди финно-угорских регионов — 1-е место. Таким образом, в Мордовии относительно высока доля титульного этноса, особенно по сравнению с другими финно-угорскими регионами, но при этом невелика по сравнению с другими национальными регионами. Это главная особенность этнического состава населения Мордовии.

Рассмотрев основные показатели, характеризующие население республики, можно составить краткий демографический портрет Мордовии. Для региона характерен ряд демографических особенностей: небольшая численность населения; длительный процесс депопуляции, начавшийся с 1970-х гг. и вовсе не типичный для республик Нечерноземья; низкая рождаемость (одна из самых низких среди субъектов Российской Федерации); относительно высокая смертность и высокая убыль населения (особенно относительно других республик), что характерно для областей Центра, Северо-Запада и Севера европейской части России; низкие показатели брачности и разводимости; высокая средняя плотность населения и низкий уровень урбанизации, причем 60 % городского населения приходится на один город; высокий миграционный отток населения; соотношение численности мужчин и женщин, примерно равное среднероссийскому; низкая доля в возрастной структуре лиц моложе 16 лет и высокая в среднем возрасте населения, что опять же более характерно для областей Нечерноземья, чем для республик; высокая доля в этнической структуре титульной нации, но недостаточно большая для национальных республик.

В настоящее время во всех органах власти, на общественных форумах, в СМИ и в научном сообществе достигнуто понимание демографической ситуации в республике как крайне тяжелой, осознана необходимость проведения активной демографической политики¹. Следует отметить, что рост рождаемости в регионах в настоящее время надо связывать не только с успешной реализацией мер демографической политики, но и с благоприятной демографической «конъюнктурой» — изменением возрастной структуры, увеличением численности населения в репродуктивном возрасте и количества реализованных «отложенных» рождений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предварительная оценка численности населения на 1 января 2014 г. и в среднем за 2013 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 12.02.2014).

² Здесь и далее статические данные приводятся по: Мордовия: стат. ежегодник / под ред. И.В. Парамоновой. Саранск: Мордовиястат, 2013. 465 с.

³ Здесь и далее статические данные приводятся по: Демографический ежегодник России — 2013: стат. сб. / под ред. М.А. Дианова. М.: Росстат, 2013. 543 с.

⁴ См.: Логинова Н.Н., Пресняков В.Н., Семина И.А. и др. Социальные и экономико-географические исследования региона (на примере Республики Мордовия) // Вестн. Удмурт. ун-та. 2012. № 3. С. 127—136.

Поступила 26.05.2014.

A. V. Yakushkin. Demographic Image of a Region

The demographic problem is one of the most important in Mordovia. To solve the demographic problem, a strategy must be developed. The demographic profile is its important element. Indicators of population size and dynamics, intensity of demographic processes (birth rate, mortality, natural increase, marriage and divorce rates), resettlement (density, urbanization, migration), age-sex composition, and ethnic composition are used in its compilation. After reviewing and analyzing them, a brief demographic profile of Mordovia can be compiled.

The Republic of Mordovia has the following demographic characteristics: small population size, a long process of depopulation which began in the 1970s and which is not typical of the republics in the non-black soil area; low birth rate (one of the lowest among the subjects of the Russian Federation), relatively high mortality and relatively high population loss (especially relative to the other republics) which is typical for the areas of the Central, North-West and North of the European part of Russia; low rates of marriage and divorce; high population density and low levels of urbanization though 60 % of the urban population accounts for one city; high migration outflow of the population; the ratio of men to women is approximately equal to the national average; low proportion in the age structure of people under the age of 16 and high in the middle age of the population, which is, again, more typical for the non-black soil area regions than for the Russia's republics; high proportion of the titular nation in the ethnic structure which is not big enough, though, relative to the other ethnic republics.

At present, the gravity of the demographic situation in the Republic of Mordovia is understood, and the need for active state demographic policy is recognized.

Т. М. ДАДАЕВА

С. Г. УШКИН

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: PRO ET CONTRA

Ключевые слова: власть, политика, общество, гендер, мужчины, женщины
Key words: power, politics, society, gender, men, women

На основе статистических данных и результатов социологических исследований по России и по Республике Мордовия анализируется реальное участие женщин в органах власти и управления, отношение населения к необходимости социально-политической активности женщин, устанавливаются факторы, оказывающие влияние на участие женщин в политике, выявляются показатели, определяющие ответы респондентов.

Basing on the analysis of statistical data and results of sociological research on Russia and the Republic of Mordovia the real participation of women in government and administration is analyzed, as well as the attitude of the population to the need for socio-political activity of women and the factors influencing participation of women in politics; the indicators determining the respondents' answers are identified.

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

УШКИН Сергей Геннадьевич, аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

DADAeva Tatiana Mikhailovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

USHKIN Sergei Gennadievich, Postgraduate at the Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Советской идеологией декларировалось равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни общества, хотя в действительности государственной властью обладали исключительно мужчины. В постсоветский период в России был провозглашен курс на либерализацию и демократизацию государства, но проблема гендерного неравенства так и не была решена. Данные статистики о представленности женщин в органах власти и управления РФ, а также результаты ряда социологических исследований¹ наглядно демонстрируют гендерную асимметрию по критерию включенности женщин в политическую жизнь общества.

В Докладе о гендерном разрыве Всемирного экономического форума за 2013 г., Россия занимает 94-е место по представленности женщин в парламенте (соотношение женщин и мужчин — 14 и 86 %). По этому параметру лидируют Куба (49 и 51 %), Швеция (45 и 55 %), Сенегал (43 и 57 %), Финляндия (42 и 58 %) и Южная Африка (42 и 58 %). Вторым критерий — представленность женщин на министерских постах. Здесь в первую пятерку входят Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия и Кабо-Верде. Россия находится на 63-м месте (16 и 84 %)².

Анализ базируется на результатах исследования «Резервы гармонизации социальных отношений финно-угорских регионов в Приволжском федеральном округе (социологическая экспедиция)», осуществленного в 2011 г. кафедрой социологии Мордовского государственного университета при поддержке РГНФ (грант № 11-03-1801е). Был проведен массовый опрос жителей трех республик — Мордовии, Марий Эл и Удмуртии ($n = 801$, статистическая погрешность не превысила 6 %). Критериями репрезентативности выборки выступили пол, возраст, национальность и место проживания опрашиваемых. Также был сделан вторичный анализ результатов сравнительного исследования «Женщины и политика», выполненного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1998 и 2011 гг. ($n = 1\ 600$, статистическая погрешность не превышает 3,4 %)³. Инициативный опрос был выполнен в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России.

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации доля женщин не превышает 15 %, а в составе Правительства России из 30 чел. две женщины — заме-

стителю Председателя Правительства России по социальным вопросам О. Ю. Голодец и министр здравоохранения В. И. Скворцова. Необходимо отметить, что обе должности по своей направленности представляют так называемые «женские» должности, обязанности которых всегда ассоциируются с женской ролью, поскольку выполняются изо дня в день в семейной сфере (забота о близких, уход за больными и т. д.). Из 85 глав субъектов Российской Федерации только три женщины. Тем не менее эту тенденцию можно назвать большим прорывом, поскольку еще в 2006 г. среди глав регионов не было ни одной женщины.

Схожая ситуация фиксируется в Республике Мордовия: в Государственном Собрании пятого созыва из 50 депутатов 5 женщин. В составе правительства из 25 чел. одна женщина (председатель Государственного комитета Республики Мордовия по делам молодежи). Локомотивом продвижения женщин в политику сегодня выступает правящая партия — «Единая Россия», однако она осуществляет свою политику в «соответствии с требованиями традиционной российской государственности, опирающейся на бюрократию и не допускающей усиления воздействия других социальных групп, в том числе представителей институтов гражданского общества»⁴. Следствием этого выступает тот факт, что российская политика на федеральном и региональном уровне представляет по своей сути закрытый «мужской клуб», куда женщины проникают крайне редко.

Статистические данные по представленности женщин в государственной власти и управлении Российской Федерации на протяжении последних десяти лет показывают, что 70 % госслужащих России — женщины, но при этом менее одного процента из них занимают руководящие должности⁵. Следовательно, на институциональном уровне наблюдаются вертикальная гендерная сегрегация в отрасли управления и гендерная асимметрия в высших эшелонах власти по сравнению с гендерным составом населения.

Обратимся к результатам сравнительного социологического исследования ВЦИОМ «Женщины и политика».

Интерпретация полученных данных может быть связана с тезисом, что в периоды кризисов женщины активно включаются в общественно-политическую жизнь социума и общество также одобряет это включение (применитель-

но к данным за 1998 г., это год дефолта, каждый второй респондент высказался за увеличение числа женщин в политике), а в периоды стабильности демонстрируют приверженность традиционным ценностям и установкам (2011 г. чуть более трети опрошенных россиян (37 %) заявили о том, что женщин-политиков должно быть больше). В 2011 г. российское общество находилось в стадии стабилизации, ответы респондентов относительно необходимости участия женщин в общественной и политической деятельности более негативны, чем в 1998 г.

Важным аспектом вторичного анализа данных выступило изучение отношения к участию женщин в политике в зависимости от политических предпочтений респондентов. Рассмотрим гендерную структуру Государственной Думы шестого созыва в зависимости от партийной принадлежности: «Единая Россия» — 40 женщин (17 % по партии), КПРФ — 4 (4 %), ЛДПР — 5 (9 %), «Справедливая Россия» — 10 (16 %).

Данные опроса ВЦИОМ в 2011 г. показали, что за увеличение участия женщин в политике наиболее активно выступил электорат КПРФ (44 %), Справедливой России (42 %) и Единой России (38 %), сторонники Яблока составили 29 %, ЛДПР — 24 %. Среди тех, кто выступает за уменьшение количества женщин (22 %), больше всего потенциальных избирателей ЛДПР. Среди них также больше тех, кто считает, что женщины не должны участвовать в политике в принципе (15 %).

По мере перехода от левых взглядов к правым интенсивность запроса на женщину-политика поступательно снижается. Следует отметить, что многие из стран-лидеров по количеству женщин в высших представительных органах характеризуются активной деятельностью левых партий, которые более чувствительны к проблемам неравенства в целом и в большей степени отвечают потребностям во власти малых групп⁶. КПРФ не представляет женщинам достаточно мест по партийным спискам. Вероятно, патриархальная идеология лидеров партии доминирует над партийной. При этом большая часть женщин-депутатов в Государственной Думе четвертого, пятого и шестого созывов представлена членами партии власти — «Единая Россия»: 28 женщин из 44 (выборы 2003 г.), 48 из 65 (2007 г.), 42 из 61 (2011 г.)⁷.

Можно предположить, что в России принадлежность к партии власти для женщин-кандидатов является благоприятным условием для прохождения в парламент.

При рассмотрении отношения населения к социально-политической активности женщин по результатам социологического исследования в Мордовии в качестве индикаторов выступали текущие и перспективные оценки участия женщин в общественной и политической жизни: 38 % респондентов склонны считать, что участие женщин в политике является недостаточным; 37 % придерживаются обратного мнения. Выбор того или иного ответа коррелирует с полом респондента: текущее состояние дел чаще всего устраивает мужчин, но не устраивает большинство женщин. Распределение ответов респондентов по уровню образования демонстрирует другую значимую корреляцию: чем выше образовательный статус, тем больше тех, кто считает, что женщин в общественно-политической жизни Мордовии недостаточно.

Согласно полученным данным, почти каждый второй респондент (44 %) считает необходимым участие женщин в политике. Однако более трети опрошенных жителей (38 %) склоняются к мнению о том, что это необходимо лишь в некоторых случаях. Каждый десятый, большинство из которых мужчины, полагает, что политика и общественная деятельность — не женское дело. Женщины чаще мужчин высказываются о необходимости участия женской гендерной группы в политике (53 % считают участие необходимым, 37 % — необходимым в некоторых случаях). У мужчин эти показатели составляют 33 и 39 % соответственно.

При повышении возраста увеличивается степень одобрения активного участия женщин в общественной и политической жизни. В частности, в группах респондентов до 45 лет примерно каждый третий высказывается о необходимости социально-политической активности женщин; среди 45—59-летних такого мнения придерживается каждый второй респондент (49 %); среди людей от 60 лет и старше — две трети (67 %).

В настоящее время высшие эшелоны власти в России по количеству в них женщин значительно уступают многим развитым странам и не отражают гендерного состава населения в целом. Близкие значения фиксируются и в органах власти и управления на уровне субъектов РФ. Интеграция женщин во властные структуры является низкой.

Готовность социума к положительной оценке роли женщин в общественной и политической жизни страны пока недостаточно высока. Россия относится к тем странам, где проблема гендерной асимметрии в политической сфере остается острой. Во многом это связано с отсутствием национального механизма по преодолению гендерного неравенства на государственном уровне. Гендерный баланс в органах власти и управления — это необходимое условие демократического устройства. Важным шагом в продвижении женщин в российской политике, на наш взгляд, может выступать введение гендерной квоты на уровне выдвижения кандидатов в депутаты по партийным спискам, как это существует во многих европейских странах. При этом политические партии в России должны не только декларировать создание квот для женщин в партийных документах, но и реализовывать их.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дадаева Т.М. Гендерная структура современного российского общества: реальность и тенденции развития. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 269 с.; Ее же. Гендерное неравенство в оценках жителей финно-угорских республик России (социологический анализ) // Изв. высш. учеб. завед. Поволж. регион. Обществ. науки. 2012. № 4. С. 67—73; Кочкина Е.В. Представленность женщин в российских органах власти // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 173—183; Лошакова Ю.П. Региональные особенности гендерного неравенства // Социол. исслед. 2013. № 5. С. 134—137; Нипорка Е.В. Общественное мнение о женщинах в политике: современная ситуация // Женщина в рос. об-ве. 2007. № 3. С. 76—79.

² См.: The Global Gender Gap Report 2013. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf (дата обращения: 21.11.2013).

³ См.: Женщины и политика. Пресс-выпуск № 1804. ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=111787> (дата обращения: 11.06.2013).

⁴ Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Москов. учебники и Картолитография, 2008. С. 73.

⁵ См.: Каталог публикаций: Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_m (дата обращения: 19.02.2013).

⁶ См.: Matland R., Studlar D. The Contagion of Women Candidates in Single-Member District and Proportional Representation Electoral Systems: Canada and Norway // J. of Politics. 1996. Vol. 58. № 3. P. 707—733.

⁷ См.: Женщины и мужчины России — 2004: стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 181; 2007. С. 224; 2008. С. 253; 2011. С. 243.

Поступила 28.08.2014.

**T. M. Dadaeva, S. G. Ushkin. Women
in Politics and Public Life: Pro et Contra**

The Soviet ideology declared equality of men and women in all spheres of public life, although, in reality, only men possessed the state power. In the post-Soviet period, the policy of liberalization and democratization of the state was proclaimed in Russia, but the problem of gender inequality was never solved. Statistics on women's representation in the government and management of the Russian Federation, as well as the results of a number of sociological studies demonstrate the gender asymmetry according to the criterion of inclusion of women in political life of the society.

The interpretation of the obtained data may be related with the thesis that in times of crisis women are actively involved in social and political life of the society, and the society also approves this inclusion (in relation to the data for 1998, the year of the default, every second respondent was in favor of the increasing number of women in politics), and in periods of stability women demonstrate their commitment to traditional values and attitudes (in 2011, slightly more than a third of the surveyed Russians (37 %) stated that there should be more women politicians). In 2011, the Russian society was in the stage of stabilization, and the answers of the respondents on the need for women's participation in public and political activities were more negative than in 1998.

Today, the number of women in the highest echelons of power in Russia is significantly smaller than in many developed countries and it does not reflect the gender composition of the population. Similar values are recorded in the government and management bodies at the level of the subjects of the Russian Federation. Willingness of the society to make a positive evaluation of the role of women in public and political life of the country is not yet high enough. Russia is among those countries where the issue of gender asymmetry in the political sphere remains urgent. This is largely due to the lack of a national mechanism to overcome gender inequality at the state level. In our opinion, introduction of gender quotas at the level of nomination of candidates on party lists, as it exists in many European countries, can become an important stage in the promotion of women in Russian politics.

Е. В. НЕДОСЕКА

В. В. ВОЛКОВ

**МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ г. МУРМАНСКА¹**

Ключевые слова: ментальная карта, ментальная репрезентация пространства, социальное пространство города

Key words: mental map, mental representation of space, social space of a city

В статье представлены результаты социологического исследования, выполненного посредством метода ментальной карты. Приводится анализ категорий «образ города» и «ментальная карта». Дан анализ ментальных карт студенческой молодежи г. Мурманска.

The paper presents the results of a sociological study conducted by means of the mental map method. The authors analyze the categories of the image of a city and of the mental map. The analysis of the students' mental maps of the city of Murmansk is presented.

НЕДОСЕКА Елена Владимировна, доцент кафедры социальных наук Мурманского государственного гуманитарного университета, кандидат социологических наук.

ВОЛКОВ Владимир Валентинович, доцент кафедры истории и социологии Мурманского государственного технического университета, кандидат социологических наук.

NEDOSEKA Elena Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences, Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russian Federation).

VOLKOV Vladimir Valentinovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of History and Sociology, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation).

Социальное пространство города в течение длительного времени является предметом изучения различных научных направлений, таких как архитектура, география, социология, психология и др. Само понятие включает особенности организованного взаимодействия людей, в процессе которого формируется представление о городе, складываются типы отношений и взаимоотношений между людьми, образ другого человека. В современных научных исследованиях социального пространства городской среды все большую популярность приобрели такие категории, как «образ территории» и «ментальное картографирование». В этих научных изысканиях проблема восприятия городской среды ее населением приобретает особое значение.

Категория «образ города» широко представлена в трудах зарубежных² и отечественных³ авторов. Основной акцент исследователи делают на тех или иных структурно-содержательных характеристиках образа города, в соответствии с которыми даются различные определения этого понятия и типы классификаций. Необходимо отметить, что, с одной стороны, образ города создается городской средой, которая формирует менталитет горожан посредством комплекса географических, социальных, экологических и социальных факторов. С другой стороны, он складывается из ментального представления его жителей об организации пространства города, который в свою очередь опосредован системой социальных представлений, конструкций и транслируемых ценностей. Это субъективные переживания и восприятие, наполненные личностным опытом горожан.

В исследованиях образа территории (города) особая роль отведена картографическим методам. Они предполагают анализ и изучение географических образов, которые можно исследовать через составление карт или иных геоизображений (картоидов, анаморфоз) как наглядной интерпретации, отражающей особенности восприятия пространства отдельными людьми или социальными группами. Одним из основных носителей пространственного образа территории в сознании человека и одновременно методом обработки этого образа выступает *ментальная карта*. Для социолога ментальные карты — это исследовательский метод и одновременно продукт его применения⁴.

Важным методологическим аспектом является то, что образ города — это отражение индивидуальных и коллективных представлений. В этом контексте ментальная карта выступает как групповой образ города, который сочетает элементы образа, свойственные каждому из тех, кто внес в него свой вклад. С. Милграм отмечает, что при анализе ментальных репрезентаций распознаются основные составляющие собирательного образа, то общее, что свойственно разным людям⁵.

Классический опыт использования ментальной карты в анализе образа города представляет работа К. Линча «Образ города»⁶. Он определял образ города как некоторую гигантскую пространственную конструкцию, восприятие которой фрагментарно, ситуативно и обусловлено временными показателями. Исследование образа города имеет задачу теоретически обосновать градостроительную деятельность, направленную на понимание жителями городского ландшафта, его читаемость. Она зависит от вообразимости, т. е. такого качества материального объекта, которое может вызвать сильный образ в сознании произвольно выбранного наблюдателя (например, Венеция обладает высокой степенью вообразимости). К. Линч разделяет персональный образ города (воспоминания индивида и приписываемые им значения) и общественный образ. Формирование образа — это двусторонний процесс, объединяющий наблюдателя и наблюдаемое. Сама вообразимость (воображаемость) складывается из трех компонентов образа города: опознаваемость (идентичность), структура (пространственные отношения), значение (эмоциональные переживания субъекта).

Также исследователь выделил пять основных элементов образа города: пути, границы, районы, узлы и ориентиры. *Пути* — это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы. Для многих это преобладающие элементы образа: люди обзревают город, двигаясь по нему. *Границы, или края*, понимаются как линейные элементы окружения, которые наблюдатель не использует в качестве путей. Это берега, края жилых районов, стены. *Районы* выступают как части города, двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит изнутри. Они

обладают общим, распознаваемым характером. Пути или районы являются главными элементами образа. Это зависит от личности и характера каждого города. Узлы — это места или стратегические точки города, в которые наблюдатель может попасть и от которых может двигаться. Это места слияния путей, перекрестки, места концентрации каких-то функций, особенности облика. Узлы имеют символические значения. Ориентиры являются точечными элементами, наблюдатель в них не входит, они остаются внешними по отношению к нему. Здание, знак, витрина, гора. Элементы накладываются один на другой, взаимопроникают и создают целостный образ города.

Работы К. Линча положили начало традиции исследования образа города посредством ментального картографирования. Последующий рост исследовательского интереса к ментальной репрезентации и картографированию детерминировал разноплановые методологические особенности при работе над данными категориями.

Эмпирическое исследование ментальной репрезентации пространства города мы проводили в феврале — марте 2014 г. Предметом исследования выступали ментальные карты студенческой молодежи г. Мурманска. Информантом стал 121 студент Мурманского государственного гуманитарного университета (МГГУ) и Мурманского государственного технического университета (МГТУ). В исследовании использовался метод графического изображения территории. Сбор данных проводился в учебных аудиториях, где студентам были выданы листы формата А4 с просьбой изобразить свой город. В процессе выполнения задания студенты самостоятельно выбирали средства рисования. Процедура выполнения заданий проходила в присутствии исследователя.

Прежде чем перейти к анализу ментальных карт информантов, необходимо уточнить значение ряда категорий. Под категорией «город» мы будем понимать городскую среду существования его жителей, являющуюся соотношением людской деятельности и пространственно-объектного окружения. Социальное пространство города рассматривается как символическое наполнение и определение его социально значимых свойств. Частной, локальной составляющей социального пространства является совокупность объектов природно-климатического, географического и социально зна-

чимого характера, которые представляют систему взаимно соотносящихся «элементарных смысловых комплексов» — мест, с которыми у человека есть связь в виде отношений, историй и идентификации⁷.

Анализ графических изображений, выполненных информантами, позволил разделить все изображения на четыре типа. Эта типология изображений заимствована у Е. И. Виноградовой⁸.

Первый тип изображений — фрагментарная карта, содержащая элементы реальной карты города, оторванные от всей остальной городской структуры. Второй — фрагментарно-целостная карта, состоящая из одного или нескольких подробно прорисованных участков города, которые были вплетены в общегородскую структуру. Третий — условно целостная карта, представляющая лишь схематичное расположение некоторых районов города относительно друг друга. При этом на таких картах было нанесено очень мало конкретных объектов. Четвертый — фронтальная карта — изображения города, которые с трудом можно причислить именно к картам. Они состояли из совокупности городских объектов, никак не соединенных в рисунке между собой. Частота встречаемости типов карт такова: фрагментарная — 3 % от общего числа, фрагментарно-целостная — 11 %, условно-целостная — 14 %, фронтальная — 72,5 %.

Процентное соотношение при анализе ментальных карт свидетельствует о преобладании фронтального типа. По сути, этот тип графического изображения является упрощенным, искаженным изображением — картоидом. Такие карты отражают особенности восприятия информантами территории г. Мурманска с нанесением на рисунок объектов, наиболее значимых с точки зрения эмоциональности, референтности и идентичности.

Анализ восприятия объектов городской среды позволяет считать информацию о городе: представления о его структуре, наиболее значимых объектах — это своего рода пространственные и социальные доминанты территории, обладающие «максимальным весом». Вся остальная информация о городе, независимо от того, несет ли она пространственные или социальные его характеристики, организуется вокруг этой «доминанты».

Все нанесенные на карты объекты условно можно классифицировать по следующим основаниям: природно-климатические особенности, географические объекты, архитектурные объекты и объекты социально значимого характера, связанные с различными видами социальной деятельности.

Переходя к анализу природно-климатических особенностей, необходимо акцентировать внимание на прослеживании особой северной идентичности информантов. В большинстве изображений (частота встречаемости — 52) фигурирует представление о территории, неразрывно связанное с такими природно-климатическими особенностями города, как полярный день и полярная ночь, снег, северное сияние, зима, сопки. Это представление также находит отражение в восприятии пространства информантами: например, наличие на рисунках изображения иллюминации города (фонарные столбы, ночные дороги, где авторы акцентировали внимание на иллюминационных растяжках, которые размещены в центре города и включаются в период полярной ночи). Изображения северных животных (оленей, медведей, рыбы) также можно отнести к трансляции северной идентичности. Природа в качестве объекта восприятия территории города нашла отражение в рисовании сопки (частота встречаемости — 39) и деревьев (39).

Из географических объектов в подавляющем большинстве карт изображены залив, городские озера (частота встречаемости — 95). Учитывая географическую особенность города (вытянутость вдоль залива), понятна популярность этого образа в ментальных представлениях молодых людей. Залив — это образ, порождающий цепочку ассоциаций, которые также нашли отражение в графических изображениях информантов. Например, морской порт (частота встречаемости — 46); корабли (43, среди них с указанием наименований: ледокол «Ленин» — 5 и барк «Седов» — 2 [основные достопримечательности, связанные с образом залива]); мосты (частота встречаемости — 14).

Архитектурные объекты также представлены молодыми людьми в ментальной репрезентации г. Мурманска. К объектам этого типа мы отнесли памятники, здания, центральную площадь, храмы, дороги. Наиболее популярными в ментальных представлениях информантов являются:

— мемориалы: памятник защитникам советского Заполярья, называемый «Алёша» (частота встречаемости — 31), и мурманский маяк «В память о погибших в мирное время моряках» (частота встречаемости — 15);

— здания гостиницы «Арктика» (20), железнодорожного вокзала (частота встречаемости — 16), гостиницы Меридиан (частота встречаемости — 7). В большинстве карт фигурируют такие объекты, как дома (однотипные жилые постройки спальных районов города);

— центральная площадь города «Пять углов» (частота встречаемости — 19). Изображение центральной площади на картах является еще и прямой ассоциацией с центром города как основополагающей точки, некой доминанты, несущей определенные пространственные и социальные характеристики;

— храмы (частота встречаемости — 15). На 14 рисунках изображена одна из основных достопримечательностей и объект туристического значения в городе — храм Спаса на водах. В одном случае это изображение костела;

— дороги (частота встречаемости — 47). Можно утверждать, что этот объект тесно переплетается с географическим основанием анализа. Вытянутость города вдоль залива свидетельствует о наличии одной-двух (в зависимости от района) центральных дорог, где одна дорога фактически перетекает в другую, места этих пересечений являются границами административных округов города. Например, проспект Кольский, будучи центральной автодорогой Первомайского административного округа, плавно переходит в Октябрьском административном округе в другие два проспекта — Ленина и Кирова, а эти два проспекта, пересекаясь, выступают границей Ленинского административного округа и соединяются в еще одну центральную улицу — им. Челюскинцев. Другой частотой встречаемости, связанной с употреблением объекта «дороги», является общественный транспорт (частота встречаемости — 14). В этом контексте такое явление последних лет в городской жизни, как автомобильные пробки не были зафиксированы ни на одной карте. Можно предположить, что данное обстоятельство связано с возрастом и статусом информантов, поэтому наиболее актуальный объект в этом случае — общественный транспорт.

Необходимо отметить, что архитектурное разнообразие характерно только для центра города как исторической части, поскольку именно здесь сосредоточена основная часть памятников, зданий, построенных в 50-е гг. XX в., центральная площадь. Мурманск как город есть продукт индустриализации советского периода. Дата основания города — 1916 г., а освоение его жизненного пространства и массовое заселение приходится на вторую половину XX в. Активная застройка спальных районов велась здесь в 70-х гг. XX в. По этой причине все районы города, кроме центра, визуально с трудом отличаются друг от друга, массовое строительство серийных домов наложило определенный отпечаток на архитектурный образ г. Мурманска, что также нашло свое отражение в ментальной репрезентации его пространства.

К социально значимым были отнесены объекты, связанные с различными видами социальной деятельности информантов: здания университетов, школ, торгово-развлекательные центры, магазины, кинотеатры, заведения общепита, спортивные объекты. Наиболее популярные объекты по этому основанию для информантов — университеты и школы (частота встречаемости — 22), торгово-развлекательные центры и магазины (частота встречаемости — 17). Популярность упоминаний объектов образовательного значения связана с референтностью информантов, характерной для данного этапа их жизни. Встречаемость торгово-развлекательных центров и магазинов, скорее всего, является свидетельством набирающего обороты в молодежной среде вида досуговой деятельности — шопинга. Наименьшее количество встречаемости набрали спортивные объекты (частота встречаемости — 6), места общественного питания (частота встречаемости — 3), ночные клубы (частота встречаемости — 2).

Опираясь на типологию элементов образа города, предложенную К. Линчем, полученные ментальные карты можно проанализировать, опираясь на ряд аспектов, которые он выделяет. Условно их можно разделить на субъектные, вытекающие из опыта индивида, и абстрактные. Субъектно ориентированные аспекты включают опознаваемость (насколько отдельное место различимо среди других), структуру (соотнесенность объекта с наблюдателем и другими объектами), практическое или эмоциональное значение ме-

ста для информанта (абстрактные аспекты базируются на пяти основных элементах, описанных ранее [путь, ориентир, граница, узел, район]).

Переходя к анализу субъектно ориентированных характеристик образа Мурманска, необходимо обозначить, что опознаваемость проявляется в том, что «очевидная структура» города схватывается сразу. На картах информантов, как правило, присутствуют объекты, позволяющие считать наиболее доминантные объекты города — залив, площадь «Пять углов», памятники архитектуры, торговые центры, транспорт. Вместе они образуют сеть — единство элементов, которые при всех своих различиях оказываются рядомположенными, «завязанными» друг на друга. В этом расположении четко читается структура, районирование города.

Соотнесенность объектов с наблюдателями прослеживается весьма условно: в незначительном количестве карт можно подчеркнуть попытки некоторого субъективного нарратива информанта, через которые обнаруживаются объекты личной значимости. Например, в данном контексте внимания заслуживает карта, где информант изображает район своего проживания с обозначением следующих объектов: дом, место пробежки, остановка, дорога, университет. Или карта еще одного из наших информантов, в которой представлен подробный вид из окна с обозначением залива, близлежащих домов и гаражей с припиской «гаражи, в которых мы играли в детстве». Это примеры изображения мест с практической и эмоциональной значимостью.

Переходя к анализу абстрактных характеристик образа города, отметим, что наиболее значимыми для информантов элементами являются ориентиры и пути. 78 объектов на картах отражают точечные элементы пространства, такие как здания, сопки, корабли, витрины и др. Этот элемент является преобладающим в ментальной репрезентации информантов. На втором месте пути — улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги. На третьем — границы, или края, те линейные элементы окружения, которые наблюдатель не использует в качестве путей (края жилых районов, стены). Все перечисленные элементы четко представлены в ментальных картах.

На четвертом месте — районы и узлы. Это части города, двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мыслен-

но входит изнутри. Они обладают общим распознаваемым характером. Узлы выступают в качестве стратегических точек города, в которых наблюдатель может попасть и от которых может двигаться. Это места слияния путей, перекрестки, места концентрации каких-то функций, особенности облика. Они имеют символические значения. Можно предположить, что эти элементы оказались на последнем месте по причине географических особенностей города, о которых мы уже упоминали: вытянутость вдоль залива, линейная протяженность города не отягощает восприятие пространства Мурманска.

Подводя итоги анализа частоты встречаемости объектов, мы отмечаем, что наиболее значимыми для информантов объектами города являются те, которые выделены по природно-климатическим, географическим и архитектурным основаниям. Можно констатировать, что именно через объекты этих оснований транслируется городская идентичность информантов. Необходимо отметить, что только в одной из ментальных репрезентаций представителей студенческой молодежи было отмечено место сакрального значения для информанта — «гаражи, где мы в детстве играли». В основном ментальные карты отражают объекты, связанные с географическими особенностями территории и архитектурными объектами туристического значения. Это свидетельствует о проблеме идентичности наших информантов: отсутствие сакральных точек в географии города — признак отсутствия укорененности молодежи. Такое основание подтверждается данными статистики и другими социологическими исследованиями, выявляющими высокие показатели миграционных процессов и повышенные миграционные настроения и установки жителей г. Мурманска и Мурманской области.

В заключение отметим, что в любой карте переплетаются личностное видение, уникальный жизненный мир информанта с общими, по крайней мере для этой социальной группы, социокультурными матрицами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-13-51001 «Жизненные стратегии и инновационный потенциал молодежи Мурманской области».

² См.: Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с.

³ См.: Виноградова Е.И. Представление о ментальных картах города Екатеринбурга. URL: http://archvuz.ru/2006_22/31 (дата обращения: 02.05.2014); Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5—30.

⁴ См.: Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 146 с.

⁵ См.: Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб: Питер, 2000. 335 с.

⁶ См.: Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

⁷ См.: Орлова В.В., Иванова Е.С. Ментальные образы города Томска (на примере студентов университета) // Вестн. СПбГУ. 2014. Сер. 12. Вып. 1. С. 99—108.

⁸ См.: Виноградова Е.И. Представление о ментальных картах города Екатеринбурга. URL: http://archvuz.ru/2006_22/31 (дата обращения: 02.05.2013).

Поступила 27.06.2014.

E. V. Nedoseka, V. V. Volkov. Mental Representation of the Youth Space in the City of Murmansk

City, urban space and urban lifestyle — these are the categories located at the intersection of different sciences and fields ranging from psychology to architecture, from sociology to urban planning and management. A mental map of a city is a visualized image of an urban space and its graphical representation. Mental maps allow to understand how citizens perceive their city in terms of urban identity, how they evaluate urban routes, attractiveness of facilities, how subjectivity influence their attitude to the boundaries of districts, how the items on the maps of the city are classified, and to explore such 'urban' states as those of 'anomy', 'alienation', 'involvement', 'apathy', 'city stress', etc.

In terms of the analysis of the state of urban identity, the study of the mental representation of the image of the city is topical. Consequences of the socio-economic transformation for a region and for the cities in the Kola Polar Region in particular had an effect on the change of the image of the North territories. Both the increased migration outflows and the public mood affect the attractiveness of the city of Murmansk. The study of the image of the city represented by the youth, being the most socially active demographic group, is a barometer of opinions and a ratio indicator of self-correlation with their living space in the city. Analysis of mental maps compiled by the youth in the city of Murmansk indicates absence of their sacral or emotional attachment to any object in the city.

В. М. СИДОРКИНА   Н. С. ПОЛУТИНА

ЦЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Ключевые слова: виртуальное сообщество, интернет-технологии, социальные ценности, иерархия ценностей, ценностные предпочтения, социологический опрос

Key words: virtual community, Internet technology, social values, hierarchy of values, value preferences, survey

В статье анализируются особенности ценностного набора и ценностных приоритетов в сообществе активных пользователей интернет-сетей.

The paper analyzes the features of the value set and value priorities in the community of active users of the online networks.

Проблема ценностных ориентаций традиционно актуальна в силу того, что отражает векторы явных и латентных процессов, происходящих в обществе, приобретает особую значимость в его транзитивных состояниях. Причем тран-

СИДОРКИНА Валентина Михайловна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

ПОЛУТИНА Наталья Сергеевна, психолог психологической службы Управления по внеучебной работе Мордовского государственного университета.

SIDORKINA Valentina Mikhailovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

POLUTINA Natalia Sergeevna, Psychologist at the Psychological Service of the Extracurricular Work Department, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

зитивность имеет сложный многоярусный характер, охватывающий все стороны общественного бытия, но содержание и скорость изменений неодинаковы в разных социальных слоях. В ходе этих масштабных трансформаций во всех сферах социальной жизни возникают новые проблемы и обостряются старые. Как и в любой другой переходный период, усиливается противостояние между традиционными и инновационными ценностями.

Одним из наиболее активных акторов общественной жизни выступает виртуальное сообщество. Его членами становятся люди, свободно владеющие современными информационными технологиями и устанавливающие многочисленные и разнообразные связи, взаимодействия, межличностные отношения в глобальной сети.

Выявлению специфики ценностных ориентаций виртуального сообщества было посвящено социологическое исследование, которое может быть презентовано в качестве пилотажного как с точки зрения разработанного исследовательского аппарата, так и с точки зрения полученных результатов — новых, интересных и в то же время требующих дополнительных более широких опросов. Исследование проводилось в марте — апреле 2014 г. На первом этапе осуществлялся экспертный опрос. В качестве экспертов были привлечены люди, профессионально занимающиеся организацией виртуального сообщества, т. е. комьюнити-менеджеры в сфере управления и организации виртуальных сообществ (16 чел.). На основе типологизации, выявленной на этом этапе строился массовый опрос. Опрашивались студенты пяти факультетов и институтов Мордовского государственного университета по гуманитарным, естественно-научным и техническим направлениям подготовки с разной степенью включенности в виртуальное общество ($n = 200$ чел.).

По степени включенности в виртуальное общество респонденты были разделены на три группы: не включенных в виртуальное общество (таких среди опрошенных было 36,5 %), частично включенных (25,5 %) и полностью включенных (38,0 %). В целом все опрошенные были в достаточной степени приобщены к культуре виртуального общения, что и позволило обозначить их как виртуальное сообщество.

Результаты проведенного исследования выявили некоторые особенности ценностных предпочтений по сравнению с

проводившимися ранее опросами населения в рамках мониторинга «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии 1994—2011 гг.». Эти различия проявились как в иерархии предпочтений, так и в акцентировании ряда ценностей, мало значимых в опросах «Резервы гармонизации...». Предложенный набор ценностей оказался иерархизированным (по степени убывания) следующим образом: образование, работа, деньги, здоровье, друзья, безопасность, развлечения, семья, власть, свобода, творчество, самоуважение, патриотизм, взаимопомощь, свободное время, доброта и сострадание, уважение окружающих, справедливость, религия.

Наиболее значимыми ценностями виртуального общества являются образование и работа. На них указали более 50 % респондентов. Затем следуют одинаковые по значимости (более 45 %) деньги и здоровье. На пятом месте находятся друзья (44 %). Эти ценности, учитывая незначительные различия в количестве их выборов, можно рассматривать как ценности первого уровня. В мониторинге первые места традиционно отдавались базовым ценностям — здоровью, семье, затем шли безопасность, друзья, деньги, работа. Именно в таком порядке определялась приоритетность.

Как видно, для виртуального сообщества набор ценностей несколько иной, и совсем другая их иерархия. В шестерку главных включается образование. Более того, оно в сообществе получает максимальную оценку и занимает первое место. Зато семья вытеснена на восьмое. В значительной мере такой характер ранжирования определяется тем, что опрашивалась учащаяся молодежь, главным делом которой образование и является. Однако косвенно это свидетельствует и о том, что получение образования для студентов — осознанный и значимый (весьма значимый) выбор, доминанта ценностных ориентаций на данном жизненном этапе. Вытеснение семьи на восьмое место вместо первого-второго, по материалам мониторинга, тоже, очевидно, обусловлено возрастными особенностями респондентов. Вместе с тем это объяснение не вполне удовлетворяет и, возможно, требует дополнительного исследования.

На втором уровне, также незначительно различаясь между собой, располагаются безопасность, развлечения и удовольствия (по 40 %). Затем следуют семья, власть, свобода и несколько менее важное творчество. В этой группе

ценностей тоже имеется инновационный аспект. В мониторинговых опросах населения Мордовии отмечалась очень низкая значимость ценностей отдыха: свободное время, развлечения и удовольствия оказались в аутсайдерах — 3,1 и 1,9 % соответственно¹. В нашем исследовании эта группа ценностей, хотя и уступает по значимости работе, достаточно высоко оценивается респондентами. Так, свободное время как важную ценность указали почти 14 % мужчин и 8 % женщин. Развлечения и удовольствия входят в десятку наиболее важных: эту ценность отметил каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина. Мы полагаем, что такие различия могут быть связаны с возрастными и социально-статусными особенностями респондентов.

Среди прочих ценностей только самоуважение упоминают более 10 % респондентов. К наименее предпочитаемым ценностям (выбранным менее чем 10 % респондентов) относятся патриотизм, доброта и сострадание, религия и социальная справедливость у мужчин и патриотизм, свободное время, социальная справедливость, религия у женщин. Именно в отношении нравственных ценностей и религии расхождения данных нашего исследования с «Резервами гармонизации...» наиболее значительны. Так, по данным мониторинга, они (кроме религии) находятся в средней группе, тогда как в нашем исследовании замыкают список. Значение религии в нашем исследовании также оказалось более чем в два раза меньше, чем в среднем по Мордовии, — 4,5 и 10,5 %². Вместе с тем даже это значение показывает, что ценность религии в Республике Мордовия более значима, чем в других регионах. По данным масштабного опроса в трех республиках финно-угорского мира (Марий Эл, Мордовия и Удмуртия), проведенного кафедрой социологии Мордовского государственного университета в 2011 г., в Марий Эл эту ценность отметили лишь 1,5 % молодых респондентов, в Удмуртии — 1,9 %.

Значительно меньшая востребованность таких ценностей, как патриотизм, взаимопомощь, доброта и сострадание, уважение окружающих, справедливость, выявлена давно и вполне предсказуема. Фактически в течение всего постсоветского периода эти ценности не относятся к приоритетным, будучи вытеснены из общественного сознания негативным образом всего советского, в котором они играли доминант-

ную роль. Кроме того, они не согласуются с идеологией потребительского прагматизма, интенсивно навязываемый современными средствами массовой информации. События на Украине начали разворачиваться позже, чем было проведено исследование. Очевидно, что рост гражданского самосознания, проявления сострадания, патриотизма, переосмысление категории «справедливость» позволяют говорить о том, что на ментальном уровне эти ценности сохраняются, а их вытеснение на периферию или актуализация имеют ситуативный характер.

Между группами респондентов, характеризующимися неодинаковой степенью включенности в интернет-сообщества, также существуют различия. Характерной особенностью полностью включенных является сглаженный, слегка размытый характер их ценностных предпочтений. В диапазоне от 55,0 до 45,0 % отмеченных приоритетов расположены пять ценностей, включая образование, работу, деньги. Причем для них эти приоритеты более значимы. Например, ценность «деньги» отметили 46,1 % полностью включенных и 34,0 % менее включенных. Соответственно, ценности-аутсайдеры у этой группы оценены ниже, чем у других респондентов. Так, взаимопомощь отметили как значимую ценность 7,9 % полностью включенных в виртуальное сообщество, а среди менее включенных на нее указали почти 19,0 % опрошенных.

Обобщая результаты полученных данных, логично сделать вывод о том, что ценностная система виртуального сообщества, с одной стороны, включает тот же набор элементов, что и общество в целом. С другой стороны, в иерархии их система имеет определенные отличия. Можно предположить, что к факторам, обуславливающим формирование у членов виртуального общества специфической системы ценностей, могут быть отнесены, во-первых, некоторые черты виртуальной среды (особенности сетевой культуры, тематический характер виртуальных сообществ, молодость); во-вторых, признаки виртуальных коммуникаций — присущие им демонстративный характер, анонимность; в-третьих, личностные качества членов виртуального общества. Примечательно, что к личностным особенностям относятся как негативные (недостаточная социализированность, скрытность), так и позитивные (стремление к знаниям, открытость новому) черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сидоркина В.М. Некоторые региональные особенности ценностных ориентаций населения // Гармонизация социальных отношений в полиэтническом регионе: I Сухаревские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 23—24 декабря 2011 г.: в 2 т. Саранск, 2012. Т. 1. С. 65.

² Там же. С. 66—67.

Поступила 15.05.2014.

V. M. Sidorkina, N. S. Polutina. Virtual Community Values

Virtual community becomes one of the most active actors of public life. Its members are people fluent in modern information technology, those establishing numerous and varied forms of communication, interaction and interpersonal relationships in the worldwide web.

In March and April 2014, we have conducted a sociological study. Students of the Mordovia State University majoring in the Humanities, natural science and technical areas were surveyed. The results of the study revealed some notable features of value preferences in comparison with the earlier surveys of the population in the framework of the monitoring named 'Reserves of Harmonization of Social Relations in Mordovia, 1994—2011'. These differences were manifested both in the hierarchy of preferences and in the focus on a number of values of little significance in the surveys of the 'Reserves of Harmonization...'. The proposed set of values turned to be hierarchical (in decreasing order) as follows: education, work, money, health, friends, security, entertainment, family, power, freedom, creativity, self-esteem, patriotism, mutual aid, free time, kindness and compassion, respect for others, justice, religion. Whereas in previous surveys, such values as family, health, financial well-being were the leaders. At the same time, in all the studies, the civil and moral values were in the last third of the proposed values.

В. Е. ПУЛОВ РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: социализация, личность, современное общество, воспитание, физическая культура, процесс образования

Key words: socialization, personality, modern society, education, physical culture, education

В статье исследуется роль физической культуры в социализации личности, формировании ценностного пространства человека. Стиль жизни трактуется как поведенческая особенность жизни человека, т. е. определенный стандарт, под который подстраиваются психология и психофизиология личности. Основная задача физкультурного воспитания направлена на формирование личности.

The paper explores the role of physical culture in socialization of an individual, formation of the value space of a person. A lifestyle is the behavioral feature of human life, i. e., a certain standard adjusting the psychology and psychophysiology of a personality. The main objective of physical education is aimed at formation of a personality.

Говоря о влиянии спорта на социализацию личности, Л. Апциаури пишет о том, что человек, появившись на свет как биологическое, природное существо, берет свою социальную сущность, становится личностью путем социализации¹. Последняя представляет собой процесс усвоения индивидуумом социокультурных норм и ценностей того общества, к которому он принадлежит. Одновременно с этим усвоением человек обучается различным функциональным ролям — возрастным, семейно-родственным, профессиональным. Именно благодаря социализации каждый человек включается в социальные отношения, интегрируется в социальную систему.

В современной западной социологии утвердилось представление о социализации как о наиболее важной части общего процесса становления личности — той ее части, которая «ответственна» за формирование наиболее общих

ПУЛОВ Вячеслав Евгеньевич, аспирант кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института.

PULOV Vyacheslav Evgenievich, Postgraduate at the Department of Pedagogics, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

и значимых, распространенных и устойчивых черт личности. Эти черты проявляются в социально организованной деятельности индивида и реализуются через те или иные конкретные социальные роли. Изучение каждой роли происходит под влиянием социализирующих агентов (родителей, учителей, тренеров, сверстников и др.) в различных сообществах (семье, школе, команде), каждое из которых характеризуется своей системой норм и ценностей, отраженных в социальных моделях поведения.

Обратив внимание на социальное значение профессионального олимпийского спорта, следует отметить, что они создают специфические условия для социализации. Здесь также существуют агенты, модели поведения и социальные взаимодействия. Спортсмен является членом команды и культуры и не может избежать влияния принятых норм поведения. Он социализируется в различные роли через процессы имитации и идентификации. Каждая роль более или менее ограничена и определена.

Успех на любой стадии процесса социализации обеспечивается наличием у спортсмена по крайней мере трех поведенческих установок: экспектации (ожидания), готовности к изменению поведения и желания соответствовать ожиданиям. Эти установки разрабатываются и обосновываются с учетом потребностей социальной среды. Идеальной областью воспитания личности выступают физическое воспитание и спорт. Здесь педагогический процесс формирует личность в рамках таких социальных моделей поведения и ролей, которые соответствуют социально-политическим установкам и экономическим потребностям того общества, к которому она принадлежит, а также национально-региональной ментальности.

Учитывая специфику олимпийского спорта, его ценностей и идеалов, необходимо различать социализацию личности в спорте и через спорт. Первая связана с изучением и приспособлением личности к специфическим ценностям, социальным структурам, предписаниям, к освоению определенных ролей в спорте. Социализация же через спорт предусматривает познание, адаптацию личности к сложной системе ценностей, норм, предписаниям, существующим в окружающей социально-политической среде.

В спорте высших достижений социализация имеет особое содержание, которое обусловлено определенными стереотипами идеализированных «спортсменов-профессионалов». Они определяются рядом ценностей: личный успех, активность и упорный труд, эффективность и полезность, прогресс, успех и признание как признак благополучия, уважение к науке и др. Личность, хорошо приспособленная социально, стремится к успехам в спорте, личной жизни в большей степени, чем менее социально приспособленная. Спорт и родственные виды активности высвобождают скопившиеся в человеке напряжение социально приемлемыми путями, развивая социальное мышление. Спорт как социальный институт и его отдельные элементы (спортсмен, тренер, ценностные ориентации, интересы и т. д.) в процессе социализации трансформируются в специфические социокультурные стереотипы, отражающие модели поведения и образа жизни. Социокультурные стереотипы проникают в субкультуру и различные социальные институты, такие как образование, политика, студенческая среда, быт и т. д.

Спорт уже в силу своей природы и особенностей заранее предполагает определенную социализацию. Акцент традиционно делается на социальные ценности, которые приобретает личность в процессе занятий спортом, в особенности олимпийским, и которые связаны с воспитанием характера, гуманистических идеалов, спортивной этики и т. д. Если мы представим спорт и игру как своеобразный микромир, социализирующий человека в определенных ситуациях, то становится понятно, что, отражая реальную ситуацию, устанавливая правила поведения, процесс социализации формирует модели поведения и в какой-то степени их регулирует.

Можно определить модели социализации в спорте, основным элементом которой является склонность к выполнению роли; семья, школа, сверстники — главные агенты социализации. На личность оказывают влияние три социальные системы: семья, сверстники, тренеры. В спорте мальчиков только сверстники обладают социализирующим влиянием, у девочек ни одна из этих систем не является значительной. Отцы, сверстники и учителя представляют собой факторы, обуславливающие вовлечение мальчиков в занятия спортом. Среди них только отцы (65,0 %) определяют социализацию мальчиков и девочек в спорте. Спорт имеет особое значение

в социализации юношей, как участвующих в спортивных соревнованиях (52,1 %), так и наблюдающих (47,9 %) за ними².

Социализация допускает, что спорт морально и этически развивает человека: с одной стороны, приобщает его к гуманистическим ценностям, всесторонне развивает личность, с другой — объясняет существующую ситуацию в профессиональном спорте.

Таким образом, исследование проблемы «Социализация и спорт» показывает, что социализация — непрерывный процесс. Наиболее интенсивно она осуществляется посредством спорта. Выражается в изменении модели поведения и в конкретизации базовых ценностных ориентаций. Спортсмены в процессе социализации оценивают и осваивают нормы поведения. В спорте человек овладевает определенными навыками и формирует мотивацию поведения. На различия в осуществлении социализации личности решающее влияние оказывают особенности субкультуры и традиции воспитания.

Э. Майнберг пишет о том, что педагогика спорта исследует прежде всего процессы физической социализации, поскольку она ставит типично педагогические проблемы, при этом всегда имея в виду общую социализацию человека. Физическая сторона является лишь одним из моментов процесса социализации вообще. Частное и общее здесь взаимосвязаны. Превращение физической социализации в изолированную тему неминуемо приведет к неверным оценкам³. Он предполагает, что именно семья влияет на двигательную социализацию, побуждая, требуя и ограничивая двигательную активность ребенка. Но ведь учителю физкультуры, а также тренеру важно знать, что он постоянно имеет дело с учащимися или спортсменами, двигательное поведение которых также может определяться различной моторной социализацией в рамках семьи.

К социализации относится также выработка определенных мотивов, установок и позиций в соответствии с определенными критериями, нормами и ценностями. Поэтому понятно, что семья, будь то сами родители или братья и сестры, помогает формировать представление ребенка о спорте, закладывая их на всю жизнь.

Результаты, полученные группой немецких ученых, позволяют предположить, что пример родителей, активно занимающихся спортом, оказывает влияние на развитие у

детей интереса к спорту. Установлено, что 55 % опрошенных спортсменов сообщили, что и их родители занимались спортом, а 22 % даже выступали в большом спорте и ставили рекорды. При опросе девушек было установлено, что родители спортивно активных дочерей часто занимались спортом. Если среди отцов неактивных в спортивном отношении девушек только 8 % сами занимались спортом, то среди спортивно активных девушек таких отцов 25 %⁴. Увлеченность спортом растет по мере повышения социального статуса человека, одновременно с этим в зависимости от того, к какому слою общества принадлежит человек, часто меняется и стиль воспитания. Он сам по себе может пробудить у детей ярко выраженный интерес к спорту, а не только пример родителей, занимающихся спортом.

Это предположение в высшей степени интересно в педагогическом отношении. Для учителя физической культуры важно иметь в виду, что поведение учеников обусловлено влиянием социальных структур. Часто при этом учителя призывают взять на себя роль «агента» социализации, в обязанности которого входило бы компенсировать имеющиеся недостатки моторной социализации. Учитель физической культуры, прежде всего в начальных классах, должен учитывать уровень развития моторики у детей различного социального происхождения. Поскольку моторика в большей степени зависит от упражнения, учитель физической культуры, создав благоприятные условия для обучения, сможет компенсировать существующие недостатки в двигательной активности детей. Однако социальное происхождение учеников еще не есть фактор, который полностью определяет моторные качества учеников.

Существует эмпирически доказанная связь между спортивными интересами родителей, братьев и сестер, предпочтениями различных возрастных групп ролевиков и увлеченностью спортом отдельной личности. Эта связь объясняется не одним лишь воздействием чужого примера и внутрисемейных стимулов. Она возникает из обусловленных спецификой определенного социального слоя ценностных представлений, различий в биографии (например, более продолжительное школьное образование, упорный для занятий спортом, групповых пристрастий и требований). J. C. Andrews и M. Slear констатируют, что семья как первичная ин-

станция социализации может самым различным образом способствовать и препятствовать физической социализации. Это относится как к самим моторным действиям, так и установкам на физическую деятельность⁵.

Говоря о процессе социализации, необходимо упомянуть и о таком ее детерминанте, как пол. Можно говорить о начале процесса физической социализации, обусловленного половой спецификой, уже в первые недели жизни человека. Нередко родители в первые шесть месяцев жизни своих детей стараются привить первоначальные моторные навыки именно мальчикам, а не девочкам. Мальчиков всячески побуждают к расширению их мышечной активности. Уже в самые первые месяцы жизни происходит специфическая для разных полов социализация, которая ведет к определенной ролевой идентификации обучающегося, и важным источником которой является его телесная, физическая природа⁶.

Э. Майнберг утверждает, что к специфической структуре социализации относится и планомерное преподавание физической культуры. Во многом именно занятия физической культурой способствуют положительному протеканию процесса социализации⁷. Она является частью общей культуры человечества. Поэтому, на наш взгляд, необходимо показать процесс физической социализации в свете такой всеобъемлющей категории, как культура.

Если культура рассматривается как фактор, детерминирующий социализацию, то это свидетельствует о том, что существует культурно обусловленная социализация. Обусловленные культурным влиянием характерные особенности присущи и сфере двигательной активности. Этот факт имеет немаловажное значение для физической социализации. Для моторики множества разнообразных двигательных стереотипов, отношения к телу характерна культурная специфика. Положение рук (как плеч и предплечий, так и запястий и кистей) во время ходьбы отражает социальное положение индивидуума, его социальную специфику и ни в коей мере не является врожденным качеством. Культурное окружение и социальная среда решающим образом влияют на манеру держаться, на умение владеть своим телом. Каждая индивидуальная манера держаться и владеть своим телом обусловлена социальными и культурными факторами. Также различны установки и возможности для приобретения на-

выков владения своим телом, обусловленные особенностями различных культур. Существуют общества и культуры, в которых именно отрочество является временем приобретения двигательных навыков и умений. Во взрослом возрасте свойственно множество характерных особенностей, обусловленных культурным влиянием.

Таким образом, та или иная культура участвует в решении вопроса о том, как осуществляется физическая социализация человека. Поэтому было бы ошибкой говорить о «естественных», нормальных двигательных процессах. Стереотипы и техника движения формируются под влиянием культуры и в силу этого носят искусственный характер.

Неотрывно друг от друга существуют категории «общество» и «социализация». Если под социализацией понимать становление человека членом общества, причем основной и первоочередной задачей этого процесса является глубоко сознательное усвоение им определяющих для данного общества ценностей и норм, в результате чего становится адекватной его ориентация в обществе, то совершенно понятно, в силу каких причин общество предстает одним из детерминант социализации, а последняя в итоге определяется не только культурными, но и общественными факторами⁸.

Зависимость процессов социализации от общества сказывается и на физической социализации. Вследствие этого преобладающие в обществе ценности и нормы отражаются на спортивной и игровой двигательной активности его членов. Поскольку спорт и игра не существуют вне общества, они являются его отражением. Структурные признаки общественной системы определяют и характер спорта как одной из подсистем общества.

Х. Никсон пишет о том, что важной частью процесса социализации является передача ценностей, регулирующих поведение и формирующих нормативные отношения, которые в свою очередь также могут воздействовать на поведение. Опыт занятий спортом может облегчить приспособление человека к выполнению различных ролей вне спорта и выработку не только спортивных, но и более широких ценностных отношений к действительности⁹.

Исследования учащихся (обычно мужского пола) средних учебных заведений показывают, что занимающиеся спортом лучше приспосабливаются к окружающей среде в психоло-

гическом и социальном отношении, чем учащиеся, не занимающиеся спортом; что способность и интерес к занятиям спортом положительно влияют на развитие самосознания и повышение престижа среди сверстников и что участие во внутришкольных соревнованиях находится в позитивном соотношении с возможными в будущем академическими достижениями, причем эта зависимость тем больше, чем меньше социальное происхождение школьника предпологает его к поступлению в колледж или университет¹⁰.

Таким образом, говоря о процессе физической социализации в ее связи с процессом формирования ценностных ориентаций в сфере физической культуры, необходимо отметить, что приобретение моторных навыков является фактором и средством для развития социальных навыков, что в свою очередь в значительной степени определяет успешное прохождение этапа первичной социализации (этот этап определяется возрастным отрезком от 1 года до 18 лет). Однако в контексте сказанного необходимо упомянуть и о том, что степень развития моторных навыков решающим образом зависит от того, насколько сильно у индивида сформирована психосоциальная установка на занятия физической культурой, а следовательно, и от того, является ли ценностью для данного субъекта сфера физической культуры. Ценностное же отношение к этой сфере деятельности формируется тогда, когда у человека имеется определенная потребность — ценность, которую он стремится реализовать в обсуждаемой нами области деятельности. Более того, существует тесная связь между сформированными у индивида ценностными ориентациями в сфере физической культуры и успешностью прохождения процессов физической и первичной социализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Апциаури Л. Олимпийский спорт как социальный институт и фактор социализации личности // Материалы междунар. форума «Молодежь — Наука — Олимпизм». М., 1998. С. 40—42.

² См.: Майнберг Э. Основные проблемы педагогики спорта: вводный курс. М.: Аспект Пресс, 1995. 230 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Andrews J.C. *Essays on Physical Education and Sport*, Stoney Thomes. Cheltenham, 1989. 146 p.; Sleaf M, Warburton P. II *Physical Activity Patterns of Primavry Scool Children*. L., 1990. P. 19.

⁶ Майнберг Э. Основные проблемы педагогики спорта ...

⁷ Там же.

⁸ См.: Овсянников В.Г. Методы исследования и обучения в прикладной социологии // Социологическое образование в России: итоги, проблемы, перспективы: тез. Всерос. науч. конф., посвящ. 275-летию СПбГУ, 25—27 июня 1998 г. СПб., 1998. С. 7.

⁹ См.: Никсон Х.Л. Спорт, социализация и молодежь: функциональный подход // Спорт и образ жизни: сб. ст. / сост. В.И. Столяров, Л. Кравчик. М., 1979. С. 201—207.

¹⁰ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование. М.: Наука, 1972. 112 с.

Поступила 15.05.2014.

V. E. Pulov. The Role of Physical Culture in Socialization

Speaking about the impact of sport on socialization, L. Aptsiauri says that a man born as a biological natural being attains its social nature and becomes a person through socialization. The latter is a process of learning socio-cultural norms and values of the society to which the individual belongs. Simultaneously, the person learns a variety of functional roles — the age, family-related and professional ones. It is through socialization that every person is included in social relations, is integrated into the social system. The process of mastering by individuals different socio-cultural norms takes place through social interaction with other individuals and groups, and sport with its 'athlete-trained' relation which can be defined as a typical social relationship. In general, socialization refers also to development of certain motives, attitudes and sets in accordance with certain criteria, norms and values. Therefore, it is clear that the family, be it parents or brothers and sisters, help to give a child an idea of sport for the whole life.

In general, studies of secondary schools students (usually male) show that those going in for sport are better adapted to the environment in psychological and social terms than students not involved in sports, that the ability and interest in sport have a positive effect on the development of self-awareness and increase in their prestige among their peers and that participation in intra-school competitions is in positive relation to possible future academic achievements, and this dependence is the greater, the poorer the social background of the student is, it predisposes schoolchildren to enter college or university.

Т. В. ФОГЕЛЬ

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПРЕДЛАГАЕМЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОМОГАЮЩИХ ПРАКТИК ГАЗЕТОЙ «МАРИЙСКАЯ ПРАВДА»

Ключевые слова: социально-помогающие практики, механизм артикуляции, контент-анализ, благотворительность, волонтерство

Key words: socio-helping practices, articulation mechanism, content analysis, charity, volunteering

В статье приведены результаты контент-анализа публикаций, затрагивающих тему социально-помогающих практик в газете «Марийская правда». Анализ публикаций позволяет определить частоту информационных сообщений о социально-помогающих практиках в определенном издании.

The paper presents the results of the content analysis of publications dealing with the socio-helping practices proposed in the 'Mariyskaya Pravda' newspaper. The analysis of publications allows to define the frequency of news reports on socio-helping practices in a particular publication.

Одним из способов повышения качества жизни человека являются социально-помогающие практики как вид активности, основанный на гуманистических принципах и направленный на организацию различной помощи людям, нуждающимся в поддержке. Эти практики как совокупность социально-помогающего потенциала и типов помогающего действия, направлена на благо других людей в диапазоне от минимального участия через различные виды социальной благотворительности до прямой личной помощи человеку.

Актуальность исследования механизмов формирования социально-помогающих практик подтверждается необходимостью поиска новых оснований и ориентаций существования

ФОГЕЛЬ Татьяна Викторовна, доцент кафедры социально-культурной деятельности Краснодарского государственного университета культуры и искусств, кандидат социологических наук.

FOGEL Tatiana Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Socio-Cultural Activity, Krasnodar State University of Culture and Arts (Krasnodar, Russian Federation).

человека. Согласно Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации¹ активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества необходима, поскольку способствует формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, решению социальных проблем.

Согласно В. Волкову, одним из способов изменения социальных практик является артикуляция, при которой социально-помогающие практики попадают в фокус внимания, становясь более четко очерченными, за счет чего становятся возможными трансляция и распространение таких практик в обществе. Известный механизм артикуляции — средства массовой информации (СМИ), которые конструируют и воспроизводят особенности социальной реальности, а также «раскрывают» основные способы социального существования. В каждой культуре СМИ играют важную роль в развитии идеологии и ценностей².

Мы сделали анализ публикаций за 2006—2011 гг. в одной из ведущих газет Республики Марий Эл — «Марийская правда». Динамика изменений во времени позволяет охарактеризовать меру артикуляции темы социально-помогающих практик в периодическом издании республики. Изучение газетных публикаций позволяет не только сформировать представление о частоте потока информации об интересующем нас феномене, но и получить новые сведения об этом социальном явлении.

Объектом исследования были публикации на тему социально-помогающих практик. Предметом стали частота публикаций (по определенным видам социально-помогающих практик), условный объем и тип публикаций. Было определено, что возможные типы публикаций распределяются на три группы: информация о результатах социально-помогающей деятельности и формах участия граждан; статьи о культурных различиях в сфере помогающих практик; заметки с просьбой о помощи. Видами социально-помогающих практик являются волонтерство, благотворительность, землячество, интернет-помощь, соседские взаимобмены, социально-помогающие обычаи и традиции. Условный объем подсчитывался в количестве газетных строчек в одной колонке.

Количество публикаций за год и их объем позволили построить график в виде кривой путем применения системы координат, где на оси абсцисс были отмечены годы, а на оси ординат — количество публикаций. Кривая позволила показать несоразмерность потока публикаций, выражающуюся в том, что существуют колебания в сторону их увеличения и уменьшения. Количество статей с 2006 по 2010 г. держалось на отметке 9—12 ед. ежегодно, но в 2011 г. оно возросло до 16 (рис. 1).

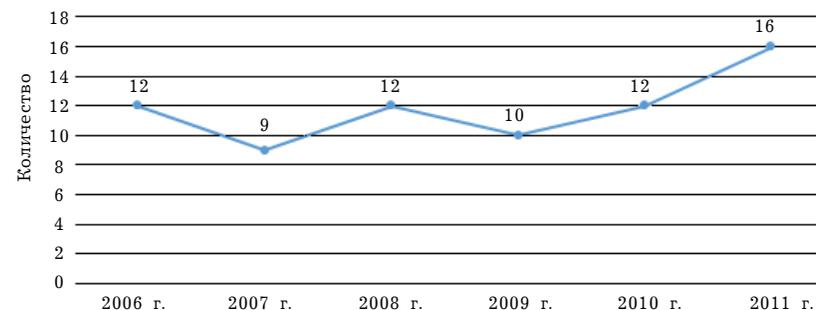

Рис. 1. Количество публикаций в числовом выражении в 2006—2011 гг.

Впрочем, анализ публикаций в соответствии с объемом информации, позволяет отметить, что в 2007—2008 гг. заметно уменьшение внимания газеты к этой тематике при приблизительно одинаковом количестве статей в год (9—12) (таблица).

Таблица

Результаты контент-анализа газеты «Марийская правда»

Год	Количество статей	Объем в строках
2006	9	435
2007	12	730
2008	12	360
2009	10	760
2010	12	776
2011	16	918
Среднее	11,83	663,16

Анализ количества публикаций по видам социально-помогающих практик позволил построить график в виде диаграммы путем применения системы координат, где на оси абсцисс были отмечены виды социально-помогающих

практик, а на оси ординат — количество публикаций в процентах (рис. 2).

Рис. 2. Виды социально-помогающих практик, %

Анализ по типам публикаций позволил построить график в виде диаграммы путем применения системы координат, где на оси абсцисс были отмечены типы публикаций о социально-помогающих практиках, а на оси ординат — количество публикаций в процентах (рис. 3).

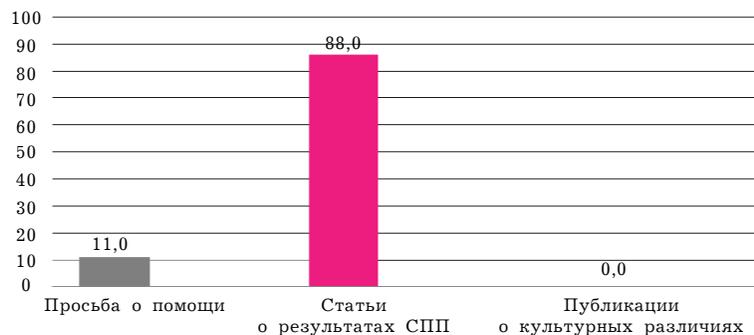

Рис. 3. Типы публикаций, %

Таким образом, газета «Марийская правда» публикует примерно 11 статей в год на тему социально-помогающих практик. Средний объем публикаций 660 строк в год. Чаще всего упоминается благотворительность (86,0 %). На втором месте по вниманию периодического издания стоит волонтерство (11,2 %), на третьем — феномен землячества

(2,8 %). Анализ позволяет утверждать, что наиболее часто встречающийся тип публикации — информация о результатах социально-помогающей деятельности и формах участия граждан (88,0 %). Заметки с просьбой о помощи составляют 11,0 % от всего числа публикаций по исследуемой теме. Публикаций о культурных различиях в сфере помогающих практик на страницах газеты не выявлено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности добровольчества в Российской Федерации» от 30 июля 2009 г. № 1054-р // Справ.-прав. система «Гарант».

² См.: Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. 298 с.

Поступила 03.07.2014.

T. V. Fogel. Content Analysis of the Socio-Helping Practices Proposed by the 'Mariyskaya Pravda' Newspaper

The socio-helping practices as activities based on humanistic principles and aimed at organization of various assistance to help those in need are a way to improve the quality of human life. The following types of the socio-helping practices were identified: volunteering, charity, community, online help, neighborly interchange, socio-helping customs and traditions.

The analysis of publications for the period of 2006—2011 in the 'Mariyskaya Pravda' newspaper allows us to characterize the degree of articulation of the topic of socio-helping practices in the newspaper of the Mari El Republic. The conclusion drawn allows to conclude that the 'Mariyskaya Pravda' newspaper typically include approximately 11 publications per year on the topic of socio-helping practices. The average volume of publications is 660 lines per year. Most frequently such a type of socio-helping practices as charity is mentioned (86,0 %), the second important issue is volunteering (11,2 %), and the third one is the phenomenon of community (2,8 %). It is noteworthy that the most common type of publication is information about the results of the socio-helping activity and the forms of participation of citizens (88 %). Notes requesting help make up 11,0 % of the total number of publications related to the studied topic. There are no articles at all about cultural differences in the field of helping practices.

**А. Н. ЧЕКУШКИН, РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ
Е. Н. ЧЕКУШКИНА РЕФЛЕКСИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ РОССИИ**

Ключевые слова: гражданская идентичность, идентификация, самосознание, самоутверждение, социальная рефлексия, финно-угорские народы
Key words: civic identity, identification, self-awareness, self-affirmation, social reflection, Finno-Ugric peoples

В статье анализируется роль социальной рефлексии как способности к самопознанию и самосознанию сквозь призму гражданской идентичности на примере финно-угорских народов.

The paper analyzes the role of social reflection as the ability to self-knowledge and self-awareness through the prism of civic identity exemplified by the Finno-Ugric peoples.

Исследование роли социальной рефлексии в формировании гражданской идентичности обусловливается социокультурной, экономической и образовательной ситуацией, кризисными явлениями, происходящими в современной цивилизации. Различные конфликты, социальные, политические, экономические и другие проблемы современного общества ставят его на грань выживания и требуют неотложных решений и модернизации.

Способность к самопознанию и самосознанию — исключительное достояние человека, который видит себя субъектом сознания, общения и действия, становясь в непосредственное отношение к самому себе. Социальная идентичность — это переживание и осознание своей принадлежности к тем или

ЧЕКУШКИН Александр Николаевич, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

ЧЕКУШКИНА Елена Николаевна, докторант кафедры философии Мордовского государственного университета.

CHEKUSHKIN Alexander Nikolaevich, Doctoral Candidate at the Department of the World History and the World Political Process, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

CHEKUSHKINA Elena Nikolaevna, Doctoral Candidate at the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

иным социальным группам и общностям. Идентификация с определенными социальными общностями делает человека из биологической особи социальным индивидом и личностью, позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «Мы» и «Они».

Идентификация выступает в качестве одного из механизмов познания и понимания другого человека. Рефлексия как механизм самопознания связана с идентификацией. С одной стороны, идентифицируясь с другим, человек выделяет его личностные черты, способы поведения, особенности отношений и общения. В процессе рефлексивного анализа раскрываются причины совершенных поступков, происходит их оценка, а затем перенос этих характеристик на себя, и выполняются сопоставление и сравнение. Результатом служит осознание и понимание личностных особенностей другого и собственных свойств. С другой стороны, идентифицируясь с другим, личность смотрит на себя как бы его глазами, в результате выявляет различие его взгляда на себя с собственным.

Рефлексия позволяет преодолеть недостатки, которыми обладает идентификация. Она делает процесс самопознания более целенаправленным и осознанным. «Если идентификация дает возможность уподобиться познаваемому в других и в себе, рефлексия — как бы отстраниться и проанализировать познаваемое с разных позиций с установлением причинно-следственных связей»¹.

Социальная рефлексия — один из современных механизмов раскрытия нравственного потенциала человека, заключающийся в духовном самоанализе как способе отношения к жизни.

Современные общественные тенденции способствуют созданию новых норм, императивов и ценностей, которые складываются постепенно и требуют закрепления нового в общепринятые формы поведения. Их распространение происходит посредством механизмов диалога, подражания, идентификации, консенсуса. В диалоге, согласно М. М. Бахтину, происходит утверждение чужого «Я», следовательно, и утверждение собственного «Я». Утвердить чужое «Я» не как объект, а как другой субъект — это принцип, лежащий в основе диалога, бытия, самосознания. Все, что раскрывается в диалоге, является не определенным бытием человека, а

последним итогом его сознания и самосознания, последним словом о себе самом и о своем мире. Восприятие и понимание Другого слагается не из особенностей действительности, но из значения этих черт для него самого, для его самосознания.

Взаимопонимание, признание, аргументация, консенсус рассматриваются как неотъемлемые элементы взаимодействия людей. Субъект осмысливает собственный жизненный путь в аспекте блага, а не целесообразности, осуществляемая в самосознании субъекта рефлексия предполагает диалог. Ю. Хабермас предлагает диалогичный, т. е. не субъект-объектный, а межсубъектный, интерессубъектный поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на консенсус. Отношение отдельных субъектов к миру всегда опосредовано возможностями коммуникации с другими людьми, способностью прийти к консенсусу (согласию). Под власть дискурсов ставятся интересы и ценности. Понятие дискурса Хабермаса тесно связано с коммуникативным действием. Оно направлено на взаимопонимание, поиски консенсуса, преодоление разногласий и предполагает наличие представления о благе для достижения понимания. Понятие «блага» может быть обосновано с помощью рационализированной интерпретации социума и собственных ожиданий. Гарантией взаимопонимания и взаимосогласования является «ответственность коммуникативной свободы», присущая человеку. Гармоничное соединение свободы и общественного блага способствует достижению рационального общественного согласия².

Для человека важно не потерять самого себя, то, с чем он себя идентифицировал, веровал, что является для него ценностью. Это и есть он сам в его глубинном существе. Поддержание сформировавшихся норм и принципов поведения обеспечивает массовое сознание и общественное мнение, выступающие эффективными средствами социального контроля.

Один из основных компонентов контроля — становление гражданского общества. Наряду с включением институтов гражданского общества в процессы модернизации экономики и других сфер жизни России, национальная консолидация становится приоритетной задачей государства. Значительная роль в развитии в России гражданского общества при-

надлежит регионам, во многом благодаря деятельности их общественных организаций формируется конструктивный диалог власти и общества, складывается инфраструктура, обеспечивающая успешную повседневную деятельность общественных структур. Национальные институты гражданского общества на региональном уровне позволяют гражданам совместно выработать цели и достигать их, соединяя собственные усилия, вступая в диалог с другими общественными структурами, бизнесом и носителями власти, отстаивая свои принципы в публичном пространстве.

В современных российских реалиях наметилась необходимость развития патриотической культуры как основного элемента формирования гражданской идентичности, которая определяется не только фактом гражданской принадлежности, но и теми отношением и переживанием, с которыми связана эта принадлежность. Базовым идентифицирующим механизмом является патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью.

Гражданская идентичность как результат самосознания общности определяет взаимосвязанность и взаимозависимость членов общности, ее способность проявлять различные формы совместной активности. Гражданская общность представляет собой большую группу, объединяющую население страны, которая обладает традициями, общностью исторической судьбы, языка и культурного контекста, своеобразными эмоциональными связями, при этом важнейшее значение имеет политическая основа объединения, закреплённая в факте существования государства.

В России уровень гражданского сознания находится в стадии формирования. По мнению Л. М. Дробичевой, более 60 % регионов с доминирующим русским населением, куда попадают и финно-угорские автономии, считают, что «чувство ответственности за страну» — важная характеристика россиянина. Столько же респондентов считают очень важным «быть патриотом, любить Родину». Патриотические чувства — эмоциональный компонент идентичности. Вряд ли кто-то любит государственные институты, в России их чаще критикуют и проявляют большую или меньшую лояльность к ним. А вот любить можно страну, людей, поэтому этот индикатор можно интерпретировать как эмоциональный элемент гражданской идентичности.

У немалой части населения сохраняются традиционалистские установки. Около 40 % граждан считают, что «проникновение другой культуры и языка вредит населению», около 70—80 % полагают, чтобы стать настоящим россиянином, «надо родиться в России», «прожить здесь большую часть жизни». Гордимся мы чаще тем, что создано не нами — природными ресурсами (86 %), историей (36 %), литературой и искусством (90 %), а вот то, что зависит от нас самих — уровень образования, экономические достижения, составляет гордость только у 50 % опрошенных³.

В современных условиях новым содержанием наполнились традиционные социокультурные понятия «Я», «Мы», «Они», определяющие формы, содержание и направленность общения. Качественно изменился феномен «Я» вместе с трансформацией общественных и иных условий его жизни и существования. В русской культурной традиции «Я» всегда соотносилось и сочеталось с «Мы». Полное и свободное проявление в каждом человеке его человеческого «Я» было возможным при гармонизации его личностного мира с миром других людей.

В условиях современной России развивается групповой, классовый процесс социального эгоизма и эгоцентризма. Он имеет крайне опасный и разрушительный по своим последствиям характер. Принцип себялюбия и своекорыстия грозит окончательно расколоть российское общество, и без того раздираемое кризисными явлениями. Эту проблему рассматривали М. Бубер, С. Л. Франк и др. В частности, М. Бубер отмечает, что «Я» является не субстанцией, а связью, отношением с «Ты», благодаря чему осуществляется истинное предназначение человека. Существование человека является, по его мнению, «событием» с другими людьми⁴.

Острой проблемой в контексте «Я», «Мы» и «Они» стала этноконфессиональная ситуация в стране, особенно в некоторых регионах. В последние годы в России существенно выросла преступность экстремистской направленности. Общество бьет тревогу относительно разжигания расовой, национальной, религиозной ненависти, вражды, человеконенавистничества. В. Виндельбанд отмечает, что «тяжелее и больнее то насилие, которое мы терпим не от природы вещей или капризов собственного тела, а от людей нам подобных»⁵. Человек практически все терпит от человека.

Рассматривая финно-угорские народы в контексте проблемы гражданской идентичности, следует обратить внимание на так называемый концепт финно-угорского мира как элемент нового культурного сообщества который строился и строится на восприятии финно-угорского мира как особой идентичности. По мнению Ю. П. Шабаева, такая широкая идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе, тем более что в языках финно-угорских народов сохранилось немного элементов прафинно-угорского языка-основы. Территориально эти народы разобщены, в культурном плане очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая и формирует идеологию. В Финляндии, Венгрии и Эстонии миф о финно-угорском сообществе, которое проявляет себя в культурных, лингвистических и других особенностях, был создан и принят в образованных кругах как объединяющая сила. Через систему образования он стал общеизвестным и признанным. Таким образом, по существу сконструированный он стал фактом. В России образованная страта у финно-угорских народов все еще очень тонкая и этническая интеллигенция не имеет возможностей и средств для того, чтобы использовать эту идею как силу, формирующую идентичность так, как это было использовано на Западе. Для восточных финно-угров, живущих в совершенно другой реальности, нежели та, что имела место, когда только зарождался миф об общности, вопрос о том может ли такая абстракция, как общий праязык, воздействовать на судьбы наций в XXI в., остается без ответа⁶.

Однако на рубеже 1980—1990-х гг. существовала объективная необходимость объединения этнополитических организаций и политического статуйирования новой широкой идентичности, которая объяснялась дефицитом политического ресурса отдельных этнонациональных движений, представлявших, как правило, интересы миноритарных сообществ, не обладающих достаточным политическим весом и значительным политическим представительством во властных

структурах регионов их проживания. Стоит заметить, что если прежде в мифотворчестве существенную роль играли этноисторические мифы, связанные с «конструированием великого прошлого» группы и обоснованием ее культурных претензий, то ныне мифотворчество осваивает все новые сферы с тем, чтобы сделать культурные границы между финно-уграми и другими этническими группами более осязаемыми.

При этом стоит отметить, что и этнические мифы, и идеология этнополитических движений строятся по одной принципиальной схеме — схеме оппозиции. В генетических и культурных мифах это оппозиция «свой — чужой». В этнополитических конструкциях четко прослеживается другая оппозиция — «этничность — гражданство», хотя и здесь присутствует культурологическая модель, которая чаще всего сводится к формуле «коренной — некоренной».

В России финно-угорское единство создается по формуле «Все мы — Россия» на фоне построения единого культурного пространства страны. Зарубежные представители финно-угорского движения никогда не обосновывали принадлежность российских финно-угров к российской нации, а в идеологических разработках отдельных этнонациональных организаций российских финно-угров не только идея нации, но и общегражданская идентичность и общегражданская солидарность никак не артикулируются, а сами финно-угорские сообщества представляются не как органические части территориальных сообществ и российского общества в целом. Кроме того, нациями объявляются сами эти сообщества, что заставило многих исследователей критически оценить подобную позицию⁷.

Вместе с тем глубокого противоречия в том, кого считать нациями (политические сообщества или культурные), нет. В этой связи В. А. Тишков отмечает: «Как и в иных развитых странах, не должно быть противоречий и в России, где все крупные и малые народы привыкли считать себя нациями и обладают достаточно высоким уровнем внутренней автономии и высоким статусом своих культур и языков. По Конституции они составляют “многонациональный народ”, но сам этот российский народ есть гражданская нация со своим национальным государством — Российской Федерацией»⁸.

Таким образом, если массовое сознание россиян будет склоняться к этнической нации, а не к гражданской, то это неизбежно разрушит гражданское единство и еще более усилит уже достаточно очевидные настроения интолерантности и ксенофобии, а в итоге разрушит страну. Этот сценарий невыгоден никому из россиян, к какой бы этнической группе они ни принадлежали. Поэтому необходимо вести поиск новых объединительных идей, не воспроизводить старые культурные барьеры и не конструировать новых границ.

В современном обществе для поддержания стабильности и устойчивого развития необходим диалог на всех уровнях общества. Разумное, гармоничное сочетание общечеловеческих идеалов и норм, нормативных принципов деятельности способствует конструктивному синтезу ценностей и инноваций, знания и веры, истины и правды и т. д. В идеалах и нормах повседневного познания содержатся нравственно-мировоззренческие ориентиры человека, необходимые для поддержания стабильности в современном мире. Социальное познание должно основываться на принципах единства блага и истины, личного интереса и общественной пользы, разума и гуманизма, свободы и ответственности и т. д.

Именно в культуре с помощью нравственной культуры наша страна и ее многонациональный народ преумножит свои великие достижения и проложит путь к вершинам цивилизации третьего тысячелетия. Способность самознания позволить сформировать реалистичную когнитивную самооценку в условиях социальных перемен. Понимание, осознание и осмысление собственных действий позволят раскрыть сущность и специфику духовно-нравственного развития личности и социума, а также изучить социальную сущность развития социальной рефлексии как механизма формирования гражданской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ладенко И.С. Феномен рефлексивного стиля мышления и генетическая логика // Рефлексия, образование и интеллектуальные инновации. Новосибирск, 1995. С. 65.

² Цит. по: Чекушкина Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества // Теория и практика обществ. развития. 2014. № 1. С. 27.

³ См.: Дробижина Л.М. Российская идентичность в массовом сознании. URL: <http://www.valerytishkov.ru> (дата обращения: 15.04.2014).

⁴ См.: Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.

⁵ Виндельбанд В. О свободе воли. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 28.

⁶ См.: Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.; М., 2010. С. 23.

⁷ См.: Чекушкин А.Н. Проблемы и перспективы формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной России: на примере финно-угорских народов // Славься, Отечество!: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Саранск, 2—3 нояб. 2011 г. / редкол.: В.М. Арсентьев и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. С. 174.

⁸ Тишков В.А. Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: ИЭА РАН, Мин-во регион. развития РФ, 2008. С. 126.

Поступила 18.04.2014.

A. N. Chekushkin, E. N. Chekushkina. The Role of Social Reflection in Formation of Civil Identity of the Finno-Ugric Peoples of Russia

Researching the role of reflection in formation of civil identity is determined by peculiarities of the socio-cultural, economic and educational situation, by the crisis phenomena taking place in the modern civilization. The ability to self-knowledge and self-awareness is the exclusive right of human beings, being aware of themselves as subjects of consciousness, communication and action, being in direct relationships to themselves. Identification serves as one of the mechanisms of knowledge and understanding of another person. Reflection, being a mechanism of self-knowledge, is directly linked to social identity. Identification with certain social communities transforms human beings as biological specimens into social individuals and persons allowing to assess their social ties and identity in terms of 'us' and 'them'.

In modern Russia, a group, class process of social selfishness and self-centeredness is developing. It is extremely dangerous and destructive in its nature. The principle of self-love and self-interest threatens to permanently split Russian society, being already torn by the crisis. Considering the Finno-Ugric peoples in the context of the issue of civil identity, attention should be paid to the so-called concept of the 'Finno-Ugric world' as part of a new cultural community, which is based on the perception of the 'Finno-Ugric world' through the formula of 'We all are Russia'.

Thus, in the modern Russian society, a dialogue at all levels of the society is needed to maintain stability and sustainable development. Reasonable, harmonious combination of universal ideals and norms, normative activity principles, promotes constructive synthesis of values and innovations, knowledge and faith, truth, etc.

Т. Л. БИХТЕМИРОВ ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-е гг.

Ключевые слова: силовые структуры, системы безопасности, вооруженные силы, правоохранительные органы, законодательное регулирование, структурные преобразования

Key words: power structures, security systems, armed forces, law enforcement, legislative regulation, structural transformations

В статье рассматриваются основные тенденции развития силовых структур в 1990-е годы, среди которых сокращение численности личного состава, уменьшение финансирования, дезинтеграция, формирование законодательно закрепленных границ деятельности. Эти тенденции проявились в условиях роста недоверия политического руководства РФ к силовым структурам, унаследованным от СССР.

The paper examines the main trends in the development of power structures in the 1990s including reduction of the number of personnel, reduction of funding, disintegration, formation of the statutory boundaries of their activities. These trends manifested in the circumstances of increasing mistrust of the political leadership of the Russian Federation to the power structures inherited from the USSR.

1990-е гг. в истории России стали периодом кризиса государственности, одним из проявлений которого стал кризис силовых структур. «Силовые структуры», или «силовики» — новое словообразование, вошедшее в нашу жизнь в постперестроечный период. В момент возникновения этот термин стали распространять в отношении трех советских ведомств: Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности. Содержание понятия «силовики» с самого начала имело политическую окраску и обозначало структуры, имеющие возможность в силу своих задач и средств эффективно вмешаться в политику на стороне одной из политических сил, радикально

БИХТЕМИРОВ Тимур Линурович, преподаватель кафедры № 1 вуза Министерства обороны Российской Федерации.

BIKHTEMIROV Timur Linurovich, Lecturer at the Department № 1, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

изменив обстановку в стране, особенно в неустойчивой ситуации борьбы за власть. В настоящее время силовые структуры представляют собой круг федеральных организаций и ведомств, которые обеспечивают реализацию задач национальной безопасности, располагая при этом соответствующим арсеналом средств (вооруженные силы, техника, технологии).

Историография проблемы невелика и представлена преимущественно публицистикой. Диссертационные работы составляют прежде всего политические, юридические и социологические исследования отдельных аспектов деятельности армии, правоохранительных органов и спецслужб. В работах А. А. Бабанова и Н. С. Лабуша силовые структуры являются объектами политического исследования. Однако А. А. Бабанов рассматривает только вооруженные силы и МВД России. Д. Е. Петров исследует силовые структуры с точки зрения их политической ресурсности. И. Б. Кардашова дает юридический анализ деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности государства. В исследовании П. Е. Газукина дается исторический анализ реформирования российской армии в 1990-е гг. посредством изучения ее Центрального аппарата. Состояние системы национальной безопасности в 1990-е гг. рассматривается в цикле работ Е. Стригина¹.

История российских силовых структур в значительной степени стала продолжением истории советских ведомств. Процесс их формирования был связан с кризисом государства, что оказало сильное влияние на их последующее развитие. Достаточно сказать, что лидеры новой России испытывали недоверие к силовым ведомствам СССР, что явилось препятствием на пути их интеграции в российские структуры власти. В первую очередь это коснулось Комитета государственной безопасности, в отношении которого была реализована политика разукрупнения. Разукрупнение системы безопасности осуществлялось по итогам августовского путча 1991 г. и, несомненно, носило политический характер. В декабре 1991 г. из КГБ в качестве отдельных структур были выделены СВР, ФПС, ФАПСИ, ФСО России. Эти подразделения стали существовать не как элементы мощной системы государственной безопасности, а как отдельные ведомства, соотносящиеся с руководством федераль-

ной службы безопасности, как самостоятельные партнеры. Основная цель этой реорганизации была связана со стремлением к ослаблению КГБ, *невозможностью использования этой мощной структуры в качестве орудия политической борьбы*. В. А. Крючков, возглавлявший КГБ в те годы, в своих воспоминаниях следующим образом охарактеризовал итоги преобразования: «Из Комитета были выделены погранвойска, правительственная и шифровальная связь, стала самостоятельным ведомством внешняя разведка, была выведена служба правительственной охраны, подразделения для проведения операций по борьбе с терроризмом, отдел по осуществлению технического слухового контроля... Коротко говоря, полная раздробленность, разобщенность, отсюда скованность в проведении оперативных мероприятий, невозможность концентрировать, координировать их деятельность на наиболее важных направлениях»².

Если система государственной безопасности подверглась структурным трансформациям, то вооруженные силы переживали реформирование. Концепция формирования Вооруженных сил Российской Федерации была подготовлена Государственной комиссией под руководством Д. А. Волкогонова, а ее реализация началась летом 1992 г. Концепция предусматривала решение ряда задач: создание российских вооруженных сил; обеспечение вывода всех российских войск на территорию государства; значительное сокращение армии и флота и, наконец, реформирование Вооруженных сил Российской Федерации. По данным П. Газукина, численность вооруженных сил с учетом воинских формирований, выполняющих задачи в интересах Минобороны России, сокращалась с 2,8 млн в 1992 г. до 1,8 млн в 1997 г., 1,5 млн в 1998 г. и 1,2 млн в 1999 г.³ Последовательно снижались военные расходы страны. По данным А. Цыганка, они упали с 5,6 % ВВП в 1994 г. до 2,3 % ВВП в 1999 г.⁴

Динамика развития МВД России в 1990-е гг. была обусловлена существованием усилением криминализации общества на фоне ухудшения экономической ситуации, что обусловило частичный «паралич» всей правоохранительной системы страны, конкретными проявлениями которого стали недобор личного состава, отток из системы профессиональных кадров, коррупция в следственных органах и судебной системе, устаревшее техническое обеспечение и т. п.

Тенденция развития ведущих силовых структур в начале 1990-х гг. однозначно характеризуется понятием «кризис». Кризис силовых структур создавал определенные сложности для власти, которая не может существовать без силового аппарата. Это обусловило необходимость создания нового ведомства, которое пользовалось бы доверием политического руководства. Такая структура сформировалась в июле 1990 г. как корпус спасателей, в декабре 1990 г. получила статус Госкомитета, в июле 1991 г. была преобразована в Госкомитет по чрезвычайным ситуациям, а с 1994 г. — в Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Создание и рост этой организации тесно связаны с деятельностью ее руководителя — С. К. Шойгу, который, по сведениям публицистов, был обязан своим успехам занятой политической позиции: «В августе 1991 г. Шойгу активно поддержал Ельцина, за что впоследствии был отмечен медалью “Защитник свободной России”»⁵.

Формирование центров МЧС России происходило на основании президентских указов и охватывало основные регионы России: «19 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР № 221 был создан Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Новый государственный орган объединил силы и средства ГКЧС и Штаба гражданской обороны РСФСР Министерства обороны СССР. Этим же Указом были созданы Штаб войск гражданской обороны РСФСР и 9 региональных центров (РЦ) по делам ГО ЧС в Москве (Центральный РЦ), Санкт-Петербурге (Северо-Западный РЦ), Ростове-на-Дону (Северо-Кавказский РЦ), Самаре (Приволжский РЦ), Екатеринбурге (Уральский РЦ), Новосибирске (Западно-Сибирский РЦ), Красноярске (Восточно-Сибирский РЦ), Чите (Забайкальский РЦ) и Хабаровске (Дальневосточный РЦ)»⁶.

Новая структура публицистами рассматривается как политический ресурс Президента России Б. Н. Ельцина: «“Спасательские” структуры, созданные Шойгу, изначально были задуманы как небольшая армия, готовая поддержать нового президента страны Бориса Ельцина. При создании МЧС России были задействованы наработки по созданию

в России национальной гвардии, задуманной как опора президента и противовес на случай, если армия окажется по другую сторону баррикад. В высших эшелонах власти концепцию создания гвардии в конце концов отвергли. Но региональные центры МЧС нарезали по тем же округам, по которым планировалось расквартировать гвардию»⁷.

В ведении МЧС России находятся войска гражданской обороны, которые нацелены на решение многочисленных задач по преодолению угроз, вызванных природными, экологическими, радиационными, технологическими, химическими, биологическими и прочими авариями и катастрофами. Именно это ведомство стало расширяться ускоренными темпами, становясь в определенном смысле альтернативой армии, присоединяя к себе все новые службы, в том числе входившие ранее в другие структуры.

В отличие от других силовых структур, переживавших кризис в условиях 1990-х гг., МЧС России не прекращало своего поступательного развития: «В условиях дефицитного финансирования начала 90-х Шойгу показал себя умелым хозяйственником нового типа: деньги на содержание министерства добывались с помощью личных связей, зарабатывались коммерческими структурами самого МЧС, поступали в качестве гуманитарной помощи Запада. Как результат, ведомство Шойгу стало одним из самых хорошо оснащенных министерств»⁸. Развитие и рост ведомства происходили параллельно с укреплением политического авторитета С. К. Шойгу, который активно поддерживал партию власти и пользовался постоянным доверием Ельцина, в том числе в условиях кризисных событий 1993 г. и на выборах 1996 г.

Еще одной тенденцией развития силовых структур, заявившей о себе в 1990-е гг., стало стремление законодателей к их регламентации. Если в советское время их деятельность подчинялась высшему политическому руководству и практически не регулировалась на законодательном уровне, то в России 1990-х гг. были приняты многочисленные законодательные акты, регламентирующие деятельность отдельных ведомств и целых направлений. Был принят ряд законов, касающихся вопросов безопасности и деятельности всех силовых ведомств. Среди них федеральные законы «О безопасности» (1992), «О государственной тайне» (1993), «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995), «О борьбе

с терроризмом» (1998), «О противодействии экстремистской деятельности» (2002).

Федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» (2001), «О военном положении» (2002), а также Федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (1997) регламентируется деятельность государства в чрезвычайных условиях. Деятельность оборонного ведомства регламентировалась федеральными законами «Об обороне» (1996), «О воинской обязанности и военной службе» (1998), «О статусе военнослужащих» (1998). Деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации определялась законами «О милиции» (1991), «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» (1997), «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (1995). Федеральная служба безопасности руководствовалась Федеральным законом «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995); МЧС России — законами «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (1994), «О пожарной безопасности» (1994), «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» (1995), «О гражданской обороне» (1998). Отдельными законодательными актами регламентировалась деятельность ФСО России — «О государственной охране» (1996), СВР России — «О внешней разведке» (1996), ФПС России — «О пограничной службе Российской Федерации» (2000), ФАПСИ — «О федеральных органах правительственной связи и информации» (1993).

Правовую базу деятельности силовых структур составляли указы и послания Президента РФ и постановления Правительства РФ, в том числе положения о деятельности соответствующих структурных подразделений, оформленные как указы Президента России. Законы, разработанные для силовых структур, стали регламентировать их деятельность, устанавливая для нее определенные рамки. Активная законодательная деятельность в сфере безопасности в 1990-е гг. была обусловлена стремлением не допустить правового произвола в условиях конституционного признания прав человека высшей ценностью. Вовсе не случайно большая часть законов, касающихся учреждений и организаций

силового блока, была принята в период 1991—1995 гг., т. е. именно тогда, когда происходила трансформация политических институтов, унаследованных от авторитарного советского государства, в котором силовые структуры играли стержневую роль.

Таким образом, в развитии силовых структур России в 1990-е гг. проявились тенденции, не типичные для предшествующего периода. Центральной из них стало раздробление, особенно характерное для системы государственной безопасности, разделенной на несколько ведомств, при одновременном уменьшении их потенциала и сокращении сферы компетенции. Причиной подобного развития событий стало недоверие, испытываемое российскими властями к силовым структурам, унаследованным от СССР. Вторая тенденция выражалась в стремлении России к формированию собственных силовых структур, результатом чего стало создание МЧС России и его стремительное развитие на фоне кризисного положения других ведомств. Третья тенденция проявилась в стремлении органов власти к установке жестких законодательных рамок деятельности всех министерств и служб, относящихся к силовому блоку. Важнейшими из них стали законы «О милиции» (1991), «О безопасности» (1992), «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (1994), «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995), «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995), «Об обороне» (1996).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере ВС и МВД Российской Федерации): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. 293 с.; Лабуш Н.С. Силовой механизм государства и общество (политико-социологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 1999. 430 с.; Петров Д.Е. Политическая ресурсность силовых структур современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2012. 228 с.; Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности РФ: дис. ... д-ра юрид. наук М., 2006. 494 с.; Газукин П.Е. Центральный аппарат военного управления РФ в 1992—1999: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 307 с.; Стригин Е.М. КГБ был, есть и будет. От КГБ СССР до МБ РФ (1991—1993). М.: Эксмо, 2004. 640 с.; Его же. КГБ был, есть и будет. От МБ РФ до ФСК РФ (1994—1995). М.: Эксмо, 2004. 608 с.; Его же. КГБ был, есть и будет. ФСБ РФ при Барсукове (1995—1996). М.: Эксмо, 2006. 608 с.

² Крючков В.А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 474.

³ См.: Газукин П.Е. Центральный аппарат военного управления ... С. 282.

⁴ См.: Цыганок А. Бред и имитация перевооружения. URL: www.segodnia.ru/content/18504 (дата обращения: 15.03.2014).

⁵ Шойгу Сергей. URL: lenta.ru/lib/14159636/full.htm (дата обращения: 15.03.2014).

⁶ МЧС России: 15 лет на страже безопасности людей и территорий. URL: federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-19/II/Shougu.pdf (дата обращения: 22.08.2014).

⁷ Империя МЧС. Как закалялась спасательская сталь. URL: flb.ru/info/33759.html (дата обращения: 22.08.2014).

⁸ Там же.

Поступила 01.09.2014.

T. L. Bikhtemirov. The Main Trends in Formation of the Power Structures in the Russian Federation in the 1990s

The power structures of the Russian Federation represent a range of Federal agencies and departments ensuring implementation of the objectives of national security with the appropriate tools (armed forces, equipment, technology). The process of their formation was associated with the crisis of the USSR, which had the strongest influence on their subsequent development. The leaders of the new Russian state lacked confidence in the power agencies of the USSR, which was an obstacle to their integration into the Russian power structure.

Development of the power structures of the Russian Federation in the 1990s revealed the trends not characteristic for the preceding period. The tendency to fragmentation was the central one among them, being especially characteristic for the system of public security divided into several departments, while reducing their capacity and their scope of competence. In the 1990s, Russia's armed forces were significantly reduced. The dynamics of development of the Ministry of Home Affairs in the 1990s was due to the sharp increase in the criminalization of the society and the worsening economic situation. The second trend was the desire to create their own security forces, which resulted in the establishment of the Ministry of Emergency Situations and its rapid development contrasting the decline of other agencies. The third trend was manifested in the desire of the authorities to set a rigid legal framework for the activities of all agencies and services related to the power block. The most important of them are the laws 'On militia' (1991), 'On security' (1992), 'On protection of population and territories from emergency situations of natural and anthropogenic character' (1994), 'On the bodies of the Federal security service in the Russian Federation' (1995), 'On the operational search activity' (1995), 'On defense' (1996).

S. V. МИТИН

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ НА СЕЛЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: ВКП(б), командно-административный режим, государственный аппарат, мобилизация, исполнительная власть, Советы, сельскохозяйственное производство, политотделы, колхозы, совхозы

Key words: All-Union Communist Party (Bolsheviks), administrative command mode, state apparatus, mobilization, executive power, agricultural production, political departments, collective farms, state farms

В представленной статье рассматривается деятельность органов власти Мордовии на селе в первые месяцы Великой Отечественной войны. Показан процесс сращивания партийной власти с государственной, когда в условиях существовавшего политического режима ряд функций советских органов был передан партийным органам.

This paper deals with the activities of the authorities of Mordovia in rural areas in the first months of the Great Patriotic War. The process of merging the Party power with the state is exposed, when in the circumstances of the then existing political regime, a number of functions of the Soviet authorities were transferred to the Party bodies.

Перед Великой Отечественной войной в СССР сложился политический режим, при котором использовались командно-административные методы управления обществом. В основе режима находилась ВКП(б), чьи партийные организации функционировали на всех уровнях общества. В 1930-е гг. выстраивалась политическая система и регионального уровня.

МИТИН Сергей Владимирович, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

MITIN Sergei Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of the World History and the World Political Process, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

В Мордовии в основном сформировались структура организации и принципы функционирования и управления ВКП(б), которые практически в неизменном виде существовали в течение Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия.

Во второй половине 1930-х гг. все отчетливее стала проявляться тенденция усиления взаимоотношений ВКП(б) с государственным аппаратом и органами советской власти. Налицо был процесс сращивания партийной власти с государственной. В условиях существовавшего политического режима ряд функций советских органов был передан партийным. С началом Великой Отечественной войны эти процессы усилились.

В первые недели после начала Великой Отечественной войны партийное и советское руководство страны стало осознавать глубину трагедии, постигшей государство, и необходимость новой ориентировки руководства республик и областей в сложившейся обстановке. 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей была направлена секретная директива СНК СССР и ЦК ВКП(б). В ней говорилось о масштабах военных поражений и нависшей опасности, содержался призыв перестроить работу на военный лад, мобилизовать все силы народа на отпор врагу.

Война потребовала перестройки политической, идеологической и экономической систем, различных звеньев партийного, государственного и хозяйственного аппаратов. Формы и методы работы партийных и советских органов стали ужесточаться, содержание внутренней и внешней политики изменяться. Политическая система, в основе которой лежала строго централизованная структура партийно-государственных органов при руководящей роли партии, имела определенный опыт функционирования в чрезвычайных условиях, что и помогло ей работать в экстремальных условиях.

Существовавшая в Советском Союзе политическая система концентрировала усилия народа на решении первоочередных народно-хозяйственных задач, на преодолении объективных или искусственно создаваемых трудностей.

В связи с военным положением встала необходимость коренного изменения методов руководства управленческих органов на селе. Главным направлением их деятельности

в сельскохозяйственном производстве стала максимальная мобилизация внутренних сил сельского хозяйства, так как поступление денежных средств и материальных ресурсов сюда почти полностью прекратилось. На коммунистов возлагалась большая ответственность. В Мордовии работники райкомов ВКП(б), члены первичных партийных организаций, депутаты местных Советов по требованию вышестоящих организаций стремились усилить свое влияние на крестьянство и при проведении сельскохозяйственных работ. Поэтому для осуществления контроля партийных и советских работников стали посылать в села и деревни. Их роль на подведомственной территории в новых условиях усилилась.

В годы войны обкомы и райкомы ВКП(б), которые не являлись органами исполнительной власти, стали фактически выполнять ее функции. Изменения претерпели не только содержание работы и структура аппарата управления, но и организационно-правовые формы деятельности местных Советов и первичных партийных организаций.

В работе партийных и советских органов в Мордовии все чаще стали преобладать методы принуждения и контроля. Сельским органам управления приходилось в тяжелых условиях решать различные проблемы. Одной из них была мобилизация на фронт. Так, за два года войны из 16 тыс. чел. руководящих работников МАССР в армию было направлено более 9 тыс. чел. Перед первичными партийными организациями ставилась задача мобилизации масс на предприятиях и в колхозах для выполнения производственных планов и укрепления трудовой дисциплины. Именно первичным парторганизациям вменялось в обязанность принимать активное участие в экономической и политической жизни страны, вести агитационную работу в массах и привлекать в партию новых членов. В первые же месяцы войны началось существенное сокращение первичных парторганизаций в колхозах Мордовии. Например, в конце 1941 г. в Ельниковском и Мельничанском районах их не осталось, в Чамзинском районе функционировала одна первичная партийная организация¹.

Недостаток людей на руководящих должностях пытались исправить путем увеличения приема в Коммунистическую партию. Следует отметить, что в годы войны произошел некоторый отход от идей классового подхода при решении этого вопроса. Так, до 1936 г. прием в ряды ВКП(б) предста-

вителей крестьянства и интеллигенции был регламентирован. Впоследствии регламент ослабевал, а с началом Великой Отечественной войны в большом количестве в партию стали принимать представителей интеллигенции и крестьянства. На освобожденные должности, связанные с уходом того или иного руководителя на фронт, часто назначались молодые и неопытные кадры из вновь принятых в партию.

Заработала система подготовки председателей колхозов, в местные сельсоветы избирались новые депутаты. В Мордовии за год и 3 месяца войны в ВКП(б) было принято 1 150 чел., из них 240 крестьян-колхозников. На фронт выбыло 1 593 чел. Иными словами, несмотря на проводившуюся работу, количество коммунистов в Мордовии постоянно сокращалось.

Об ужесточении политики Коммунистической партии в области сельского хозяйства в первые месяцы войны свидетельствует постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г., где говорилось о создании в МТС и совхозах политотделов из 3 чел.: начальника, являвшегося заместителем директора МТС или совхоза, его заместителя и помощника по комсомольской работе. Они проводили политмассовую работу, организовывали повсеместно коллективы агитаторов, различные виды соревнования, выдвигали и воспитывали новые кадры и осуществляли контроль за деятельностью колхозов, совхозов и МТС. Однако, не будучи специалистами, они часто мешали хозяйственным руководителям. В итоге нарушался принцип единоначалия, сельскохозяйственные кампании начинались и заканчивались в угоду волевым решениям партийных организаций различного ранга. Политотделы были чрезвычайными органами, поэтому, когда перестройка сельского хозяйства на военный лад была завершена, а первичные партийные организации деревни постепенно стали укрепляться, необходимость в них отпала. В мае 1943 г. решением ЦК ВКП(б) политотделы были ликвидированы².

Кроме политотделов МТС и совхозов, в начале войны была распространена другая форма контроля над крестьянами и их принуждения — так называемая система уполномоченных. Во время каждой сельскохозяйственной кампании в колхозы и совхозы для повседневного наблюдения направлялись уполномоченные. Они подбирались из работников райкомов

ВКП(б), райисполкомов, районных отделений НКВД, милиции. В основном это были люди, не знающие сельского хозяйства, но считавшие себя вправе вмешиваться в ход работы. В результате, как и в политотделах, нарушался принцип единоначалия. Если уполномоченный не был согласен с хозяйственными руководителями, он направлял в райком ВКП(б) жалобы и докладные. Райком вызывал того или иного хозяйственника и применял к нему различные меры воздействия. Система уполномоченных, в отличие от политотделов, существовала до конца войны.

Следует отметить, что первые месяцы войны негативно сказались на состоянии сельского хозяйства Мордовии. Колхозы, совхозы и личные крестьянские хозяйства ослабевали, все меньше оставалось работоспособных мужчин. В ходе перестройки сельскохозяйственного производства на военный лад возросло внеэкономическое принуждение крестьян к работе, без материальной заинтересованности (хлеб на трудодни выдавался в минимальном количестве). Со стороны партийных и советских органов, органов НКВД, милиции усилились упредительно-карательные мероприятия.

О сложившейся ситуации свидетельствовал указ «О повышении обязательного минимума трудодней» от 15 февраля 1942 г., который зависел от территории проживания. В Мордовии он увеличивался от 100 до 120 трудодней в год. Трудоспособные колхозники, не выработавшие (без уважительных причин) обязательного минимума трудодней, привлекались к суду, присуждавшему им до 6 месяцев исправительно-трудовых работ в колхозах с удержанием в пользу предприятия 25 % выработанных трудодней³. Партийное указание было следующим: правлениям колхозов предоставить право считать выбывшими из артели трудоспособных колхозников, не выработавших в течение года обязательного минимума трудодней, и лишать их приусадебных участков.

Начало войны коренным образом изменило жизнь сотен тысяч людей нашей республики, что имело серьезные социально-экономические последствия. Под руководством партийных и советских органов в мобилизационном режиме сельское хозяйство стало перестраиваться на военный лад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 334. Л. 104; Д. 138. Л. 156.

² См.: Арутюнян Ю.В. Из истории МТС в период Великой Отечественной войны 1941—1945 // Вопр. истории. 1958. № 8. С. 88—89.

³ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 258. Л. 111; Д. 156. Л. 104.

Поступила 09.09.2014.

**S. V. Mitin. Changes in the Policies
of the Regional Party and Soviet Bodies in the Rural
Areas at the Beginning of the Great Patriotic War**

Before the Great Patriotic War, the political regime formed in the USSR was characterized by the administrative command methods of governance. In the second half of the 1930s, an evolution of relationships between the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Soviet authorities began to occur. There was a process of interpenetration of the Party and the state power. In terms of the then existing political regime, a number of features of the Soviet authorities were transferred to the Party bodies. With the beginning of the Great Patriotic War, these processes began to intensify. The war demanded restructuring of the political, ideological and economic systems, of different parts of the party, state and economic machinery. The forms and methods of work of the Party and Soviet authorities became tougher, the content of internal and external policies was changing. The political system based on the strictly centralized structure of the Party and state authorities under the leadership of the Party, had some experience of functioning in extreme conditions and that helped the system to operate in such conditions. During the restructuring of the agricultural production according to the wartime needs, non-economic coercion of peasants to work increased, without any material incentives. The Party and Soviet authorities, those of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) and the militia intensified preventive and punitive measures.

The outbreak of the war changed lives of many people of the Republic which had serious socio-economic consequences. Under the leadership of the Party and Soviet bodies, agriculture and the economy began to readjust to the wartime needs in the mobilization mode.

Е. А. ТРОФИМОВА

**ОБРАЗ СТРАННИКА В РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Ключевые слова: странник, метафизика странничества, русский космизм, номадизм, Серебряный век, модерн

Key words: wanderer, metaphysics of wandering, Russian Cosmism, Nomadism, Silver Age, Art Nouveau

Образ, метафора и конкретно-исторический феномен странничества рассмотрены в статье не только как важная часть русской православной культуры, но и как проявление космизма. Мыслители и художники-космисты во многом подготовили «номадическое» самосознание эпохи модерна.

The image, metaphor and specific historical phenomenon of wandering is considered in this paper not only as an important part of the Russian Orthodox culture, but also as a manifestation of Cosmism. Thinkers and cosmist painters largely prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau age.

Образ странника мог бы быть приложим ко многим выдающимся деятелям Серебряного века в качестве эмблемы их автобиографической рефлексии. Современники называли странником философа В. С. Соловьева; З. Н. Гиппиус являет миру суть известного философа В. В. Розанова через образ «задумчивого странника».

Сам В. В. Розанов писал о себе: «Странник, вечный странник и везде только странник»¹. Розановская уединенная философия в образе странника видит проповедника, пророка: «Собственно, я родился странником; странником-проповедником»². Смелое и самоироничное розановское признание в том, что его «пророчества» есть «частность» его биографии, лишь «домашнее обстоятельство» ничуть не умаляют сво-

ТРОФИМОВА Елена Александровна, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат философских наук.

TROFIMOVA Elena Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation).

евременности его философии. Культуре Серебряного века вообще было свойственно разрабатывать образ странника в символически-архетипическом ключе, стремясь уяснить при этом глубинный опыт русской духовной культуры и особенности национального характера, а также формировать базовые положения и ценности метафизики странничества.

Н. А. Бердяев искал основные ориентиры и константы русского национального характера, менталитета. Ключом к пониманию этого явления он называл антиномизмом, противоречивостью русской души. Философ отмечал «недостаточное развитие личного начала в русской жизни», некоторую «мягкотелость», «стихийность» русских людей. По мысли Н. А. Бердяева, «Россия — страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды». Мыслитель увидел в традиции русского странничества свободу и надмирность: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник — свободен от «мира» и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции»³.

Странничество, рассмотренное в исторически-конкретном аспекте, связано с историей русского церковного раскола (бегунство и старообрядчество), протестными антигосударственными формами поведения как части крестьянской реформации. Интересна связь странничества с формированием русских народных социально-утопических легенд (например, легенда о земле обетованной — Беловодье). Культура русского странничества воплощала «народное православие»: в ней совмещались символы народной христианской веры (культ Богородицы, идея бегства от мира, невозможность спасения в миру) с традициями и верованиями славянского язычества⁴. Опираясь на традиции монашества, странники пытались приблизиться к миру священного. Само стремление к бегству из мира указывало на невозможность спасения в суете повседневности.

Культурный феномен странничества сложился задолго до Серебряного века, но именно в эту эпоху странничество попало в особый фокус интеллектуального и художественного рассмотрения. Именно Серебряный век начинает разрабатывать своеобразную метафизику странничества. Она стала гранями особого неоромантического порыва ведущих мастеров национальной культуры: глубже осмыслить свои собственные истоки и достижения для постановки задач обновления и улучшения мира. Примерно в этот же период происходит осмысление русской храмовой архитектуры, создается метафизика православной иконописи. В связи с этим можно вспомнить исследования о. П. А. Флоренского об иконостасе, обратной перспективе, синтезе искусств в православной литургии. Очерки о русской иконе С. Н. Трубецкого окончательно заставили мыслить о ней как об «умозрении в красках». Многочисленные зовы-воззвания Н. К. Рериха о необходимости сохранения не только отдельных культурных памятников, но и целых природно-культурных и исторических ландшафтов свидетельствуют о широте особого культурного движения в эпоху Серебряного века.

Ситуация рефлексии на архаику, истоки русской и евразийской культур, заостряемые в эпоху Серебряного века, создавали нетрадиционные формы ее постижения. Обостряется интерес к маргинальным формам культуры, запороговым состояниям человека, молитвенному и духовному творчеству. Д. Дорощев увидел в странничестве трансгрессивное явление: «Странник — человек “не на своем месте”, без меры общества. Он ускользает от нормативных установлений, не вписывается в общество и отторгается им и при этом вызывает даже некоторое уважительное почтение. Поэтому странничество позволяет всегда по-новому увидеть внутреннее бытие культуры»⁵.

В художественных практиках Серебряного века образ-концепт «странника» начинает символизировать путь индивидуальных духовно-нравственных исканий человека и обретения Высшего начала: странник, — это не только богомolec или религиозный подвижник, но и человек, готовый к внутренним трансформациям и поискам личного пути. Странник, оторванный от родного дома, более уязвим, чем оседло живущий человек, он не защищен от социальных и природных катаклизмов. Странничество всегда связано с неизбежностью рисков.

Странничество проявилось как особая традиция, сохраняющая основные константы и духовные универсалии русской культуры: странник держит путь в «Святую Русь». Можно отметить две основные линии странничества, ярко и полнозвучно проявленные в культуре Серебряного века: неоромантическая жажда вернуться к своим истокам и обрести их; попытка нахождения глубинного понимания между народами, культурами, областями, краями и регионами. Странствующие и есть вестники народной дипломатии.

Странничество дуалистично, оно предстает как жизнь вне дома, за его пределами. Кроме того, оно есть расширение границ дома до попыток обустройства космического пространства. Есть глубинная волнующая соотнесенность понятий странствия земного, духовного и космического. Это соотношение удалось выявить мастерам и мыслителям Серебряного века. Именно в эту эпоху сложилась традиция рассматривать странничество как особую жизненную мудрость, а путешествие как продолжение образования. Странничество становится интересным в названную эпоху именно как разновидность и способ жизнестроительства.

В современном мире путешествие становится формой потребления: люди привыкли жить даже во время путешествия в повышенной зоне комфортности. Странничество с его рисками, дискомфортом, невзгодами оттесняется на второй, если не на задний план. Странников давно заменили отщепенцы, бродяги, беглые, а в современном мире — бомжи. Практика длительных пеших передвижений становится уделом немногих энтузиастов. Жизнь наполняется сверхзвуковыми перелетами, скоростными поездами и автострадами. Появилось понятие «космический туризм», практика которого быстро развивается.

Странничество можно рассмотреть не только как сюжет из жизни православной русской культуры, но и как производное от космизма, ядра русской культуры Серебряного века. Этот неистовый «порыв вдаль», характерный для новоевропейской цивилизации, продолжился в русском космизме на новом уровне. Космисты (литераторы, художники, изобретатели, мыслители и архитекторы) во многом подготовили «номадистское» самосознание нашей эпохи. Это возможно показать на примере творчества Н. К. Рериха, М. В. Нестерова, Н. С. Лескова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова и др.

Феномен странничества Серебряного века трудно рассматривать без учета православных идей, но важно отметить, что странники, особенно старообрядцы, проходя огромные территории России, по существу персонифицировали взаимодействие восточных и западных, северных и южных ее регионов. Можно сказать, что феномен странничества развивался и получил культурное оформление в плотной соотнесенности культур Востока и Запада. Опыт странничества способствовал нахождению духовных созвучий между народами. Так происходит в случае странствий-путешествий семьи Рерихов.

На картинах художника-мыслителя Н. К. Рериха изображены странники разных культур: уезжает на буйволе Лао-цзы, едет в кибитке Конфуций. Образный строй работ Рериха доказывает не только его близкое знакомство с внутренними смыслами восточных культур, но и глубокое духовное проникновение в их потаенную суть. Образ «пути» играет важную роль в китайской культуре, пронизанной энергией даосизма. Иероглиф «Дао» обозначает не только предельное основание бытия, высший закон Вселенной, естественный ход вещей, но и движение, путь, дорогу. Даосский принцип недеяния — призыв к простоте и естественности, возвращение человека к жизни со вселенским ритмом: странствующий особо чувствителен к движению космической энергии «ци».

Понятие «Дао» применяли древние китайские астрономы для обозначения небесного пути движения светил. Основное значение иероглифа Дао — дорога, по которой идут люди, человеческий путь, идущий человек. Легендарного основателя даосизма мудреца Лао-Цзы китайские художники изображали бредущим по дорогам Китая или едущим верхом на буйволе. Этому мудрецу приписывают авторство самого знаменитого даосского трактата Дао-дэ-Цзин (книга Пути и Благодати).

Космический принцип Дао дает возможность сосредоточиться на пронизывающей все единой силе, животворящем и одухотворяющем начале бытия. Все сущее соучаствует в тайне Дао. Дао — это покой, благодать, полнота мира чувствования. Это внутренняя реальность, взаимопроникновение динамических противоположностей, универсальный символ всякого движения, никогда не спящий поток, ускользающее

присутствие, предел существования. Живопись и каллиграфия как «игра тушью» являла собой бытие Дао как стихию чистой игры. Жизнь в учении даосов рассматривалась как путь недеяния (У-вэй) — путь ненасилия, естественности, ненарушения природы вещей. Добродетель заключается в том, чтобы следовать природе Дао — не навязывать Вселенной ритм своей жизни, а довериться ее распорядку. Дао мудрого человека — это деяние без борьбы.

Образ-концепт странника — сквозной мотив художественной культуры Серебряного века. Фигура странника — свидетельство не только мобильности, подвижности, адаптации к чужой жизни, динамики освоения культурных форм, но и прежде всего базовая архетипическая устойчивость, способ сохранения основных констант русской культуры. Путешествие, как оно предстает в русских сказках или западных мифах и легендах, это всегда искушение принять иное, это предложение забвения собственных корней и истоков. Русский странник Серебряного века не прельщается забвением своего в угоду выгоде и комфорту. По мнению Д. Дорофеева, «странник по сути есть явление именно древнерусской культуры, в нем воплотился уникальный образ человека, решившегося в скитаниях обрести свою форму жизни, понимаемой как вечный поиск Бога на дорогах мира. Здесь отрешенность от мира и связанность с ним неповторимо дополняют друг друга»⁶.

В. В. Розанов, комментируя знаменитую Пушкинскую речь Достоевского, отмечает всемирную отзывчивость русских. Глубинная черта русских покоится в заимствовании и принятии «чужого»: «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям...»⁷. Эта черта русского человека нашла яркое отражение в русской литературе, поэзии и живописи Серебряного века.

В русском искусстве и литературе Серебряного века перед нами проходят образы сильных, парадоксальных, непредсказуемых личностей-странников. Размах и широта их судеб создают представление о глубокой духовной мощи России. Яркое богатырское начало повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» сопряжено с историей тяжелых испытаний и внутренних подвигов. «Очарованный странник» Н. С. Лескова не может быть понят без учета значимости в жизни человека духовной реальности. Произведение Ле-

скова — это не только рассказ о жизненном пути человека, пути препятствий, утрат и приобретений, но и история земных мытарств души в поисках путей спасения и обретения Града Небесного. Ключом к пониманию «двойного кода» текста Лескова является как само наводящее на смысл, взыскующее истины название повести, так и сны главного героя Ивана Северьяныча. Сны-зовы, сны-предупреждения о терпении как условии духовных достижений. Сны очарованного странника можно соотнести с некоторыми работами Н. К. Рериха («Странник Светлого Града») или со стихами В. С. Соловьева («В тумане утреннем неверными шагами...»).

Большой популярностью в Серебряном веке пользовались переписанные игуменом Паисием (Афон), «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Сопоставление этого источника с русской литературой и живописью Серебряного века существенно обогащает наше понимание нравственной и духовной природы странничества, этот источник может быть интересен как верующим, так и атеистам. Эти рассказы неоднократно переиздавались, прямые или косвенные ссылки на них встречаются в Серебряном веке довольно часто. К заграничному изданию предисловие написал профессор Б. П. Вышеславцев⁸. Здесь основным движущим мотивом странничества называется обретение опыта непрестанной исусовой молитвы, одоление внутренних и внешних преград на этом пути. Опыт молитвы не есть опыт мгновенного погружения в особое состояние, а результат трудной и постепенной работы с внутренними проблемами: Странник остерегался того, чтобы не впасть в прелесть, духовное корыстолюбие и сластолюбие. Странствие понимается как путь обретения божественной любви. Путь странника — это долгое, трудное поэтапное обретение нового духовного опыта через глубинное общение с наставником, работу по самоанализу и самонаблюдению, поиск путей преодоления внутренних и внешних преград на пути обретения искусства непрестанной молитвы.

На более высокой стадии ученик начинает приобретать особое сердечное чувство, видение добра и любви, разлитых в мире. Постепенно происходит чувственно-телесное и духовно-нравственное преображение ученика в процессе «умного делания», творения заповеданной исихии. Сила русской философии в различении состояний ума и сердца,

что связано с ее опытническим характером, и в стремлении к формированию «созерцательного ведения». Созерцательное ведение — удачный термин, ключевой не только для внутреннего устройства человека, но и для понимания живописи Серебряного века. Интересно, что способность к созерцательному ведению приходит почти параллельно с пониманием «внутренней молитвы», преобразованием молитвы внешней во внутреннюю. Результатом обретения нового духовного опыта является то, что странствующий ученик приходит к постижению глубинного родства всего живого.

В образе странника содержится смысл Другого, Иного, а также иноверия и иномирия. Странник — это всегда если не пересечение, то встреча традиций. Это переосмысление не только пределов пространства, но и пределов культурных миров, терпения и терпимости. По наблюдениям В. В. Розанова в извечном соперничестве философии и религии первенство всегда будет за религией: «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию»⁹.

Судьба странника — соединение родного и вселенского. Он универсален, стоит как бы вне времени и временных потоков мира и судеб. Внеисторичность русской культуры, отмеченная еще П. Я. Чаадаевым, была воспринята деятелями Серебряного века в осмыслении судеб необустроенного Славянского мира. Необустроенность, неукорененность, примат кочевого стиля жизни (номадического) — вот что увидел Чаадаев в русском мире: «В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам»¹⁰.

Странник выброшен из унылой повседневности, он противостоит ей каждым мигмом своего бытия, накалом своих чувств и переживаний. Странник отметит то, что другим кажется таким привычным и понятным. Взгляд странника — это взгляд Другого. Странник — это остраннение. Странничество — глубинное инобытие культуры.

Серебряный век проявил себя как необузданную игру творческих сил человека. Заложенный в Серебряном веке мощный импульс дал новую жизнь оригинальному направлению мысли и искусства — русскому космизму. Его

можно мыслить как целостное и одновременно антиномическое явление. Космизм, рассмотренный на широком поле русской культуры Серебряного века, начинает приобретать черты полифоничности. Идеи всечеловечности, вселенскости проявились в космизме с особой силой. Космизм связан стихиями земли, воды и неба. Над Россией самый большой воздушный бассейн: она обречена на вечные грезы о полетах. Космизм Серебряного века связан не только с расширением сознания, долга и ответственности человека и человечества, но и с укреплением темы личного пути, персонализацией личного выбора. Серебряный век на место равнинной религиозности ставит горную, расширяет границы и пределы внутренней жизни и внутреннего чувствования. Эта нелюбовь к нормативности, контролю жизни ярко проявилась в странничестве. Именно странничество вобрало в себя дух русского космизма с его желанием преодоления всех и всяческих преград, вплоть до земного тяготения.

Образ странника (и это хорошо видно на полотнах Н. К. Рериха) связан с далями, горизонтами, небесным зодчеством, нескончаемыми путями-дорогами во имя незримого града. По наблюдениям Н. А. Бердяева, «в России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание неведомого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами»¹¹.

Традиция странничества связывалась на Руси с укреплением и обретением религиозного чувства. Странничество явилось своеобразным способом осмысления пределов пространства, его границ, переходов, а значит тайн и загадок. Именно религиозное чувство мыслилось В. В. Розановым в качестве важнейшего моста с Космической беспредельностью: «Ни в одном из видов своего творчества природа человека не является в таком величии и в такой красоте, как в творчестве религиозном. Нигде человек не переступает того тесного предела, которым ограничен он, и даже в науке, поднимаясь в высшие сферы умозрения, он остается только ничтожною частицей мироздания, он сознает себя отделенным от этого мира, потому что сознает этот мир как внешний объект своей мысли; и только в той отрешенности от всего личного, от всего временного и земного, которая составляет сущность религиозного чувства, человек осво-

бождается от уз своих и сливается с Космосом. И только в этом чувстве человеческая природа является собранною в одно целое»¹². Именно религиозному чувству Розанов отводил главную роль в восстановлении утраченной связности человека и Космоса. Именно эту интенцию мы наблюдаем на картинах М. В. Нестерова, где изображены смиренные, добрые странники, наполненные самоотверженной любовью и подвигом жизни, молитвенно преподающие и умиляющиеся окружающей природе. Индивидуальное религиозное чувство становится вселенским океаном любви, пропитывающим каждый росток, травинку или дерево. Тихие скромные пейзажи русской природы М. В. Нестерова становятся воплощением разлитой в мире любви и непреходящей радости.

Путь странника проходит не через Россию, а через Святую Русь: сама природа на картинах М. В. Нестерова соучаствует в творении непрестанной молитвы, в практике «умного делания», в поиске Небесного града. Нестеров — певец русского леса. В образах странствующих подвижников его привлекала не только красота православной веры и обрядности, не только глубокая скромность и аскетизм изображенных персонажей, но и тихая созерцательная жизнь в согласии с русской природой. Вспомним такие работы художника как «Пустынный» (1888), «Видение отроку Варфоломею» (1889—1890) и другие. В работах художника периода Серебряного века пейзаж русской природы является воплощением состояния главного героя. Этот нестеровский пейзаж сопоставим с видением мира, открывшимся страннику по мере постижения иисусовой молитвы: «Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется в Добротолюбии “ведением словес твари” и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими»¹³. Вспомним странников на полотнах Нестерова, любующихся пробегающей мимо лисой, Сергия Радонежского, общающегося с медведем... Поток ярких и запоминающихся персонажей «Откровенных рассказов...» заставляет вспомнить простонародную веру, сомнения, чаяния и надежды. Здесь особо отмечен сыновний

путь к Богу, близкий по духу и развитый в сочинениях Н. Ф. Федорова. Актуальна для Серебряного века и тема обретения глубинной сердечной радости, дарованной и обретаемой в каждодневном молитвенном труде.

Странничество становится усилием и работой на пути обретения и положительного удерживания чувства Бога. Розанов полагал, что вера есть огромный и постоянный труд, некая точка сборки человека, проявление его устремленности к трансцендентному. Настроение светлой радости, таинственных касаний божественного, внутренне ликование, обретение тишины и покоя — на картинах М. В. Нестерова. Художнику словно вторят слова Розанова: «Нельзя достаточно настаивать на том, что христианство есть радость, и только радость, и всегда радость»¹⁴.

В живописном творчестве Н. К. Рериха человек — это путник, странник, идущий над бездной. Он связан «серебряными нитями» со всем мирозданием: «Не зритель миров, но сознательный соучастник человек, и дорога ему не через лужи, но через сияние сфер»¹⁵. Тема странничества в творчестве Н. К. Рериха многомерна и символична: она разворачивает богатство своего содержания в духовный план и означает духовное странничество и великое искание правды, способность к вечной проблематизации себя и своего места в Универсуме. Благостное «касание крыла Культуры» несет «отходящего путника в просветленном сознании»¹⁶.

Тема странствий души — любимая тема в культуре Серебряного века. Остается таковой и для наших современников. И. А. Бродский в поэме «Зофья» писал: «Впоследствии ты сызнова пловец, впоследствии “таинственный певец” — душа твоя не верит в чепуху — впоследствии ты странник наверху»¹⁷. Странствование — наиболее адекватное обозначение сущности человеческой жизни в пространстве духовной и небесной бесконечности.

Странничество Серебряного века тесно связано с обретением остроты и глубины человеческого самопознания: Серебряный век вновь открывает номадическое сознание и «сложную простоту» человека, но теперь уже на евразийских просторах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розанов В.В. Уединенное // В.В. Розанов. Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 78.

² Там же. С. 95.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 12—13.

⁴ См.: Дутчак Е.Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX — XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994.

⁵ Дорофеев Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах. URL: anthropology.rchgi.spb.ru/doc16.htm (дата обращения: 17.10.2013).

⁶ Там же.

⁷ Розанов В.В. Возле «русской идеи»... // В.В. Розанов. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 328.

⁸ См.: Вышеславцев Б.П. Предисловие // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж: YMCA-PRESS, 1989. С. 5.

⁹ Розанов В.В. Возле «русской идеи»... С. 34.

¹⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма // П.Я. Чаадаев. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 26.

¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России.

¹² Розанов В.В. О понимании. СПб., 1994. С. 348.

¹³ Вышеславцев Б.П. Предисловие. С. 43.

¹⁴ Розанов В.В. Эмбрионы // В.В. Розанов. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 253.

¹⁵ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемир. Лига Культуры, 1932. С. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бродский И.А. Холмы. СПб., 1991. С. 39.

Поступила 21.07.2014.

**E. A. Trofimova. Image of the Wanderer
in the Russian Culture of the Silver Age**

In this paper, the image, metaphor and specific historical phenomenon of wandering is considered not only as an important part of the Russian Orthodox culture, but also as a manifestation of Cosmism. Thinkers and cosmist painters largely prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau age. The art of the Silver Age saw the image of the wanderer in a symbolic and archetypal manner as in-depth experience of Russian spiritual culture and peculiarity of the national character, and Philosophy clarified the basic provisions and the values of the wandering metaphysics. A noted thinker N. A. Berdyaev saw freedom and the supra-world nature in the Russian wandering tradition. In the historically-specific aspect, wandering is associated with the history of the Russian church schism, with the protest anti-state forms of behavior, with the formation of Russian folk socio-utopian legends.

In the Art Nouveau age, wandering was in the particular focus of intellectual and artistic consideration. It was a special neo-romantic impulse of the leading masters of the national culture. Wandering manifested as a

particular tradition, preserving the basic constants and spiritual universal phenomena of the Russian culture. In the artistic practices of the Silver Age, the image-concept of a 'stranger' begins to symbolize the path of individual spiritual and moral strivings of a person and the attainment of the Supreme principle of the universe. The experience of wandering contributed to finding spiritual harmony between the peoples of the East and West (cultural projects by the Roerichs). Frantic 'rush into the distance', characteristic for the new European civilization, continued in the Russian Cosmism at a new level. The examples of works by N. Roerich, M. Nesterov, N. Leskov, V. Rozanov, N. Berdyaev, V. Solovyov, N. Fedorov show that the cosmists (writers, artists, thinkers) prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau and the Post-Modernism age.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

1. Рецензируемый научно-публицистический журнал «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» (далее — Журнал) публикует результаты оригинальных научных исследований. Перечень отраслей науки в журнале — социологические науки, культурология, философские науки, экономические науки, политические науки. Публикуются только те рукописи, которые ранее нигде не публиковались. В противном случае ответственность за это несет(ут) автор(ы) публикации.

2. Статья, написанная под псевдонимом или без указания авторства, не рассматривается.

3. Статья может иметь авторское посвящение.

4. Объем статьи не должен превышать 12 стр., рецензии на опубликованные книги, монографии — 6 стр. Бóльший объем материалов допускается по решению редакционной коллегии Журнала.

5. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

6. Все материалы должны быть в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть точной копией электронного варианта. В противном случае редакция Журнала вправе отклонить публикацию статьи.

7. В первой строке заглавными буквами указываются инициалы и фамилия(и) автора(ов) (выравнивание по правому краю).

8. Через строку приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

9. Далее также через строку указываются ключевые слова статьи, отделяемые друг от друга запятой. Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. После ключевых слов (через одну строку) дается краткая аннотация статьи (3—4 строки) на русском и английском языках. Если статья написана на другом иностранном языке, то обязательным является наличие ключевых слов и аннотации также на русском и английском языках.

10. Затем (через одну строку) приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и место работы (учебы), домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail. Автор(ы) несет(ут) ответственность за содержание данных о себе. Автор(ы), имеющий(ие) доступ к государственной тайне Российской Федерации, могут не указывать место работы и контактные данные. Место работы (учебы) дается полным названием без каких-либо аббревиатур.

11. Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

12. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

13. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Их следует нумеровать, если формула не одна.

14. Каждый рисунок (график, схема) должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

15. В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

16. После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная вручную. При ссылке на источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и место издания, конкретные страницы. Каждый источник печатается с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

17. Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

18. К статье также прилагается реферат объемом 150—200 слов на русском и английском языках, включающий краткое, точное изложение содержания статьи в соответствии с ее структурой, а также конкретные сведения (выводы, рекомендации и т. п.). Перевод реферата, а также аннотаций, ключевых слов, сведений об авторе(ах) статьи на английский язык, выполненный компьютерными программами, не принимается. Вводные слова и обороты в тексте реферата не используются.

19. К статье по желанию автора(ов) прилагается(ются) черно-белая(ые) или цветная(ые) фотография(и) без уголка и дефектов, размер 3 x 4 см. Электронная версия фотографии(й) принимается отдельным от текста статьи файлом в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

20. Статьи, оформленные с техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажирами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

21. Статьи редактируются и не возвращаются.

22. Авторские оригиналы статей хранятся в редакции в течение одного года после их издания. По истечении указанного срока они подлежат уничтожению.

СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ

В № 2 за 2014 г. в журнале «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» в статье Л. А. Кормишкиной, Н. Н. Семеновой «Конкурентоспособность агропромышленного комплекса региона в контексте “Ромба” М. Портера: оценка и перспективы» (стр. 69—83) на стр. 81 в примечаниях была дана неверная информация о гранте, предоставленная авторами статьи.

Правильные данные о гранте: статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00046а «Развитие теории и методологии исследования и обеспечения посткризисного экономического роста в контексте неоиндустриальной парадигмы развития».

Журнал распространяется по подписке.

Редактор *С. В. Денисова*

Макет *Л. В. Калачиной*

Перевод на английский язык *А. В. Пузакова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-57331 от 17 марта 2014 г. Подписано в печать 30.12.2014. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 13,33. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 1628.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Адрес учредителя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68.

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.